

Алия Шакирова

Реванш у смерти

Вернуть к жизни родного человека... Кто не мечтал об этом, потеряв близких? Огни выпал уникальный шанс. Она отправляется порталом в чужой мир, к самому могущественному из обитающих там монстров... И очень скоро получает даже больше, чем рассчитывала. Но и цена воскрешения мамы тоже окажется много выше, чем Огни могла вообразить.

Пролог

Степь наполняли крики, похожие и на звериный гомон и на человеческие возгласы одновременно. Дикие и неистовые, они заставили птиц умолкнуть, а живность застыть в норах.

Странные гуманоиды с чересчур длинными руками и лицами, больше напоминавшие карикатуры на людей, протыкали друг друга копьями, остервенело били дубинками, молотили увесистыми кулаками.

Их обнаженные тела, порой прикрытые набедренными повязками из шкур, казались сплошной загорелой массой.

Однако, разница между враждующими племенами все же улавливалась. Одни — статные и атлетично скроенные, пропорциональные, с высокими лбами и выпирающими подбородками. Другие — «кряжистые обрубки», слишком громоздкие, с крошечными ноздрями, нижней челюстью и губами, сильно выпяченными вперед, как у обезьян.

Хотя силище их оставалось лишь поражаться, другие заметно одерживали верх. Брали числом. Кидались на противников вчетвером, впятером, лупили и кололи со всей дури. Враги лихо отбивались, ловко парировали удары, встряхнув мощными мускулами, как тряпичных кукол сбрасывали недругов на густую траву, но с каждой минутой на их телах проступало все больше кровоточащих ран.

Тычок, удар, еще удар и последний «обрубок» обмякает и медленно стекает на землю... Победители открывают рты в восторженном крике, потрясая дубинками и копьями над поверженными, устилающими землю под ногами. Несколько минут воздух взрывается полурыками-полувоплями. Когда последние крики стихают, выигравшие сражение похозяйски тщательно собирают оружие убитых. Даже полубесформенные каменные ножи перекачывают к новым хозяевам.

Закончив, довольные воины следуют за сородичем, махнувшим рукой и что-то нечленораздельно гаркнувшим.

Среди пестрого степного разнотравья остаются лишь груды тел, замерших в неестественных позах, да куски плоти...

Точно в фильме ужасов один из мертвецов поднимается — медленно, дергано, сродни зомби из фантастического кино.

Эффект усиливают фиолетовые губы, белые глаза трупа на синюшном лице, скрюченные в посмертном окоченении пальцы. Одно плечо опущено, другое вздернуто, ноги едва передвигаются. Существо продолжает дрыгаться — коряво, неловко, страшно. Гигантская дыра от копья в его груди сочится бурыми струйками, росой оседающими на траве.

Мужчина, если его можно так назвать, продолжает странные рывки, точно живой труп,

случайно выползший из могилы средь бела дня. Раз за разом... Но через некоторое время становится очевидным, что покойник будто бы оживает. Появляется сизая радужка глаз, кожа светлеет, напоминая чистый лист дорогой бумаги, тело вмиг обретает гибкость, не свойственную даже обычному человеку. Жуткой раны на груди как небывало, даже шрама не осталось.

Существо напрягается, трясет кулаками, беззвучно кричит и в неверных лучах дневного солнца вокруг него проступает силуэт гигантского ящера. Перепончатые крылья будто колышутся на ветру, трепеща и переливаясь всеми цветами радуги. Длинное эфемерное тело, окутавшее восставшего подобно туману, сверкает черно-золотым, как и венец рогов на голове, спускающихся до загривка. Пасть зверя распаивается в такт со ртом ожившего трупа, мощный прозрачный хвост молотит по траве, не примяв ни одну былинку.

По степи проносится рык огромного раненого зверя, от которого содрогается земля.

1

Альтернатива

День смерти мамы остался в моей памяти размытым пятном. В мыслях всплывали и кружили обрывочные детали — куски мозаики, большая часть которой безвозвратно утрачена. Сумеречное сознание, кажется, это называется так...

Трясущимися руками раскрыв удостоверение, я продемонстрировала его полусонной вахтерше, закутанной в пуховый платок крест-накрест. Мельком глянув в окошко, пожилая служащая отложила кружку с ароматным кофе и нажала кнопку. Блестящая офисная вертушка недовольно скрипнула, подмигнула зеленым глазом и, подчинившись судорожному напору, выпустила меня на улицу.

Я заскочила в ярко-желтое такси и, не глядя на шофера, назвала больницу. Машина сорвалась с места, оставляя позади некстати пестрые улицы родного города. Слишком яркие дома, раскрашенные аляповатыми сочетаниями оттенков: то синего с густо-кирпичным, то зеленого с оранжевым, то красного с фиолетовым. Слишком красочно разряженные прохожие, слишком броские и веселые рекламные щиты.

Чем ближе мы подъезжали к нужному месту, тем отчаянней бухало сердце, сильнее холодели руки и ноги, ежеминутно что-то обрывалось в груди... В мыслях царил полный сумбур.

Серое здание со щербатыми стенами, хвостатая очередь в регистратуру, тянущаяся по всему вестибюлю, автомат для бахил, никак не желающих налезать на сапоги. Или все из-за моих «пляшущих» рук?

Каменная лестница, люди в белых халатах и разноцветной будничной одежде, снующие вверх-вниз. Безликие коридоры, похожие один на другой как две капли воды. Казенные голубые лампы, белые стены, источающие холод стерильности, резкий запах лекарств, смешивающийся с неистребимым ароматом хлорки.

Реанимация.

Усталый заведующий отделением будто нарочно встречает меня у дверей. По его морщинистому не по годам лицу все ясно без слов...

— Она еще держится. До приемного времени два часа. Придете, и я вас пущу, — упрямится он на немую просьбу.

— Пожалуйста, — выжимаю из пересохшего горла. Растрескавшиеся губы оставляют на языке металлический привкус крови. Горло саднит при каждом слове. Врач смотрит недоверчиво, сурово, но все-таки вручает халат.

Осторожно устраиваюсь на краешке маминой кровати. Глажу руки, за считанные дни совсем исхудавшие, почти прозрачные, целую впалые щеки, высокий лоб, покрытый испариной.

Что я тогда сказала? Память мигает, как зависший компьютер. Что она ответила? Снова то же самое. Помню лишь ее прекрасные глаза, полные благодарности. И любовь. Огромную и бесконечную.

— Пора, — слышу голос врача за спиной.

Я выхожу. Сажусь на продавленный кожаный диван, недалеко от двери в страшное отделение. Слезы застилают глаза. Ощущение, как от тела отрывается что-то жизненно важное, заставляет дрожать как осиновый лист.

— Как вы поняли? — возвращает к действительности молодой врач реанимации. — Еще пара минут — и вы бы не успели попрощаться.

— Чувствовала, — в оцепенении отвечаю я.

Он смотрит усталыми карими глазами древнего старика на юном лице. Не верит. Впрочем, какая разница?

— Удивительное совпадение, — пожимает плечами и уходит.

Не помня себя, бреду по людным коридорам, толкаю тяжелую дверь и выхожу на мокрую улицу. Белые пушинки снега падают и разбиваются на мелкие капли, и я перестаю понимать — слезы ли на лице или небесная влага. Да и какая разница? Все вдруг стало серым, холодным, безжизненным. словно цветущие тропики вмиг превратились в Арктическую пустыню.

...

Тряхнув головой, с трудом вынырнула из тяжелых воспоминаний. Они словно впитались в кожу, разъедаая изнутри.

Ценой огромных усилий заставила себя встать с кресла, чья тканная обивка местами истерлась настолько, что от рельефного золотисто-розового узора, змеившегося по травяному фону, остались лишь отдельные стежки. Странно, но раньше не чувствовала насколько затекли ноги. Как долго я просидела, уставившись в одну точку? Казалось, все ощущения в теле выключились — тоска, накрывшая с головой, просто заглушила их. В каждую мышцу будто вонзились миллионы иголок. Вот черт! Острая боль спровоцировала раздражение, заставившее апатию ненадолго отступить.

Шаркая драными шлепанцами, добрела до просторной для «панельки» кухни. Мазнула взглядом по круглым настенным часам, белесой кляксой зависшим на бежевой стене — полседьмого — спать еще рано. Я подобно автомату ложилась в десять, вставала в семь — в будни, в девять — в выходные. Режим помогал сохранить толику энергичности, ощущения течения жизни.

В доме было непривычно тихо. Точно соседи по многоэтажке сговорились и дразнили своей умиротворенностью, спокойствием, благополучием.

Я зачем-то посмотрела в окно, стараясь не замечать свое осунувшееся, бледное отражение. Сгорбившийся фонарь тускло мерцал желтым, выхватывая черные морщины голых веток. Двор казался мрачным, неприветливым. Узкие тропки петляли между барханами сугробов. Соседняя девятиэтажка — близнец моей, выглядела огромной серой

коробкой, расчерченной темными линиями.

Веселый красный электрочайник, зашумел и выключился, швырнув к потолку облачко горячего пара. Наполнив огромную белую кружку ароматным эрл-греем, зашагала назад, в квадратную гостиную. Здесь моими немymi соседями были лишь темно-коричневый лакированный шкаф да плоскоэкранный плазменный телевизор на узкой черной тумбочке с колесиками. Как и несколько лет назад... Казалось, время остановилось, замерло, вынудив бесконечно переживать один и тот же день, подобно герою старого фильма «День Сурка».

Иронично, но регулярные обследования по требованию моей фирмы, будто нарочно подтверждали это впечатление. Больше десятка лет врачи твердили о том, о чем каждый день напоминали зеркала — организм у меня как у молодой девушки. Таковы уж все нишати — странные создания с человеческим телом и аурой аджагар.

Аджагары — наши Творцы и прародители миллионы веков бережно охраняют информационные и энергетические оболочки галактик, планет, звездных систем. Проверяют, латают, восстанавливают, путешествуя по мирам порталами.

Однако выдержать на чужой планете время, нужное для поиска и решения проблемы, не всегда в силах. Аджагары восьмимерны, большинство же миров четырех-пятимерны. Вроде нашего, измеряемого шириной, длиной, высотой и временем. Выглядит замудрено, но, по факту все проще простого. Если вы хотите назначить встречу, что укажете? День, время, место. Последнее же определяется длиной, шириной и высотой. Например: завтра, в шесть вечера, на втором этаже ЦУМа.

В итоге древней расе пришлось наделить частичкой себя — энергетической оболочкой, а вместе с ней почти всеми способностями, аборигенов, вроде нас.

Мы никогда не видели друг друга, и вряд ли встретимся в будущем. Судьба раскидала нас по разным уголкам Земли, как стройные великаны-сосны — немых пограничников суровых горных кряжей.

Но сородичи со мной. В любую минуту, когда позову, захочу пообщаться, буду нуждаться в помощи. Это немного греет душу. Спасибо мыслесвязи — невидимой «рации», по которой мы в любую секунду можем поговорить телепатически, ощутить эмоции, а порой даже уловить мимику, жесты.

Но и другие нишати ничего не сумели поделать с моей бедой. Одиночество в толпе — я живу с ним уже почти десять лет. Наверное, долго для оплакивания мамы... Все теряют близких... Должно быть дело в чувстве вины, которое поедом ест из года в год, убивая все порывы, желания, устремления.

Я обещала ей... обещала вылечить. К тому же, переживают нишати острее, сильнее, дольше смертных. Все из-за мощной ауры... Он наша сила и слабость тоже.

Мужчины обращают на меня внимание — знакомятся, просят телефон, приглашают на свидание. Еще лет двадцать назад я обожала ухаживания, флирт, волнение от зарождения новых отношений.

А сейчас... Что они могут дать? Несколько часов забытья за вкусным ужином и безликой беседой с человеком, старающимся показать себя с лучшей стороны? Незнакомые объятья, жар чьей-то страсти, не спасающий от холода? Прикосновение губ, которое не избавляет от ощущения пустоты? Удовлетворение тела, горечью отдающееся в душе?

Сородичи из сил выбиваются, пытаюсь успокоить, убедить смириться, идти дальше. Порой даже вливают позитив, радость из своих аур через мыслесвязь... Зря стараются... Усиленно делаю вид, что стараюсь, активно участвую в общих предприятиях... Чувство

долга — одно из немногих, еще будоражащих умирающую душу.

Восстанавливая энергетическую и информационную ауру Земли я оживаю, точно пробуждаюсь от спячки. Беспокойство за планету заставляет сосредоточиться, отодвинуть на задний план все проблемы, боль, горючит кровь...

Годы назад, постигая собственные возможности, чувствовала себя ух-х-х... сверхчеловеком! У каждого нишати есть один, свой, особый дар. Мой — врачевание.

Когда вытаскивала из лап смерти единственное, самое любимое, самое дорогое существо... он казался благословением! Ежедневно вливала в ее измученное болезнью тело энергию, силы бороться. Каждое утро начинала с этой процедуры, каждый вечер заканчивала.

Нам обещали четыре месяца, но она прожила год — без боли, без немощи, в отличной форме.

Тогда, не смотря на неусыпную борьбу, истощающую энергетически, на страх перед кошмарным недугом, я с оптимизмом смотрела в будущее, с радостью встречала новый день.

Я могла действовать, сражаться за то, что дорого! Это ли не счастье?

А затем болезнь нанесла последний сокрушительный удар. Она ждала, пока мама ослабнет и... меня отключили. Я пыталась дотянуться, проникнуть внутрь ее тела и очистить от проклятого недуга. Но могла лишь чувствовать, как жизнь оставляет родное существо.

Нет ничего хуже беспомощности! Ярость сменяется грустью, грусть — апатией. И вот ты робот, изо дня в день повторяющий ритуал, который и жизнью-то назвать трудно.

Глотнув бодрящего чая, поставила кружку на деревянный поручень кресла, почти тон-в-тон с линониумом, исхоженным до грязно-рыжеватых проплешин. Мама не любила, когда я так делала... Боялась на мебели останутся следы. Ну и бог с ними.

Расплетя косу, я запустила в рыжие волосы желтый пластмассовый гребень, тот час застрявший, не дойдя даже до середины прядей. С усилием надавила, стараясь не обращать внимания на боль. Раздался неприятный треск и несколько широких зубьев отломились, оставшись в колтунах. Надо бы распутать. Пряди длинные, густые и если вовремя не избавиться от узлов, придется стричься. А мама любила мои шелковистые локоны — расчесывать, гладить, заплетать.

— Тебя отключили, потому что не тебе решать — кому жить, а кому... нет, — сквозь пространство и время из родного мира поясняет куратор. Наконец-то соизволил! Раньше только и «потчевал» фразами: «Так было нужно...», «У создателей не было другого выхода»... Гуманоида с далекой планеты назначили аджагары — учить нас быть нишати. Мы прозвали его Святейшество — уж больно всегда и во всем следует правилам, не отступая от них ни на шаг, и нас заставляет. Наставнику «кличка» явно не по душе, однако скрипит зубами, но терпит. Знает сам, что перестраховщик тот еще. Впрочем, сородичи шушукаются: дескать, все это из-за гибели цивилизации куратора — удивительных существ, умевших влиять на течение времени — замедлять его, ускорять и даже на считанные мгновения замораживать. Однажды лишь чуть-чуть нарушив законы мироздания, поведенные аджагарами, раса наставника практически вымерла... Как именно и что конкретно случилось тщательно скрывают и наши творцы, и Святейшество.

К нам в гости шестимерного куратора не затащишь — слишком уж отличается моя планета от его Родины. Даже если забыть о разнице в числе измерений, одна только гравитация на Земле в полтора раза больше. Подозреваю, что и атмосфера, и активность

солнца, да и многое другое убийственны для Святейшества. Хотя из него на эту тему слова не вытянешь.

Я с другими нишати с огромным трудом телепатически выпытала у наставника — почему он так категорично отказывается заглянуть «на огонек». Даже внешность Святейшества — тайна за семью печатями. Похож на человека или нет? Все-таки называет себя гуманоидом... Зато характер его изучили неплохо. Вот и сейчас куратор буквально впечатывает в землю железобетонными аргументами, точно сваи вбивает. Смягчать правду, заботиться об эмоциях собеседника — не для него. Но жестокая честность не облегчает страданий, не помогает двигаться вперед.

— Хорошо, есть один вариант, — вдруг заявляет он.

В шоке не знаю — верить услышанному или нет. Столько лет наставник убеждал смириться, жить дальше, оставить все как есть, потому что иного выхода нет. И вдруг — есть вариант?

Он что, пошутил? Решил поиздеваться? Проводит какие-то очередные опыты аджагар?

Куратор недовольно возвращает к реальности — терпеть не может сильные эмоции. Думает, чувства мешают создавать хорошие программы — любители фэнтези назвали бы их волшебными заклятиями. Берешь кусок энергии и внутрь него вкладываешь алгоритм — что нужно делать, как, где и с кем. При желании можно снабдить «нечто» временным разумом, научить подкрепляться аурой других людей, а еще лучше — Земли или деревьев. Человек быстро истощается, питая такую штуковину. Тогда какой же смысл?

Даже через мысленную связь я поняла, что куратор рассерженно сопит.

— Ну? — намекнула на продолжение.

— Пойдешь в другой мир. Мы туда во время тренировок заглядывали, через портал-окно, — принялся закидывать фактами наставник, точно энциклопедию зачитывал. Я уже привыкла к его излюбленной манере читать лекции заумней любого академика, — Вспоминай медитацию год назад — аналог Земли, но вся планета пронизана магией. Разбита на «кварталы» разных сверхов — (Это он про сверхъестественных существ.) — Каны — оборотни-каннибалы, генты — прообразы мифологических фей и еще бог знает кто. — Найдешь там прародителя ледяных нашей Вселенной, ну вампиров, если так тебе привычней, я вам о нем рассказывал. Дальше сама знаешь.

Мое возмущение ударило в куратора энергетической волной огромной силы. Я отчетливо ощутила, как голова его раскалывается от боли, в глазах — резь, уши — заложило, мышцы свело судорогой. Я из нишати, чья аура очень сильна. Чуть разозлилась — собеседник по мыслесвязи контужен. Сейчас же я в бешенстве. Захотелось рвать и метать, колотить Святейшество, кричать оскорбления...

Наставник создал из своей оболочки длинные щупальца — одно, два, три... и те нутужно вытащили из его ауры энергетическую булаву, запущенную нерадивой ученицей.

— Я ведь тебя спрашивала о нем! Когда мама умерла, и аджагары запретили возвращаться назад во времени, чтобы начать лечить на ранней стадии, или вообще предотвратить! Дескать, это нарушит ткань Галактики! Ты говорил, что все это сказки для детей! А на самом деле, его кровь такая же, как и у остальных ледяных! Что люди насочиняли мифов, из страха перед древним вампиром! Как ты мог?

Куратор с трудом восстановил дыхание, проскрипев через мыслесвязь:

— Тогда было не время! У меня тоже есть начальство! Теперь разрешено!

— Вдруг он откажется? Что я буду делать? — осознание собственной беспомощности

слабостью отдалось в теле, страх и отчаяние медленно, но верно лишали сил, — В конце концов, я перемещалась только на пару метров! А тут надо с десятков миров перемахнуть! Если ничего не выйдет и меня откинет назад!

— Твои проблемы. Мое дело предложить, твое дело — отказаться...

Как же хорошо Святейшество запомнил нашу излюбленную шутку! Я ждала уговоров, но вместо этого наставник отключился.

— Я не умею! Боюсь! Не знаю, как убедить! — истошно заорала вслед.

Очередная волна накрыла куратора — гуманоид сложился пополам, скорчился от боли, трясущимися руками схватился за голову, изо всех сил зажмурился, издав протяжный стон.

— Твоей бы энергией электростанцию питать, — истерично швырнул мысль. — Все умеешь. Пробуй, тренируйся, экспериментировать. Через какое-то время получится. Если нужно — убедишь!

И прервал связь. Я могла достучаться, достать куратора сквозь пространство и время. Вынудить продолжить беседу, рассказать побольше. Но почему-то отступила.

Медленно опустилась в любимое кресло — мягкое, просторное, с высокой спинкой, удобное, не смотря на «преклонный возраст». Надо подумать. Решиться на отчаянный шаг. Теперь у меня есть цель, я могу действовать!

2

Охота на двуногую дичь

(Тетис)

Тет вернулся в поселение вслед за Тареллом.

Над лесом, опоясавшим квартал канов, забрезжил восход. Малиновое зарево поднималось все выше, освобождая пышные кроны деревьев из ночной полумглы. Лениво подбиралось к покатым крышам неказистых кирпичных домов и стройным деревянным изгородям вокруг них. Звонкие трели птиц многоголосьем взорвали предрассветную тишину.

Тарелл обрел человеческий облик и, расправив могучие плечи, неспешно пошел к своему двухэтажному каменному особняку — одному из подарков человеческой культуры. Обнаженный двухметровый исполин — живое воплощение опасности ... Словно тяжелое пушечное ядро, со свистом разрывающее воздух и неумолимо разящее цель...

Каны вставали рано — вокруг нескольких больших костров, уютно потрескивающих и бросающих в воздух золотистые искры, уже всюду суетились женщины с котлами. Лишь ночные нарушители порядка — охотники — спали в этот час. Поселение гудело, как растревоженный улей. Сотни глаз с восхищением взирали из распахнутых настежь ставней на нагого вождя. Тарелл же, равнодушный к поклонению соплеменников, неспешно вошел в гигантские двери коттеджа, охраняемые шестью мраморными кошками в человеческий рост.

Все каны, без исключения, были высокими и крепкими. Но Тарелл с Тетисом высотой и статью выделялись даже в родном племени.

Немудрено, что на них глядели как на богов...

Лицо альфы на фоне алого цветка, распускающегося у горизонта, казалось высеченным из камня. Угольные глаза под низкими надбровными дугами, высокий лоб, выпирающие скулы, массивный подбородок. Иссиня-черные волосы падали на плечи львиной гривой.

Тет поспешил скрыться от назойливых глаз в своем жилище.

Перед взором все еще стояла картина сегодняшней ловли двуногой дичи...

С момента легализации людоедов брат альфы питался только клонами.

Так хотелось эволюционировать, перенять лучшее от культуры людей, неплохо изученной благодаря выездам в ничейные кварталы по делам племени и для обязательных переговоров с другими расами.

Решение стать частью всемирного государства, добровольно согласиться блюсти законы, далось Совету вождей непросто.

В какой-то момент истребление людьми, верберами, стычки с гентами начали угрожать существованию многих племен канов. Особенно огненных, живших в степях, не способных укрыться в густой лесной чаще и отсидеться там, пока буря не утихнет.

Да и надвигающаяся война между расами не сулила ничего хорошего даже победителю. Лесные короли всю применяли свои волшебные фокусы. Демонстрируя силу, в одночасье испарили остров и несколько километров джунглей. Были кусочки суши посреди океана, непроходимые чащобы и пропали. Куда — так никто и не знает.

Люди сбрасывали бомбы на поселения сверхов, превращая их в груды обожженной плоти, обугленных остатков жилищ и мертвую землю. Стае Тета повезло — все это они наблюдали только с экрана телевизора, мелкими обрывочными кадрами позади щебетавшего новостного диктора.

В отместку оборотни нападали на мирные человеческие поселения, рвали на куски всех подряд, ледяные за ночь осушали города.

Настал момент, когда у народов не оставалось выбора — договориться или сгинуть с лица Земли.

Стволовые клетки и клонированное мясо с кровью можно смело назвать спасением.

Людоеды, верберы и нежить еще никогда не видели такого обилия пищи.

Но куда девать охотничьи инстинкты, отточенные веками?

Многие хищные оборотни, часть канов в том числе, наострились загонять животных. Старку хватало «выгуливания зверя» — пробежек по бывшей охотничьей территории людоедов в кошачьем облике.

Но сопровождение старшего родственника на охоту — древняя традиция канов. Даже когда Тарелл еще не занял место вождя, за пренебрежение вековыми устоями людоеда рвали на части. Живое. Медленно и безжалостно.

Тет самолично закупал клонированное мясо по заказу соплеменников — в любом количестве, любой жирности, любого возраста и пола. Только плати!

Настоящий подарок богов! Хотя жестокие боги канов вряд ли озаботились бы их пропитанием.

Охота на двуногую дичь стала для людоедов чем-то вроде развлечения. Запрещенного законом и потому для некоторых особенно желанного. Не все каны могли удержаться от того, чтобы полакомиться свежей, теплой и мягкой человечинной... Настоящей! Загнанной! Пойманной!

Человеческая наука и гентские маги придумали миллионы способов уничтожить останки хрупкого смертного тела. Были бы деньги.

Женщины племени находили «следы охоты на двуногую дичь», растворяли недоеденную добычу в кислотах, к производству которых приложили руку лесные короли. Несколько часов — и плоть разлагается до мельчайших частиц — никакой медэксперт не разберется.

Главное не пересечься на охоте с ледяными и медведями. Полиция сверхов людоедов не пугала. Скорее наоборот. Редкий страж порядка рискнул бы связаться с канам. Их жестокие обычаи нередко приводили чужаков в замешательство. Ледяные с медведями — другое дело.

Беспощадная, кровопролитная война надолго отбила у канов охоту ссориться с вампирами. Сотни великолепных воинов в самом расцвете сил сложили головы из-за территории, пролегающей между кварталами людоедов и нежити.

Медведи же были естественными врагами канов. Они охотились на зверей и... людоедов. С кланом Таррела воевали трижды. Последний раз — всего лет десять назад.

Первый раз канов разбили. Второй — они почти истребили врагов. В третий — к медведям присоединились ледяные. Такого сокрушительного поражения племя Тарелла не знало многие века!

Тет еще помнил, как все госпитали поселения были заполнены ранеными. Истошные крики, стоны, хрипы и звуки отъезжающих машин, увозящих мертвецов за пределы поселения, не прекращались ни днем, ни ночью... Будили, заставляя съезживаться в своей кровати в крошечный комочек нервов. Просыпаться от кошмаров в липком поту.

Черная земля между кварталами канов и медведей впитала столько крови, что, казалось, на ней вырастет алый лес. В боях с медведями многие людоеды стали калеками. Учитывая традиции канов, это хуже смерти.

Тет еле слышно вздохнул, не в силах избавиться от тяжелых мыслей...

Толкнул увесистую дубовую дверь и ввалился в свой дом — не такой огромный и пафосно украшенный статуями и колоннами, как у Тарелла.

Не обращая внимания на суетившихся в просторной, по-спартански обставленной гостиной домохозяйку и старшую сестру Индиру, заскочил в ванную.

Скорее! Смыть, уничтожить воспоминания о сегодняшней охоте...

Может ледяные струи родниковой воды, хрустальные, свежие, принесут хотя бы толику забвения.

Но забвение — удел слабых духом. А Тет всегда был сильным.

...

Сварливый ветер колыхал густую массу ночного леса, разрезанную ярко-оранжевой лентой шоссе. Свет красно-рыжих фонарей ложился на дорогу кляксами. Мотыльки гулко бились об искусственные солнца, шурша крыльями и падали, глухо ударяясь о землю.

Ночные птицы переговаривались на разные голоса — басисто, визгливо, барабанной дробью. Ухала сова.

Оживленное движение на трассе стихло. Редкие авто проносились по ровному асфальту, бередя ночь шепотом колес.

Запахи перемешались в дикий коктейль. Нотка теплого асфальта, мерзкий привкус раскаленного фонарного стекла врывались в терпкие ароматы леса. Приторный — буйно цветущего разнотравья, освежающий от осоки, терпкий хвойный, пряный — от шишек.

Огромная черная кошка, в сравнении с которой и бенгальский тигр — котенок, готовая к прыжку, замерла, будто статуя. Лишь время от времени мощные задние лапы беззвучно переминались на мягкой траве. Лунные блики серебрили гибкую спину зверя, пробегая от головы до хвоста. Темно-синие глаза, уставившиеся в одну точку, едва заметно поблескивали во мгле.

Тет тысячу раз выходил с Тареллом на охоту и прекрасно знал — чем все закончится.

От предвкушения беды едва дышал. Сердце глухо билось о грудную клетку. Медленно,

но с такой силой, что, казалось, еще немного — и ребра с треском вывалятся наружу.

Тарелл молниеносно прыгнул, подобно снаряду, выпущенному из пращи.

Острые как бритвы когти шкрябают по металлу. Свист тормозов отчаянный, ошалелый смешивается с запахом горелой резины и визгом шин по асфальту.

Грохот опрокинутой машины, только что летевшей по шоссе, пугает птиц. Они, суетливо хлопая крыльями и взволнованно гогоча, взмывают с веток в синеву неба.

Машина переворачивается несколько раз, как игрушка. Замирает на секунду у края трассы и ухает вниз. Снова переворачивается, замедляется, раскачиваясь для последнего кувырка. Замирает, плюхается, с причавкиванием вдавливая колесами податливую почву. Дверца скрипит, и с мерзким скрежетом отваливается. Проскальзывает в овраг, найдя там последнее пристанище.

В два прыжка каны у цели.

В покореженном авто, больше похожем на груды металлолома, парень и девушка. Кровь размазалась по лицам как неудачный театральный грим, тела замерли в неестественных позах. Повезло? Жертвы мертвы? Не успело облегчение расслабить натянутые до предела мышцы, слышится биение сердец. Ускоряется и ускоряется. Две пары расширившихся зрачков смотрят как на исчадие ада. Удивление и боль во взгляде сменяется ужасом. Девушка в шоке, но парень хочет закричать — грудь вздымается от наплыва воздуха.

Тарелл мощными челюстями хватает его за плечо и волоком тащит из машины.

Парень орет, срываясь на визг, извивается, колотит руками. Тарелл с хрустом перекусывает ключицу.

Тяжелый взгляд альфы вдавливают в землю. Ясно как день — требует от брата таких же действий.

Тет смотрит в милое личико девушки... Мало сказать, что напугана. От страха глаза почти вылезли из орбит, губы вздрагивают на застывшем лице-маске. Видел такое тысячи раз, но от этого не легче. Спокойно! Медлить нельзя! Перекусывает ремень безопасности, хватая девушку за ворот джинсовой рубашки и тащит наружу.

Тарелл уволок жертву в лес, на бывшую охотничью территорию канов. Хорошо...

Тет обращается в человека и дает девушке несколько звонких пощечин. Ступор добычи сменяется истерикой. Жертва брыкается — беспорядочно размахивает руками и ногами, напоминая сломанную мельницу. Комья земли летят во все стороны — ногти девушки прорезают длинные борозды, пятки оставляют овальные ямки. Дичь силится заорать, но рот зажат огромной пятерней.

— Не кричи, — шипит Тет. — Сейчас убегу руку, а ты беги что есть мочи. Поняла?

Жертва несмело кивает. На лбу проступила испарина. Тело реагирует на ужас. Бешеным биением сердца, поднимающейся и вмиг опадающей грудью и... адреналином. Гормон наполняет воздух, словно дым во время сильного пожара.

В носу свербит.

Этот ненавистный запах страха!

Реакция добычи понятна и оправдана. Дав секунду на подготовку, Тет отдергивает руку. Дичь вскакивает. Падает. Опять поднимается и бежит, спотыкаясь и снова падая. Прочь! К спасению, к жизни, к людям!

Тяжкий, обреченный вздох вырывается из глотки.

Дураку ясно — девушка настучит в полицию сверхов. Но иначе никак... Невозможно.

Обостренный слух прекрасно улавливает творящееся в лесу. Обернувшись зверем, Тет

медленно идет «посмотреть на себя со стороны».

Когда-то и он загонял двуногую дичь, наслаждаясь азартом охоты.

Вождь стоит среди вековых деревьев, опершись о грудь жертвы огромными лапами.

Он упивается страхом добычи. Густой лесной воздух пропитался запахом ненавистного адреналина.

Аромат окутывает, окружает, проникает в каждую пору, вгрызается в мозг. Надо выдохнуть! Еще! Еще! Еще! Нет, не помогает!

Срочно избавиться от омерзительного противного вкуса на языке и в носу!

Лицо добычи искажает гримаса. Из передавленного горла рвется стон, Тарелл жадно вгрызается в грудную клетку жертвы.

Кровь и куски мяса летят во все стороны. Отвернуться! Не смотреть!

Но воля покидает. Взгляд прикован к жестокому действию. Немыслимый азарт овладевает всем существом. Алчность! Убийца внутри требует свободы. Рвется наружу, нажимая на все первобытные инстинкты.

Сырая человечина! Теплая, настоящая, загнанная... Все животное, древнее, ужасающее поднимается из глубин души от одного ее запаха, вида.

Бороться... не сдаваться!

Решил для себя — только клоны! Хватит дикости, зверств и убийств! Хватит нарушать законы нового мира! Ведь можно жить иначе! Эволюционировать по примеру ненавистных верберов или презираемых Советом Вождей огненных.

И это единственно правильный путь развития канов!

Алые струи хлещут из распластанного тела юноши. Руки и ноги раскинуты, будто жертву распяли. Лицо неестественно перекошено, рот разинут в немом крике. Грудь разорвана в клочья, поломанные ребра выглядят тростинками, покореженными ураганом.

А в эту минуту вождь канов, рыча от удовольствия, острыми как ножи зубами раздирает еще теплое сердце жертвы. По клыкам лениво стекает рубиновая жидкость, удобряя землю.

Тарелл ест только сердца. В этом он весь. Вождь может заказать на мясоферме клонированное человеческое сердце любого вида, размера, возраста... Но ему нравится вырывать орган из груди еще дышащей жертвы, наблюдая, как жизнь покидает ее. Как стекленеют глаза, тугие мышцы становятся мягкими и податливыми...

Тарелл охотится не ради пропитания. Не из гурманства, подобно многим канам. И даже не для того, чтобы щелкнуть чертову полицию сверхов по носу! Не-ет! Ему нравится отнимать жизнь, поглощать чужое дыхание, чужие надежды, чужое будущее... Кровожадный зверь, от и до...

Тет сглатывает и пятится. Пятится. Пятится...

Ноздри раздуваются, втягивая соблазнительный, пьянящий, терпкий аромат свежееубитой добычи... Нутро заходится в вопле: рви, грызи, поглощай!

А кровь, как назло, приковывает взгляд — лениво вытекает из зияющей раны — сладкая и желанная. Нежное мясо, лоскутами свисающее из растерзанной груди — сочное, умопомрачительно вкусное... Голова кружится, словно голодал месяц, а то и больше. Желудок сжался в тугой узел и прилип к спине. Пасть наполнилась слюной, сглатывать Тет не успевает. Каждый мускул налился свинцом. Проклятые инстинкты, подогретенные чувственными ощущениями, пируют на остатках самообладания. Нет! Только не это! Не вернуться назад, не сдаться на волю охотничьего инстинкта! Вампиры смогли, смогут и каны...

Тет снова пятится. Не выдержав, что есть сил, мчится прочь.

Вождь нагоняет через несколько минут. Улыбаясь, облизывает окровавленные челюсти...

Челюсти Тета сводит так, что крепкие клыки скрипят, щеки натягиваются до предела. Ночь охоты. Один из десятков ежемесячных выгулов зверя. Не первая и не последняя...

Тету три десятка, Тарелл старше всего на десять лет. Каны и медведи живут до ста шестидесяти лет и дольше. И лишь в последнее десятилетие тела их берет возраст. Так что предстоят еще многие ночи...

3

На ошибках учатся

(Огни)

Думала не доживу до очередной утренней медитации!

Сплю обнаженной — хочется пусть ненадолго, но дать телу отдохнуть от повседневного бремени одежды. Покинув заботливое тепло пухового одеяла, поспешно надеваю трико с начесом и толстовку. Нишати вечно мерзнут. Создатели забыли, что они аджагары — полуящеры, а мы хомо сапиенс — теплокровные, отсюда и все беды. Хотели как лучше, а получилось как всегда.

Аура наша удивительна. Энергетическая оболочка высшей расы обновляет изнутри, сохраняя тело молодым, лечит недуги, дарит потрясающие способности. Но согреть не в силах. За счет чего? В ауре человека, словно в генах, записана правильная температура, в нашей — гораздо ниже.

Зима — самый страшный период для нишати, живущих в средней полосе. Стоит нагряться морозам, я кутаюсь как матрешка — три свитера, трое колготок, платок под меховой шапкой, две пары варежек. Но все равно замерзаю, добежав от подъезда до такси и от такси до работы.

Минус два, три, ну восемь градусов еще терпимо. Но дальше... Туши свет.

Мало того, приходится выходить с получасовым запасом времени. Надо же переодеться на службе — руководитель отдела рекламы обязан выглядеть презентабельно, а не беженцем из Сибири.

В одном повезло — в офисе топят как сумасшедшие, хоть тропические джунгли разводил. Остальные сотрудники недовольны, вечно жалуются, приносят веера, умываются холодной водой в уборной, с ног до головы обливаются антиперсперантом, а мне хорошо.

Когда-то идея переехать в теплые края прочно укоренилась в голове. Однако, в теории все легко, на практике же, всплывает множество проблем.

Нужно искать новое жилье, работу, бросить родных и близких, какое-то время жить среди абсолютно чужих людей, начинать все сначала.

Для кого-то это нетрудно, сама таких знаю и даже не одного, для меня же — невыполнимая задача. Я, как говорят, очень тяжела на подъем.

Потеря мамы перевернула мир с ног на голову... Одна мысль покинуть город, где она нашла последнее пристанище, заставляла сердце жалобно сжиматься. Уехать теперь казалось смерти подобно. Будто я бросаю маму насовсем, как бы глупо и странно ни прозвучало.

Я привычно включилась в общую медитацию — похоже на коллективное сознание, такое слияние: аур, мыслей, эмоций. Воспользовавшись случаем, вызвала итальянца Марио на приватную беседу. Очень нужна одна вещь... Та, что есть лишь у него.

— Огни?

Наши прозвали меня Огни.

Святейшество уверял, что энергооболочкой меня наделил огненный аджагара — так вышло, что большинство «нашей популяции» получили свои от белых, голубых и зеленых. Впрочем, особой разницы между нами нет. Другое дело — нишати, порожденные единственным и неповторимым черным аджагара — прежним вождем Создателей. Они — избранные, с аурой, простирающейся в иные измерения и способностями, о которых среди прочих нишати ходят легенды ...

...

У Марио потрясающий дар — его любит фортуна. Итальянцу везет всегда и без исключений. Если он опаздывает на работу, на дороге, будто по мановению волшебной палочки, появляется такси и довозит до офиса в срок. Светофоры, как один, дают зеленый свет, ни разу не задержав по пути.

Если у Марио заканчиваются деньги, кто-то вдруг предлагает подработку или отдает старый долг. Если он забывает взять зонт, дождь услужливо заканчивается, едва итальянец выходит на улицу.

Но аура у него не очень мощная. То есть по сравнению с человеком — огромная, по сравнению же со мной, например, и остальными, такими же, как я, мизерная. Поэтому Марио частенько просит энергию для серьезной удачи. Другие не дают. Может, из вредности, может, из зависти, кто разберет — чужая душа потемки. Я — всегда, пожалуйста. Если энергии много, девать некуда — почему не поделить?

Сегодня я решила попросить у Марио ответную услугу.

Хотя однажды она привела на край бездны.

...

После смерти мамы общение стало пыткой.

Соболезнования спазмом отзывались в груди. Казалось, лезвием скальпеля от меня отрезали огромный кусок. Очень важный и нужный. Вспоминалась старая сказка — там злая ведьма вскрыла герою живот, вынула органы и напихала вместо них камни, землю и гнилые листья. Отчаяние то сотрясало тело мелкой дрожью, то заставляло сжаться, чувствуя, как одеревенели мышцы.

Поездки. Будни. Праздники. Память окунала в несчастье с головой. С какой-то безжалостной яркостью. Чтобы поняла, увидела, в мельчайших деталях оценила — чего лишилась. Вновь и вновь прощалась со всем, наполнявшим жизнь радостью, счастьем, надеждой.

Поделиться болью можно лишь в книге или фильме. Боль — всегда твоя и только. Никто не разделит ее, как сильно бы ни хотел, ни стремился. Просто со всех сторон чужая жалость тех, кто тебя не понимает.

Ненавижу жалость! Она унижает, заставляет чувствовать себя букашкой, брошенной на волю Вселенских катаклизмов.

После похорон меня неделю колотило. Тело содрогалось от жестоких судорог — раз за разом. Я не ела, почти не спала, впала в чувственную кому. Ничего не хотела. Ни-че-го.

Опускалась в кресло, где любила сидеть мама — мягкое, старое, обветшалое... родное.

Почти не чувствуя соленую влагу, стекающую по лицу, часами смотрела на мамину светло-коричневую дубленку с подвернутыми рукавами — у меня так и не хватило решимости убрать ее с вешалки. Казалось странным, что эта глупая, нелепая вещь пережила хозяйку.

На каждый хлопок двери оборачивалась, ожидая, что мама войдет, закашляется, снимет сапоги и включит телевизор. Досмотрела сериал, который ненавидела, ведь мама ни на что не реагировала, увлекшись им. Она так и не смогла дочитать этот телероман. Вертела в руке брелок, купленный родному человеку за неделю до страшного дня...

Наши пытались до меня достучаться. Хуже того! Они трезвонили в мозг так, что складывалось ощущение — не отключи я связь, голова взорвется. Долбили. Настаивали. Требовали. Пришлось все блокировать.

Спустя два месяца, робко ослабила щит от мыслеволн, и они полились, наполняя голову с такой силой, что, казалось, сейчас со свистом вылетят через уши. Я не разбирала — кто и о чем говорит, не могла вычленишь из белого шума ни единой фразы. В спецназе — как любит шутить куратор — пятнадцать нишати. В бедном мозгу звенело, гудело, жужжало, как назойливый рой насекомых, а мысли прибывали и прибывали.

Хотелось заорать, что есть мочи, лишь бы прекратить эту пытку ужасающей какофонией. Но четко осознавала — не вытерплю сейчас, завтра, послезавтра будет еще хуже. Обязана сдюжить, деваться некуда. Мигрень и треск в висках — честная цена за общение после долгого молчания.

Часа два не могла вообще ничего разобрать, старалась ни о чем не думать. Наконец, когда голосов стало меньше, а мигрень слегка утихла, из бурного потока выцепила речь Марио — итальянец предлагал одолжить немного своего везения.

— Соглашайся! С твоей энергией сможешь загадать почти любое желание! — речитативом твердил парень, точно заправский Джин, нахваливая свои услуги. Похоже, опасался, что снова заблокирую связь.

Как он делится даром? Понятия не имею... Свое врачевание никому отдать не могу. А порой так хочется!

— Марио! Ничего не надо! — попробовала я мягко отказаться.

— Уже все сделано! — пришло через тысячи километров. — Желай!

Ну, я и пожелала...

Первый Новый год после потери... Праздник сквозь боль. Со своим тогдашним мужчиной сижу в сверкающем пестрыми гирляндами ресторане, тщетно пытаюсь скрасить пустоту внутри пестротой общества незнакомцев. Возможно, таких же ущербно-одиноких, как и я сама.

Елка в центре зала, упирающаяся в потолок золотисто-рыжим шпилем, выглядит унылой и поникшей, будто предвкушает свою безвестную гибель на свалке. Огромные шары: синие, белые, зеленые, усыпавшие ветки так, что и зелени почти не видно — вот оно преступление против хорошего вкуса.

Колышущееся пламя трех свечек на столе напоминает отпевание...

Ветки темного винограда рядом с ними тоскливо свисают из ажурной вазы.

И тут...

Холодная волна устремляется от затылка к пяткам, сердце замирает, резко и жалобно и также внезапно пускается вскачь, будто испуганная антилопа. Опять замирает и вновь бьется с такой силой, что гулкий звук проходит сквозь тело, заставляя его содрогаться и вибрировать в такт. Ком в горле — отвратительный, колючий.

Она... садится за наш столик. Женщина. Сказать, что похожа на маму — не сказать ничего. Та же фигура, те же волосы и прическа, те же грустные и очень добрые глаза. Отчаянно пытаюсь научиться дышать заново, заставить тело не сотрясаться от барабанной дробы сердца. А незнакомка представляется... Открываю рот словно рыба, но из пересохшего горла вырывается только едва слышный хрип. Женщина — полная тезка мамы...

Гадалка однажды сказала: «Ты получишь то, что хочешь. Но захочешь ли то, что получишь?».

«Бойтесь своих желаний, они сбываются» — предостерегали мудрецы.

...

Марио откликнулся сразу — он вообще милый, позитивный, хороший. Просто очень хороший парень.

— Ты можешь одолжить половину везения? — спросила я без прелюдий. Думала, итальянец захочет выяснить — чего это мне в голову взбрело? Но он лишь обрадовался. Вот любит же Марио делать добро!

— Надолго? — уточнил он.

— Не знаю.

— Готово. Пользуйся.

4

Попытка не пытка

Я собиралась лихорадочно, суматошно, плохо соображая, что делаю. Лишь бы поскорее очутиться на месте... Куда спешила? Тот, кого ищу, прожил десятки веков и еще столько же разменяет. Что ему день, два, три... Есть у меня дурная черта — на сильных эмоциях бросаться в омут с головой, вместо того, чтобы нормально подготовиться, обдумать, потренироваться, в конце концов.

Дрожащими руками нацепила бежевый спортивный костюм и кеды — хотелось одеться поудобней, длинные волосы заплела в тугую косу.

Уверена, куратор нарочно сообщил мне об альтернативе именно сейчас, когда в стране, куда направляюсь, лето вступило в свои права. Знает, как мерзну... Тот, кого ищу облюбовал жаркие места. Власть у него огромная, так что где хочет, там и селится. Но зимой во владениях древнейшего ледяного около 10 градусов. Конечно не ноль и не минус, но все равно не слишком-то приятная для меня погода.

Захватила паспорт, кошелек, не без труда запихав туда все заготовки и пару запасных резинок для волос.

Здраво рассудить, увы, была не в состоянии.

А если в новом мире какие-то особенные деньги? Планеты-близнецы копируют друг друга не полностью. Действительны ли там местные документы? Может вообще чипы вживляют? Не станут же оборотни в зверином обличье таскать в зубах удостоверение личности... Про резинки для волос и не говорю. Конечно! Разве есть что-то более необходимое в чужом пространстве?

Свой нехитрый скарб покидала в сумку с ремнем «через плечо».

Ладно, еще чемодан мне сквозь портал ну никак не протащить. По словам куратора, чем

тяжелее предмет, тем больше энергии требуется на его перемещение из мира в мир. На десять-тридцать килограмм моих сил уж точно не хватило бы. В противном случае, приволокла бы на себе кучу абсолютно ненужных вещей.

Отчего не взяла оружие? Ну хотя бы нож, уж если раздобыть пистолет или нечто подобное для меня слишком сложно. Вот тут почему-то сработала логика, напрочь отказавшая в остальном. Я слишком хорошо понимала, что сверхов мира, куда направляюсь, мне уж точно не одолеть.

Любой из них гораздо сильнее, быстрее меня и неуязвимей. Только потянусь за кинжалом или револьвером, уже буду скручена, попытаюсь вырваться, сломают как тростинку. Куратор рассказывал, что пробить вампирскую плоть, вербера или, скажем кана, не всякому спецназовцу из нашего пространства удалось бы. Уничтожить ледяного можно только точным ударом или выстрелом в сердце. Причем, не чем угодно, а посеребренным клинком или оружием, стреляющим пулями с серебряной наплавкой. Очень сомневаюсь, что моих скромных сбережений хватило бы на подобное оружие.

Как навредить оборотням, Святейшество не знал, или делал вид.

Их регенерация позволяла восстановиться даже после ранения в сердце, в глаз, в голову. Если, конечно, не снести полчерепа или не разрубить пополам.

Не уверена, что годы тренировок дали бы мне даже мизерный шанс против любого из сверхов пространства, куда намеревалась попасть.

Тогда в чем смысл траты времени, когда боль и жажда вернуть утраченное толкали побыстрее рвануть в неизвестность?

Мне оставалось надеяться лишь на везение Марио. Вдруг удастся договориться с кем-то из нелюдей? Предложить что-то взамен помощи и защиты? А может удача итальянца и вовсе привлечет друзей?

При всей фантастичности любой из этих вариантов куда реальней, чем хотя бы ничья в драке с существами в разы сильнее, быстрее, ловчее, а главное, почти неубиваемы.

Шансов немного, но больше надеяться не на что, а жизнь без надежды измотала, превратила в жалкого нытика. Лучше погибнуть в попытке вернуть самое дорогое, чем до конца дней жалеть себя и презирать за это... Тем более, я даже не знаю как долго живут нишати. Святейшеству лет пятьсот, по его собственным словам. Разве выдержи столетия безнадежности? Бесконечные воспоминания и сожаления, в плену которых хочется лечь и больше никогда не вставать. Вещи... ее вещи. Слишком бесценные, чтобы от них избавиться, каждый взгляд на которые придавливал к земле многотонной глыбой отчаяния.

Нет! Больше не могу! Пан или пропал! Лучше рискнуть жизнью, чем существовать так...

Решение приняла в каком-то полубреду, на грани истерии.

В последний момент положила в кармашек сумки газовый и перцовый баллончики. Не для сверхов, конечно же. Оборотни если только чихнут пару раз, а ледяным подобное средство самозащиты вовсе нипочем — мертвые не дышат, химикаты на них не действуют.

Взяла на случай нападения людей. Мало ли... маньяк встретится, убийца.

Судя по обрывочным сведениям, когда-то брошенным куратором, нужные мне вампиры облюбовали очень глухие места, неизвестно на кого напорешься.

Пожалуй, это было единственным здравым решением, не понятно как возникшем в затуманенном сознании.

Руки тряслись как у алкоголика с дикого похмелья, нервы накалились до предела.

Казалось, посмотри изнутри — и каждое окончание будет светиться и мигать. Мышцы одеревенели от напряжения, затекли, будто я отлежала, отсидела все, что только можно.

Почему думала, что получится? Понятия не имею, пришла уверенность. Я отпросилась с работы, сказавшись больной, и собралась в путь. Сегодня четверг, завтра у меня выходной — значит, до понедельника совершенно свободна. Ну что ж, поехали.

Я действительно не знаю — как путешествовать по мирам.

Погрузилась в медитацию и вернулась в тот момент... Тогда переместилась всего на метр и грузовик, на сумасшедшей скорости вырвавшийся из-за дома, просвистел мимо, в миллиметрах от ошарашенной пешеходки.

С головой окунув в отвратительный запах бензина и грязи, заставил вмиг забыть все чувства, кроме смертельной угрозы. Как говорится — что имею. Начнем с малого.

Память не подкачала, услужливо вернув все, до мельчайших деталей.

Весенняя улица, дышащая сыростью. Мерзкий дождик росой оседает на волосах, ресницах и бровях. Пронизывающему до костей шквалу потрескавшаяся кожаная куртка — что урагану соломенный сарай. Радостно прорывается ветер к телу, обдавая влажным холодом. Серый асфальт и полустертая разметка пешеходного перехода наводят тоску... Надвигающийся страх. Так! Перемотка! Монтаж! Не нужно погружаться в ужас! Это лишь спутает карты, заберет силы. Еще перемотка, еще и еще.

Стоп!

Бездна. Чернота. Асфальт. Бездна. Асфальт. Бездна. Асфальт. Воронка, заглатывающая меня, словно голодное мифическое чудовище. Мгла. Живая, дышащая, шепчущая что-то на своем чудном языке. Разряды невиданной мощи бегут по нервам и вот-вот обратят их в прах. Мышцы жгут так, словно их обдают крутым кипятком. Бездна. Асфальт. Ноги подкашиваются. Меня швыряет из стороны в сторону. Желудок, похоже, вознамерился покинуть тело и начать свободный полет в неизвестность. Вокруг горла стягивается тугая петля. Сильнее. Сильнее. Сильнее. Бездна. Асфальт...

Под ногами становится твердо. Еще секунду назад они балансировали в «нигде», ощущая лишь пустоту — бесконечную и зовущую. Земля! Как же приятно снова чувствовать ее крепкую опору!

В нос ударил запах смешанного леса — прогретая беспощадным солнцем хвоя прочищала нос не хуже ингаляции. Сладкая нотка цветов, горячая — свежей травы, спорили с резким ароматом раскаленного асфальта.

Я открыла глаза и начала с осмотра себя, любимой.

Сумка пропала! От этой новости хотелось заорать во всю глотку.

Спокойно... спокойно, Огни. Давай хотя бы оглядимся.

Наблюдения всегда отвлекали, переключали с эмоций на рассуждения, анализ происходящего, вырывали из воронки психоза.

Под ногами темнела неровная граница трассы. Упрямые зеленые кустики откалывали асфальт, будто скорлупу на яйце. Вот она! Победа природы над техническим прогрессом.

Я стояла на самом краю шоссе. Оно уходило вперед и назад и, казалось, бесконечным. Справа, слева, насколько хватало глаз, к трассе неумолимо подбирался лес. Деревья начали осваивать даже придорожные кюветы. Кустарники протягивали мне, бредущему по обочине страннику, спелые ягоды, будто пытались подкормить для долгого пути. Беспомощно оглядываясь по сторонам, так и не смогла определить — куда идти до ближайшего города. Поэтому зашагала, в надежде, что ровное серое полотно дороги ведет к цивилизации.

Совершив скачок, я четко поняла — энергии на следующее путешествие не хватит. Хочешь еще? Жди месяц или два. А пока? Иди куда глаза глядят.

...

Сколько дороги отмерила шагами — не знаю. Вообще я довольно вынослива, часто и подолгу гуляю на своих двоих. Это успокаивает расшатанные нервы и помогает ни о чем не думать. Хотя бы на время насквозь пропитываться монотонностью движения и очищать сознание.

Мимо разноцветными пятнами проносились машины, оставляя шлейф противного запаха горючего и обожженной асфальтом резины. Пара водителей сбавили скорость, похоже, хотели подбросить. Но я делала вид, будто не замечаю акта доброй воли. Прежде, чем доверять свою жизнь незнакомцам, нужно внимательно «прочитать» новый мир.

Куратор говорит — у всякой галактики, планеты, города, есть информационное поле, сравнимое разве что с цепочкой ДНК. Там записывается каждая мелочь, каждая деталь жизни небесного тела. Со временем, когда сведений чересчур много, самые незначительные для грядущего вытесняются, замещаясь новыми.

Забравшись туда, как в интернете нароешь все, что хочешь о месте, где очутился. Одна беда — информация идет, как попало. Можно сразу напороться на все интересующее, но чаще всего получаешь сведения урывками, то об одном, то о другом и на составление полной картины требуется не один день, а то и не один месяц.

Очередная копия Земли, надо отдать ей должное, поражала воображение. Россия, Франция, Япония, прочие знакомые страны давно исчезли с местной карты, объединенные в одно мегагосударство, как мечтали фантасты моей Родины.

Всемирным языком признали гремучую смесь нескольких человеческих и сверхдиалектов, каким-то чудом доведенную лингвистами до более-менее удобоваримого и произносимого вида.

Будто гигантский пазл, каждый континент дробился на зоны. Квартал людоедов, квартал ледяных, квартал гентов, квартал смертных... Почему-то вспомнились резервации — не слишком приятная ассоциация, если честно. Словно изюминки в кексе, среди зон разных рас и ничейных земель рассыпались «нейтральные кварталы». «Рабочие» — кишели экологичными заводами, фермами, офисами, «веселые» — пестрели и заманивали ночными клубами, гипермаркетами, кинотеатрами. Здесь же отвоевали себе места пресса и телевизионщики.

Назначение «правительственных кварталов» объяснять нет нужды.

Хорошо или плохо, но людей здесь пока оставалось немногим больше, чем сверхов.

Возможно, поэтому среди демократических лидеров только «смертные», как их тут часто называют. Немного странно, учитывая, что оборотни, хоть и живут дольше, но, в отличие от вампиров, вовсе не бессмертны.

Если не случилось ничего из ряда вон выходящего, раз в месяц главные кланы мертвых, советы вождей двусущих и гентские монархи встречались с всепланетным президентом и лидерами парламентских фракций на закрытом собрании. Обсуждали новые законопроекты, предлагали свое, пытались мирно разрешить споры между народами.

Кроме того, «шишки» ледяных, оборотней и лесные короли — вместе или поодиночке могли потребовать сколько угодно внеочередных заседаний. Такова цена за видимое господство человечества.

Склоками, преступлениями с участием смертных и других рас занималась «полиция

сверхов», отчитывающаяся только перед городским руководством, или самим штабом президента. Увы! Прав у нее было не очень много — уж больно сильное влияние имели «нелюди» на управление мегастраной. Не мудрено — опасность конфликтов с могущественными существами, вроде ледяных, канов, верберов сложно переоценить.

Нарушения закона, традиций, обычаев внутри каждого племени расследовались и карались тоже внутри, не вынося сор из избы.

Человеческими ведали обычная полиция, суды, прокуратура, адвокаты.

...

Книга истории близняшки Земли увлекла как роман, вышедший из-под пера талантливой писательницы. Я погрузилась в нее, утонула, захлебнулась подробностями.

Лишь когда ноги заныли, а дневная жара уступила место бодрящей прохладе, стало ясно — миновало несколько часов. Навязчивое дурное предчувствие заставило бросить интересное занятие. Да и пора бы обдумать, что делать дальше. Вечерело, а ночевать под открытым небом в мире полном монстров не слишком удачная идея.

Ладно, что не нашла сейчас, «прочту» позже. Хотелось бы выяснить про деньги, про то на что живут разные племена, да и многое другое.

Восторженные трели птиц смолкли, ветер насвистывал соло в пышных кронах деревьев. Самозабвенно. В гордом одиночестве. Запахи леса стали свежее, легче, тоньше, изысканней.

Но не успела до конца вынырнуть из информационной оболочки, как нечто большое и черное столкнуло меня в кювет. Рывком схватило за ворот блузы и затащило в лес.

С ужасом смотрела в морду огромного черного тигра, чьи передние лапы буквально впечатали меня в землю. Кан. Мысли путались. Завладело смятение, подкидывая ненужные сейчас и даже вредные вопросы. Неужели вот так, бездарно сгину? Неужели все было зря? Неужели это конец? За что?

Дыхание застряло в груди. Будто воздух вдруг стал плотным, тягучим и тяжелым, как жидкий бетон, и никак не желал выходить из легких. То, что вытворяло сердце, и мастер чечетки не повторит.

Но почему оборотень медлит? Кан даже пасть не открыл. Лишь смачно вдыхал и переминался на задних лапах. Понимала, что любое движение, любой крик, даже ненароком оброненный стон может стоить мне жизни. Замешательство лишило воли. Подобно запуганному птенцу, съежилась, вжавшись в мягкую траву.

Кан тряхнул головой и обратился. Сказать, что человеком он был брутален, не сказать вообще ничего. Большой, тяжелый, горячий, людоед придавил мощным телом так, что и шевельнуться не могла.

— Кто ты? — потребовал резко.

Почему я понимаю чужой язык? Поразительно, какие нелепости лезут в голову в критические минуты! Да в чем разница?! Лишь бы выжить! И все же вопрос этот упорно сверлил сознание. Крутился, как навязчивая муха, жужжащая над головой, садящаяся на тебя, сколько бы ни сгоняла.

— Я-я-я-я-я, — говорить было адски трудно. Кан приплюснул, и я едва делала вдох. Голос осип, внутренности ныли от тяжести чужого тела. Страх парализовал мозг, не давая нормально мыслить. Да и что сказать-то? Аватар из чужого мира? Пришелец? Засланец? Гость? — Огни, — выпалила вместо чего-либо содержательного.

— Плевать на твое имя! — голос людоеда, низкий, грудной и грубый, вдалбливался в сознание. — Что ты за сверх?!!

— Человек, — промычала я. Вот дура! Обонянию канов любая исследовательская лаборатория позавидует. Людоед встряхнул так, что сначала я взлетела над травой, а затем впечаталась в землю. Хорошо, хоть она такая мягкая! Иначе переломов не миновать!

— Спрашиваю еще раз! Кто ты такая? Я знаю всех сверхов этого мира! Ты точно не из их числа!

— Отпустите меня, пожалуйста, — только и смогла попросить. Глупо, жалко и безрассудно, но нечто мощное, непобедимое наложило печать на уста. Объяснить, кто я такая, была не в силах.

— Ну уж не-ет! Ты идешь со мной! — кан вскочил так ловко, словно вообще ничего не весил. А ведь в обнаженном двухметровом громиле мяса прилично! Воспарила вместе с ним и я. Огромная ладонь, размером с тарелку, со всей дури схватила за руку. Боль запульсировала в плече и мелкими иглами вонзилась в кончики пальцев.

Я зажмурилась! Везение! Госпожа удача! Ну где же ты!!!

— А ну отпусти ее!

Сработало! Уф-ф-ф! Уже боялась — Марио прокололся...

Открыла глаза. Еще трое мужчин. Нет, не мужчин — сверхов. Настолько разных, что трудно представить, как они оказались вместе.

Бархатистый, довольно высокий голос, приказавший кану оставить меня, принадлежал ледяному. Ледяному? Я посмотрела вверх. Солнце весело светило в небе, пронзая пушистые облачка молниями лучей. Определенно, до заката еще несколько часов!

Снова посмотрела перед собой. Да нет же, это точно вампир! Четверо сверхов сверлили друг друга такими взглядами, что ад бы замерз.

Вообще троица моих спасителей выглядела комичней некуда. Большой, чуть меньше и самый мелкий.

Вербер казался просто гигантом. Титаном. То есть ростом он был с кана и ледяного, но вот комплекцией... Мышцы медведя выпирали из ворота серой клетчатой рубашки вместе с пучками коричневых волос. Буграми обозначались на толстенной шее, по которой, спускалась темно-каштановая грива. Из-за славянских черт и серо-голубых глаз оборотня так и хотелось назвать «русский медведь».

Вампир статью не уступал душегубу-кану. Но людоед с его тяжелыми надбровными дугами и квадратной челюстью напоминал пещерного человека. Черты же лица ледяного блистали северной красотой, хотя и выглядели резкими. Платиновые волосы длинными волнами струились по плечам, а радужка была удивительного, изумрудного цвета.

— Да бросьте вы ее! — полные, женственные губы гента скривились в недовольной ухмылке. Вербер и вампир одновременно, словно сговорившись, пренебрежительно махнули на спутника рукой. И не удостоив ответом, продолжили немой диалог с людоедом.

Гент отошел на несколько шагов, грациозно опершись о ствол дерева. Рядом с могучими соседями он выглядел хлипко. На самом же деле фигура златовласого красавца была очень даже атлетической. Лицо диссонировало с остальными так же, как и стать. Черты были правильными, точеными и несколько женственными. Белая рубашка из тончайшей материи и черные брюки со стрелками напоминали образ городского денди.

Тишина, повисшая вокруг, казалась осязаемой. Ложилась на плечи тяжким грузом, давила, лишала воли. Воздух словно бы загустел, наполнился ощущением опасности, незримой борьбы.

Неподвижные, застывшие ледяной с вербером и кан продолжали сверлить взглядами.

Огромные. Мощные. Напряженные.

Душа ушла в пятки. Теперь я понимала значение этой фразы.

Надо отвлечься... Хм-м-м. Кожа ледяного — молочно-белая, прозрачная напоминала чистый лист, еще не тронутый рукой живописца. Зеленая футболка и черные джинсы подчеркивали бледность. Затем художнику пришло в голову добавить немного персикового и розового. И — вот уже гент. Дальше живописец решил, что этого мало и взялся за бронзу. Получился вербер! Ну, а потом художника понесло, и он явно переборщил с цветом загара. Вышел смуглый, как индеец, людоед.

От этих мыслей полегчало. Оказывается, я задерживала дыхание! Так... спокойно. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

И тут горячая рука кана выпустила мою. Кровь рванула в почти онемевшие мышцы, вызвав болезненные судороги и отвратительные покалывания в пальцах.

— Твоя взяла! — выплюнул людоед, и черным тигром скрылся в чаще леса.

Я замерла посреди поляны — растерянная и затравленная. Вербер и ледяной сменили позы хищников перед броском на расслабленные и спокойные. Гент разглядывал свои идеальные ногти, лениво опершись спиной о могучий ствол дерева. Только сейчас заметила, что правое ухо денди-сверха растянуто золотым диском. «Серьга», размером с десятирублевую монетку, не меньше, удивительным образом перекликалась с бирюзовыми глазами гента.

Пару минут медведь и вампир молчали, переглядываясь. Я побаивалась делать резкие движения, начинать разговор первой — уж слишком опасными они выглядели. Оба. Только вербер напоминал кувалду, в любой момент готовую расплющить в лепешку, а ледяной — сверкающий двуручник, за секунду разрубающий врага пополам.

— Испугалась? — неожиданно мягко спросил вампир. — Ты откуда?

Снова здорово! Сейчас начнут пытаться — кто я, и все закончится ровно также, как и с каном. Пьеса «Невинно убиенная гостя из чужого мира», второй акт. Похоже, на моем лице отразились почти все опасения, потому что ледяной дружелюбно улыбнулся:

— Ладно, не хочешь — не говори. Но, уверен, понимаешь, что разумней всего пойти с нами. Тем более, это бывшая охотничья территория людоедов. — Вампир сделал широкий жест рукой, указывая на лес.

— Куда? — прошептала тихо.

— Мы едем в город, — вступил в разговор вербер. — Ты эмигрантка, что ли?

Оставалось лишь кивнуть. Хорошо, хоть медведь сам предложил ответ. И выдумывать не пришлось!

— Я — Альвилль, — представился ледяной. — Это — Беарн и Стеллер. Готов приютить тебя у себя дома. В конце концов, каждый может оказаться без крова. Верно, мохнатый?

Вербер нахмурился и невнятно промычал.

— Не знаю, — трудно было на что-то решиться, но положение и впрямь казалось незавидным. Деньги и документы канули в Лету, вместе с сумкой, куда идти — не ясно, охотничья территория канов рядом. Но могу ли доверять незнакомым громилам, призванным везением Марио на помощь? А... была не была! Лучшего выхода все равно не предвидится!

— Я с вами, — голос дрогнул, и ледяной еще раз одобряюще улыбнулся:

— Не беспокойся, нам можно доверять.

— Нам с тобой, — хмыкнул вербер, бросив на гента презрительный взгляд. — А

вислоухий все равно скоро покинет эту теплую компашку! — добавил с хищной ухмылкой... Ни-че-го себе! И верхнюю, и нижнюю челюсти медведя украшали конусовидные клыки. И они не втягивались, как у ледяных! Бр-р-р-р.

— Закрой пасть! — вампир пихнул вербера в бок. — Девушка еще не видела таких клыкастых монстров.

— На себя посмотри! — оборотень вернул ледяному тычок.

— Мои клыки втянуты, — хмыкнул тот.

— Ничего... это ненадолго, — не поняла намек вербера, но внутри пронесся холодный вихрь, закрутившись вокруг позвоночника. Мурашки поднялись по спине волной — от пяток до затылка.

— Ты пугаешь ее! — попенял вампир медведю. — Тебя зовут-то как? — обратился ко мне, изобразив, видимо, самое доброе выражение лица.

Представьте, что встреченный в джунглях лев опасно приближается, приветливо улыбаясь при этом... Страшновато. Выглядело примерно так же. Я из последних сил постаралась настроиться на позитив, не заморачиваться на нервирующие темы. Судя по всему, ледяной пытался проявить дружелюбие.

— Огни, — представилась поспешно.

— Ну вот и славно. Идем, машина рядом, — вербер кивнул в сторону трассы.

5

Смертная

(Ната)

Вот уже битый час я слушала вопли пострадавшей, переходящие почти в ультразвук и достойные телешоу «Дурдом и все его прелести». Девушка плакала навзрыд, сморкаясь в грязную тряпицу, о которую другая даже ноги бы вытирать побрезговала. Где только нашла? Билась в истерике, что-то нечленораздельно крича и молотя руками о большой деревянный стол. Тот в ответ жалобно скрипел, словно ища сочувствия. Пострадавшая то сжималась в комочек, то начинала беспорядочно размахивать руками и дико сверкать глазами.

О боже! Ну, вот почему я? Почему все думают, что если ты женщина, то должна иметь дело со всяческими психопатками, шизиками и истеричками? Типа их понимаешь! Ну! Единственное, что я понимаю — как сильно хочется долбануть свидетельницу по голове, а потом дать штук двадцать пощечин. Так, для успокоения. Но подобные действия сразу же назовут беспределом, еще не дай бог служебное расследование устроят. А орать и трепать другим нервы — не беспредел?

Окажись она одна такая, может, даже посочувствовала бы, попыталась утешить. К сожалению, за двадцать лет службы через меня прошли тысячи людей, доведенных до истерики свержами, будь они неладны. Поначалу воспринимаешь всех с открытым сердцем, стараешься поддержать, успокоить. Но когда изо дня в день на тебя скидывают самых невменяемых...

В обычной полиции таких сначала хотя бы «мозгоправ» в чувство привел. Но не у нас! Тут, как обычно, все шиворот-навыворот. Нашли свидетеля с психозом — сначала вопросы, помощь с нервами потом. Определенная логика в этом есть, разумеется. Вдруг сверхи свою невольную жертву чем опоили или мозги промыли... Тогда первые сутки она еще хоть что-

то вспомнит, позже уж точно нет.

В какой-то момент начинаешь тихо ненавидеть эту часть работы. Мне повезло особенно! В участке женщин-полицейских раз, два и обчелся. Так что подопечных на грани нервного срыва делим по-сестрински — на троих, если быть точной.

Как будто у меня и без того проблем недостаточно! Ведь я не просто женщина! Еще и офицер полиции сверхов! Работаю в паре с вербером... Надеюсь, уже сочувствуете? О да! Этому громиле стоит только клыкастую пасть открыть, и оборотни помельче, вроде волков и лис, сразу ушки прижимают, хвостики опускают, в глаза не смотрят. Каны хоть и пыжаты, изображают крутых, но на Этьена глядят с опаской. Это сразу читается в их подлых людоедских глазах. На меня поглядывают как на муху — эдакое надоедливое насекомое, норовящее ужалить. Так бы и прихлопнул, а нельзя... уголовно наказуемо! Но самое худшее, что я — человек!

Правда, руководство подразделения каким-то образом выпросило у гентов их фирменный эликсир. У хитроумных лесных королей на все случаи жизни есть зелье. Надо растворить труп человека — да без проблем, ни одна лаборатория не докопается, одурманить — раз плюнуть, отравить вербера — тоже не вопрос. Принимая суперотраву в течение года, смертные стражи порядка — последний форпост между людьми и сверхами — становятся раза в три сильнее. Да и живут дольше, правда, кто на сколько.

Но вот возьмите хоть Хиро из нашего отдела. Ему ведь скоро семьдесят! Выглядит на тридцать пять и за секунду скрутит любого человека, лису или волка за две секунды. С вербером и каном, конечно, в одиночку не справится, но потреплет изрядно.

Кабинет для допроса ненавижу все годы службы. Много пустого места, нет окон, из мебели только стол и три стула: два жестких для подопечных и один мягкий для полицейского. Естественно, огромное «подглядывательное» (зеркальное) стекло на стене. Дабы снаружи следить за всем, что творится в помещении. Зуб даю, напарник там и хихикает над моими мытарствами.

А ведь я, Натали Веллес хороший полицейский! Никогда не превышала полномочий, несколько раз спасла Этьену если не жизнь, то здоровье, оттолкнув с линии огня. На нашем счету раскрытых дел больше, чем у любой другой пары в участке. И — уж поверьте — никаких служебных расследований «в нашу честь» не затевалось.

Но сегодня я совсем слетела с катушек. Пятая истеричная подопечная подряд, дергающаяся, кричащая, бьющаяся о мебель, вместо показаний что-то невнятно бормочащая! Опустошила уже всю аптечку на предмет успокоительных — сама пила, допрашиваемым в воду подливала. Хотя в подобных случаях простые средства не помогают. Держалась из последних сил...

Думала, не доживу до счастливого момента, когда психозница придет в себя. И тут, слава богам, явился Беллер. Чертов гент! Даже не знаю, какая у него должность. Вроде местного врача, психолога и вообще гуру в научных и медицинских вопросах. Лесная братия может ненадолго принять любой облик, стать невидимыми, мозги запудрить. За это многие их и не любят... Даже больше, чем тех же дикарей-канов, громил-верберов или кровососов-ледяных...

Беллер похож на смазливового стриптизера. Ростом чуть ниже двух метров, весь из себя накачанный. Конечно, генты такие от природы, но ощущение, словно полжизни в спортзале проводят, а оставшуюся половину — в косметических салонах и парикмахерских. У Беллера тонкая талия, мускулистый торс, в общем, английские аристократы прошлых времен

позеленели бы от зависти. Густейшие светло-каштановые волосы и большие раскосые золотисто-карие глаза, широко поставленные, к тому же. Лицо такое, что убери тело, недолго и с девушкой спутать. Но красив, зараза!

Форму Беллер не носит! Зачем? Он же свободный игрок. Вот и сегодня гент заплыл в комнату в ярко-голубых джинсах и приторно-лазурной шелковой рубашке. Выпендривается. А уж ботинки-то! Ботинки! Это что — кожа голубого аллигатора, убитого на рассвете на вершине горы Фудзияма?

— Ната, я ее успокою, — заявил Беллер таким тоном, будто у него весь мир в кармане. Хотя нет, заявил — не то слово. Прожурчал, вот так правильной. Голоса гентов звеня как хрустальные ручейки в лесу. А уж если они запоют... прощай полдня — заслушаешься и забудешь обо всем на свете.

Я порадовалась, что на время избавлюсь от общества истерички, и пулей выскочила наружу. Фуф! Хоть отдышусь пару минут!

За дверью хохотал напарник Этьен, тоже лейтенант — рыжий вербер, весь в веснушках, как и большинство его сородичей. У этих верзил пятнышки на коже повсюду, где не растет густая шерсть. Исключения есть, но их также мало, как и вменяемых свидетелей, встретившихся с агрессивными сверхами. Раньше верберов-полицейских заставляли коротко стричься и гладко бриться. Но потом плюнули, и оборотни так и ходят — косматыми, как орангутанги, с топорщащейся во все стороны щетиной, украшающей не только нижнюю часть лица, но и половину шеи.

Я заспешила в наш с напарником кабинет, оставив Этьена наслаждаться цирковым представлением. Стены и мебель офиса выдержаны в коричневых тонах, как и рама зеркала — моей цели. Большое, овальное и ярко освещенное — днем из окна напротив, а вечером светильником у потолка, оно — всегда честное и непредвзятое. Не то что «коллеги» в бутиках, где ты выглядишь тростиночкой, словно, только зайдя в примерочную, сбросила десять кило.

Вот растрепа! Меньше надо волосы теребить на нервной почве. Темные пряди волнами выбились из хвостика, отчего круглое миловидное лицо казалось добрым и приветливым. Не-ет! Не годится! Лейтенант полиции сверхов должна быть суровой и непреклонной, чтобы преступников от одного взгляда холодный пот прошибал!

Вдруг прямо сейчас привезут какого-нибудь матерого нарушителя-сверха, а дежурная в столь ангельском образе! Меня же подопечные совсем уважать перестанут!

Схватив расческу, принялась приглаживать непокорные локоны и закреплять невидимками. Поправила широкий кожаный ремень, подхватывающий серую рубашку и подчеркивающий изящную талию. Переколола на кармашке символ родного подразделения — значок-мутант, так мы его называем. Вообще на брошке изображены слитые воедино половины человеческого лица и звериного. Такой людоеборотень.

Подтянула свободные черные брюки, очерчивающие округлые бедра и приоткрыла рубашку на груди. Раз природа обделила худощавостью, пускай все обзавидуются, любуясь на шикарные формы! Так и бабушка всегда говорила, а уж она от недостатка внимания никогда не страдала.

Последний штрих — немного подправила подводку вокруг карих глаз с зеленоватыми крапинками. Пару раз повернулась перед зеркалом. Ну да, ничего. Вообще-то мне уже сорок пять лет. Если бы не чудеса медицины гентов, сейчас выглядела бы не свежей девушкой, а зрелой женщиной. Эх! Пора назад, к истокам, так сказать, то бишь, к свидетельнице. Этьена

бы к ней в клетку! Пусть зальет слезами и соплями жилетку медведя вместе с его любимой джинсовой рубашкой. Вот я бы полюбовалась и позлорадствовала. А то, как погоня — так мужчины, а как нервная подопечная — так женщины. У каждого ведь есть свой предел! Мой, видимо, четыре таких свидетельницы за смену. Иди, Ната, нас ждут великие дела!

Гордо расправив плечи, вернулась к великану-напарнику, которому даже до плеча не достаю. И это при моих-то ста семидесяти пяти сантиметрах!

Вовремя.

— Готово! — выходя из комнаты для допроса, гордо заявил Беллер, будто нашел философский камень. Я вздохнула и вернулась в ненавистное помещение.

Девушка сидела спокойно и как-то отрешенно. По сравнению с ее прежней истерикой это выглядело даже... пугающе. Свидетельница смотрела перед собой невидящим взглядом и что-то невнятно бормотала. Значит свои знаменитые эликсиры гент не использовал, обошелся легким внушением.

После снадобий лесного народа люди веселеют, лица наливаются румянцем.

— Говорить можете? — опасливо спросила я, присаживаясь на свой мягкий стул.

Потерпевшая встрепелась и подняла на меня осмысленный взгляд. Ну, слава тебе господи!

С этой подследственной-свидетельницей-пострадавшей вообще все туманно и непонятно. Сказала бы — загадочно, но уж больно слово положительное ...

Ее обнаружили почти голую, трусящую по шоссе и что-то орущую вслед проезжающим авто. Один из водителей позвонил в полицию. Вот что стало с современными мужчинами? По трассе несется обнаженная девица, а они, вместо того, чтобы подумать о главном, звонят нам! Где романтика? Где страсть, я вас спрашиваю? Где животная маскулинность? Правда, потом, видимо, что-то выиграло в этом субъекте, дремучее и гормональное — он попытался поймать пострадавшую. Девушка расцарапала добряку лицо, руки и грудь. Похоже, именно это окончательно и пробудило в нем мужское начало! Новоявленный мачо скрутил свидетельницу и сдал подоспевшей на вызов патрульной машине. Полицейские, недолго думая, доставили сюда и были таковы. Девушка, бормочущая про канов — не их проблема. Вот не могли поехать в другой участок? Почему обязательно в мой? Возле поселений верберов, людоедов и ледяных отделений полиции сверхов куча. Понятное дело! С этими зверюгами работы всегда полно. Так нет же! Полиция случайным образом выбрала именно нас! Закон подлости!

Лишняя одежда в участке найдется всегда. Порой приходится ловить оборотней, которые так и норовят превратиться в зверей и сбежать по лесным тропкам, где человек не пройдет. Но и мы не лыком шиты — не зря же генты тратят на отделение литры эликсира. В общем, тут как карта ляжет. Частенько хватаем беглецов и тащим в участок. А когда им надоедает прикидываться пушистыми и хвостатыми, задержанные оказываются в чем мать родила. Не любоваться же на обнаженку весь допрос! Ладно еще там всякие лисы и волки... Каны вообще раскидываются на стуле так, будто для порнофильма позировать намерены. Естественно, мы запасаемся футболками, толстовками и спортивными штанами, стопками скупая их на распродажах.

Вытирая слезы серой майкой, свидетельница, наконец-то, решила выдать что-то членораздельное и понятное остальному человечеству, а не только ей самой.

— Меня зовут Тата...Талита, если быть точной, — произнесла девушка так, словно мы еще два часа назад не нашли все ее данные по отпечаткам пальцев, снятым в момент

поступления в участок.

— Талита Венсе, — кивнула я.

— Угу... — на секунду пострадавшая зависла, будто прикидывая — что сказать дальше.

Я решила подтолкнуть ее, не сидеть же здесь еще два часа...

— Вы можете пояснить, что случилось?

Девушка посмотрела так, будто ее только что полоснули по руке острым кинжалом...

— Надо, — я изо всех сил старалась говорить как можно мягче... С первыми сегодняшними нервными подопечными получалось само собой. Сейчас же выдавливала каждое доброе слово. Я тоже человек.

— Мгу... — ответила потерпевшая.

Ну вот, переходим на язык глухонемых.

— Вы что-нибудь помните? — собрав последние остатки терпения, попыталась спровоцировать девушку на более понятные нормальному человеку звуки.

— Каны-ы-ы-ы! — простонала она.

Ну, сколько можно из тебя все клещами вытаскивать-то? Что каны? Когда каны? Каким боком каны?

— Повалили нашу машину, — вдруг решила прекратить мои мучения пострадавшая. — Герда разорвали на части... а меня... прогнали...

Хм... Странные людоеды. Уж если «рвать на части» вопреки установленному уголовному кодексу, то обоих, чтобы свидетелей не осталось. Для чего на глазах у одного убивать другого, а затем отпускать наблюдателя на все четыре стороны? Очень глупо даже для канов, чьи обычаи и интеллект, по-моему, дальше первобытнообщинного строя так и не продвинулись. Даже удивительно, как они умудрились освоить ресторанный бизнес и магазины открыть с одеждой, изготовленной умельцами племен. Брюки-кофты там и правда удивительные — невесомые, из какой-то мягкой и гладкой ткани... Даже прикоснуться одно удовольствие. Ну вот откуда у этих мордоворотов коммерческая жилка? Ведь процветают не меньше верберов!

— Герд Хансон, человек, 27 лет, проживает в 12 квартале смертных, о нем речь? — уточнила я.

— Мгуууу...

Невероятное знание иностранных наречий! Только язвительность помогала справиться с раздражением, накатывающим волнами, и не говорить того, о чем потом однозначно пожалею.

— Как они выглядели? — уточнила я.

— Огромные, страшные черные кошки...

Вот уж спасибо, сама не знаю, что местные людоеды — черные тигропантеры, а не в цветочек. Огненные живут на равнинах, чего бы их к нам занесло?

— В человеческом обличье не видели?

— Одного...

— И? — да что ж такое... сама, что ли, не можешь продолжить предложение.

— Огромный, черноволосый, страшный!

Опять двадцать пять! Зачем спросила? Наивная... Некоторым людям, чтобы успокоиться и привести себя в порядок, уже никакие гентские штучки не помогут. Отчаянно балансируя на грани нервного срыва, пыталась глубоким дыханием вернуть хотя бы часть самоконтроля.

Девушка посмотрела грустными глазами загнанной лани и спросила, приподняв брови: — Вам не очень полезны мои показания, да?

Сдержав все, что хотелось ответить, поспешно ретировалась из помещения. Мучить себя и подопечную дальше не хотелось. Стало ясно — ничего толкового девушка не скажет, слишком перепугалась, чтобы запомнить подробности внешности нападавших. Если же что-то и всплывет в мозгу, то определенно не сейчас, а когда пострадавшая хоть немного придет в себя.

В общем, оставила ее нашему психологу — Диане. Благо та уже ждала возле комнаты для допросов, рядом с Этьеном... Еще бы! Психолог за напарником уже лет пять бегаёт. А он как глыба, вообще не реагирует ни на какие знаки внимания. Вот почему я убеждена — с ориентацией у Этьена все в порядке, как и со вкусом.

Диана — такой подросток в юбке... Впрочем, юбки она не носит вовсе. Обычно ходит в свободных брюках и мешковатых, зато идеально отглаженных рубашках. Плечистая, узкобедрая, худая и плоская, как гладильная доска. Бывшая топ-модель... Вот уж не думала, что одежду такие уродины рекламируют. Ну, правда, уродины. Блондинка, каких свет не видывал. Брови белесые, три волоска, ресницы и того хуже, вся в веснушках, причем не таких как у Этьена, маленьких, а пятнами, пятнами. Да еще и каланча под два метра... В общем, если бы напарник отреагировал на Диану, серьезно засомневалась бы не только в его ориентации, но и в душевном здоровье.

Впрочем, психолог она отменный. Есть модели, которых только и хватает на улыбку перед камерой и походку от бедра. Диана же имеет два высших образования — медицинское и юридическое, да и поговорить с ней после службы интересно.

Психолог ласково приобняла пострадавшую за плечи и, покачивая костлявыми бедрами, пошла в свой кабинет. Однажды довелось там побывать. Ну, было дело... Ужас ужасный! Вокруг игрушки резиновые, всякие статуэтки, плюшевый зверинец... Как будто в детсадик попала... Так и ждешь, что из-за угла плач и агуканье послышатся.

Этьен посмотрел на меня и заразительно захихикал. Ненавижу его в такие минуты, но прекратить любоваться не в силах. Искренне смеющийся напарник похож на шаловливого мальчишку. Который нашкодил, спрятался за углом и ждет, когда его выкрутасы станут достоянием общественности. Пихнула медведя под ребра и с гордо поднятой головой ретировалась с места своего позора... Жаль, что по закону Диана не имеет права опрашивать свидетелей! Глядишь, и с нами работенки было бы меньше. Ведь попадают же кадры...

6

День убитого медведя

(Тетис)

Тет застыл на пороге своего дома, погруженный в тяжелые мысли, казалось, придавливающие к земле.

День убитого медведя... В детстве Тет ждал этого праздника как, вероятно, человеческая ребятня ждет Нового года или Дня благодарения. Обожал его!

Мечтал о том, как лучше всех пройдет посвящение в мужчины и примется выбирать женщин, словно десерт в кондитерской. Сколько хочешь, любого роду-племени, самых-пресамых! Еще бы! Брату потенциального вождя дозволено все!

Подростком выезжая в ничейные кварталы Тет с восторженным любопытством наблюдал жизнь и быт других рас, внезапно обнаружив, что она куда безопасней, интересней и радостней его собственной... С каждым подобным выездом сознание его неуволимо менялось, точно кто-то повернул в голове ключ...

Теперь паренек с ужасом ждал чудовищного обряда, считал дни и ночи до праздника, ощущая себя зверем, угодившем в капкан. Не выбраться, не отказаться! Обязан! Или растерзают, порвут на куски, а если чудом выживешь, изгонят из племени, превратив в отщепенца для всех стай. Обрекут на одиночество в мире людей, где никто не поймет и не оценит титанические усилия ради того, чтобы стать лучше, цивилизованней, побороть животные инстинкты чудовищной силы. Жестокий обряд представлялся теперь не истинным подвигом, а страшным унижением, на глазах сородичей. Последующая оргия рождала лютую ненависть к дремучей звериной жажде отдаться празднику плоти, всякий раз властно подминавшей самоконтроль. Напоминавшей, что Тет — разумное, развитое существо — еле-еле управляет собственным телом, порывами, желаниями, без видимых усилий подчиняемыми людьми.

Душа, сердце и все хорошее, что берег в себе, отчаянно отвоевывая у беспощадного хищника внутри, противилось грядущему. Но все же понимал — традиционное гулянье символизирует единение людоедов, их мощь, победу над извечным врагом, выживание племени, назло невздам.

Повзрослев, каждый год молил богов помочь вынести «крещение» мальчиков и... творящееся после.

Осознание того, сколько в нем еще первобытного, звериного, не подвластного голосу разума пугало до тошноты. Боялся этой части себя, как, вероятно, хронические больные страшатся очередного обострения. Опасался того, что может сотворить, если вдруг не удержится за соломинку моральных принципов, стремление эволюционировать по примеру людей — и подчинится древнему инстинкту. Захлебнется в адреналине и яростной гонке за добычей. Поддастся искушению прекратить ожесточенную войну с собой, выпустить на волю свирепого монстра, обитающего глубоко в теле, а, может, и в душе...

Мысль о том, что даже извечные враги, о которых молодежи испокон веков рассказывали не иначе как об исчадиях ада, во всем опережают канов, заставляла снова и снова сетовать на закостенелость собственного племени.

Верберы тоже праздновали победу над людоедами — через несколько дней. При всех их странных и даже нелепых обычаях, гулянье медведей намного цивилизованней и гуманней. Равно как и посвящение в мужчины — веселый, удалой праздник силы и ловкости.

Казалось, людоеды, в век солнечных батарей и космических спутников живут дремучими привычками времен, когда люди бегали в шкурах, а верберы и вовсе не знали что такое одежда.

Тет с усилием тряхнул головой, избавляясь от наваждения. Надо подумать о чем-то хорошем! Например, о том, как здорово вернуться домой из поездки в ничейный квартал за продуктами, сбросить кошмарно неудобную «человеческую» одежду и наслаждаться свободой тела в традиционном костюме! Тончайших голубых холщевых брюках на голое тело.

После легализации канов, человеческие законы запретили оборотням гулять в общих кварталах и на территориях других рас без белья, хотя бы тонкой футболки и обуви. Привыкшие к чуть ли не полной наготе людоеды ненавидели новые правила. Но худшим из

зол стали «костюмы для стоп», поначалу причинявшие жуткие неудобства. Любая обувь, будь то даже кеды или кроссовки представлялась канам настоящим оружием пытки. Поколение Тета худо-бедно приучило себя к новому гардеробу, однако при первой же возможности меняло его на тот, что носили предки.

Немного успокоившись, брат вождя заставил себя вернуться к повседневным обязанностям — все-таки сегодня его задача — проследить за приготовлениями к грядущей вакханалии.

Женщины племени суетливо мельтешили туда-сюда под жарким полуденным солнцем, стряпая, до блеска начищая посуду для сервировки столов, готовя традиционные оранжевые скатерти. Глупые людоедки! Даже занятые делом улучают минутку пошутить: дескать, брат альфы-то в монахи собрался, или вообще извращенец. Все потому, что Тет усиленно сторонился общеплеменных оргий.

Им не понять. Секс ради развлечения, удовлетворения похоти сродни охоте на человека. Пережиток диких времен, когда каны мало отличались от зверей. Безумно хотелось надеяться, что единение тел и душ доступно людоедам, так же как и смертным. И в женщине можно увидеть равное себе существо, родное и близкое, не просто самку, годную для рождения потомства и ухода за мужчиной.

Закончив с подготовкой к пиршеству, людоедки кинулись «вылизывать» овальную площадку в самом центре квартала, легко вмещающую несколько сот человек. Ритуалы, гуляния, обряды чаще всего проходили здесь или возле коттеджей Тарелла и Тета, высившихся неподалеку.

Каны не жалели места, не теснились — размеры их «владений» поражали многих гостей. «Хоть Олимпиады проводи!» — восхитился один полицейский. Даже редким деревьям и кустарникам, рискнувшим вырасти рядом с домами, доставалось из-за вечной любви хозяев к просторам. Яркие свидетели тому — обломанные ветки и вырванные с корнем поросли, валяющиеся среди бурьяна и редкой травы — единственных жителей гигантских полисадинов, окружавших каждое жилище.

Тет невольно восхитился тем, как Индира — почти точная копия Тарелла в женском обличье, подобно заправскому генералу распоряжалась предпраздничной кутерьмой. Ее платье-халат из грубой льняной ткани не скрывало игру мощных мускулов. Не каждый воин племени мог похвастаться подобными. Не удивительно, что в свои сорок лет замуж Индира так и не вышла. В общине она вроде домохозяйки... Устраивала пиршества, обряды, заведует абсолютно всем — от кулинарии до подготовки к торжествам.

Однако, сколько ни пытался Тет отвлечься на созерцание, упрямые мысли вернулись к обряду посвящения юных людоедов в мужчины. Парнишкам предстояло спариться с настоящей... пантерой. Разумеется, в зверином обличье... После чего начинался, так называемый, «пир тела». Мужчины выбирали себе любую женщину ниже сословием, а если пожелают — то и нескольких. И покрывали их столько раз, сколько захотят и осияют.

Тет не раз сталкивался с неподдельным удивлением других рас, прослышавших, что людоеды делятся на знать и плебеев. Впрочем, они просто не знали, что ничего цивилизованного в этом делении не было и в помине. Канам благородных кровей считались семьи тех, кто убивал в бою больше врагов. В мирное время засчитывались охотничьи трофеи. Звери, разумеется. Официально считалось, якобы людоеды больше не загоняют человека... Любой, «случайно-нарочно» заглянувший в поселение служитель закона, должен наглядно в этом убедиться. Воины и охотники приносили головы

противников, либо добычи, вожаку в мешке. Демонстрировали народу, высыпая на зеленую траву, как яблоки из корзины. В детстве Тет восхищался этим зрелищем. Думалось, оно показывает величие племени, силу и непобедимость. Со временем, вид катящихся по земле голов с белесыми глазами и жуткими одутловатыми чертами, порождал иные чувства и ассоциации. Мерзко, отвратительно, тошнотворно. Наименее удачливые людоеды, как и семьи, где на сегодня нет молодых мужчин — объявлялись чернью.

Ясно как божий день — Тарелл, по обыкновению, будет демонстрировать народу мужскую силу. За ночь вожак с легкостью покрывал с десятков женщин. И многие из «праздничных любовниц» альфы получали наслаждение от жесткого секса. Для них, плебеек, это казалось подарком судьбы.

— Можно к тебе? — Стелла, одна красивейших девушек племени, робко подошла к Тету.

Люди сочли бы ее чересчур рослой и мускулистой. Однако если отбросить представления смертных о прелести хрупких женщин, Стелла выглядела весьма привлекательно. Восточные черты лица, раскосые карие глаза и чувственные губы очень украшали людоедку, немного широковатый нос почти не портил. Коротко стриженные иссиня-черные волосы гладко ложились вокруг миловидного личика. Фигура Стеллы не отличалась классическими пропорциями, при которых талия заметно уже бедер. Но длинные стройные ноги так и притягивали взгляд. В легком облегающем трикотажном платье, людоедка выглядела по-домашнему уютно.

— Хочешь, чтобы опять прикрыл? — мелькнула догадка.

— Да, — кивнула Стелла.

— Знаешь ведь — Тарелл разозлится, — Тет невольно вздохнул.

— Ну не могу я присутствовать на празднике. Другая встреча, — мило пожала плечами людоедка.

— С его стороны я бы выбрал менее заметное время, — покачал головой Тет.

— Ты знаешь, почему он выбрал именно это время, — твердо заявила Стелла.

— Знаю, в этом весь он. Ну ладно, что-нибудь придумаю...

— Спасибо! — людоедка грациозно подскочила и чмокнула в щеку.

Вздох вырвался из груди. Тарелл не особо любил Стеллу. К тому же, девушка — дочь знаменитого воина, значит, высокородные каны не имеют права покрыть ее. В общем, альфа вряд ли сильно расстроится из-за отсутствия Стеллы на предстоящем гулянии. Но ему уж точно не понравится, что людоедка пренебрегает праздником, испокон веков считавшимся важным и символичным.

Опять придется лгать...

В прошлый раз Тет пустил в ход слезную историю о тяжелой болезни начальника Стеллы. Мол, бедолага полный сирота — ни родных, ни близких, вот девушка и согласилась помочь. Тарелл иронично высказался по поводу подвига «доброй самаритянки». И вопрос сняли с повестки дня.

Сегодня... что же сказать сегодня?

Не успел Тет придумать стоящую отговорку, на пороге возникла тяжеловесная фигура Тарелла. Удивительно! Вождь умудрялся появляться именно тогда, когда меньше всего ждешь. Возможно, в этом и заключался пресловутый инстинкт охотника. Если кто-то скрытничал, либо происходило такое, что однозначно пришлось бы Тареллу не по нутру, он немедленно оказывался в самой гуще событий.

Альфа, как всегда, облачился в мешковатые белые льняные брюки.

Размашистая походка вожака демонстрировала грацию хищника, лениво прогуливающегося после сытного обеда и хорошего сна. Но кому как не Тету знать, насколько эта неспешность обманчива. В любой момент брат может превратиться в дикую черную кошку и стремительно разорвать на части добычу, как и всякого, вызвавшего ярость.

— Что опять нужно от тебя Стелле? — Тарелл умел зацепиться за главное.

— Хочет пойти на обследование по поводу недавнего недомогания, — выдал Тет первое, пришедшее на ум.

— Недомогания? — густая бровь вождя поползла к виску. — Это серьезно? Нам нужны здоровые самки.

— Не думаю, что серьезно, но именно — помня, о том, что канам требуется хороший приплод, решила все же провериться.

— Вернется к празднику? — опять в самый центр мишени.

Поразительно! Как вообще от Тарелла удастся хоть что-то утаить?

— Не уверен. Говорит, в клинике очереди.

— А чего ей вздумалось пойти туда именно сегодня? — кажется, вождь начал злиться — в голосе мелькнули металлические нотки, брови слились на переносице в одну сплошную линию.

— Это очень хорошая больница для двуликих, и принимает только по записи.

Выдерживая допросы брата не раз и не два, Тет наострился так беспардонно врать, что временами сам себе удивлялся. Дезинформация лилась рекой, словно ничего естественней и быть не могло.

Неприятно! Ненавистно! Противно! Да, иначе нельзя. Но до чего же стыдно!

Кому как не ближайшему родственнику понимать все плюсы и минусы Тарелла! Как и то, что корни их отнюдь не в характере или природной склонности, а в воспитании будущего вождя канов.

Благодаря уникальной физиологии людоедов, альфа царствовал, как правило, лет до ста двадцати-ста тридцати. Хотя и это не предел. Ведь в отличие от остальных оборотней, людоеды и медведи до ста тридцати-ста пятидесяти оставались молодыми и сильными, выглядели на тридцать пять, в худшем случае — на сорок.

Тет почти дословно помнил мифы, рассказываемые детям, будто все благодаря человеческой плоти и плоти заклятых врагов — верберов. Не забыл и смутные времена, когда людоеды шептались в паническом ужасе: мол, переход на клонированное мясо — прямая дорога к быстрому старению и дряхлению как у людей. Еще бы! Древние обычаи канов не щадили рано «сдавших» и многие боялись этого даже больше, нежели «иссушения». Лишившись естественной пищи, каны и медведи будто обезвоживались, тело покрывалось коростой, органы отказывали один за другим. Зато смерть наступала быстро — месяц-два — и готово! Настоящий подарок богов, если сравнить ее с участью не по возрасту ослабевших, живших впроголодь, которых каждый сильный мужчина мог ударить, а то и изувечить без единого повода.

Тет был еще мальчиком, когда, по обычаю, за десятилетие до критического возраста главы поселения беты принялись готовить ему смену, на долгие годы разлучив будущего вожака с братом. Отбирали самых сильных и умных мальчиков, жестко муштровали, учили молниеносно убивать, решать насущные проблемы племени и... постоянно стравливали. Ребятишки непрерывно дрались друг с другом, доказывая право однажды биться «за

престол».

Ежегодно, на Празднике Смерти вождь сражался с сильнейшими воинами племени. И вот когда, наконец, проиграл три боя подряд, настал день страшного поединка. Мальчики, десятилетие учившиеся быть лучшими, превращались в зверей и дрались не жизнь, а на смерть. До тех пор, пока в облике животного останется лишь один. Серьезно раненые и погибшие людоеды частично превращались в людей и выглядели как полужвери, нечто вроде египетских богов. Альфой назначался тот, кто последним останется в теле черного полутигра-полупантеры. Он, вне всякого сомнения, выходил из схватки, наиболее здоровым и целым.

В отличие от большинства ровесников, восторженно улюлюкающих и визжащих, глядя как лучшие из канов рвут друг друга на части, Тет не нашел в себе мужества наблюдать за кровавым действием. Лишь с замиранием сердца ждал объявления «выбывших», всякий раз облегченно вздыхая, не услышав родного имени. Многие претенденты погибли, другие получили ужасные увечья. Все как обычно, если верить рассказам старших.

Семнадцатилетний Тарелл вышел из схватки «за престол» почти невредимым. Лишь один соперник порвал ему руку. Обратни регенерировали быстро и через сутки (время, даруемое победителю для заживления ран) на «коронации» новоиспеченный вождь почти исцелился.

По-настоящему величественно вышел к народу, и каны, все, как один, бухнулись на колени, опустив голову и чуть склонив набок. Жест подчинения, перенятый у животных, означал нечто вроде «да здравствует король».

Пятьсот лет назад после такой церемонии прежнего вождя забили бы заточенными палками. Удары наносил бы каждый мужчина племени — это считалось знаком высшего уважения, последним даром народа уходящему альфе. К счастью, теперь отставной вождь просто ушел в сторону, жил в почете и достатке. Женщины его семьи числились неприкосновенными для покрытия. Они и только они сами выбирали себе мужей.

Дар человеческой цивилизации — народу канов... Капелька гуманизма. Капля меда в бочке дегтя.

Разве можно не уважать Тарелла за стойкость, смелость и силу? Не восхищаться несомненными достоинствами альфы? И самое главное, при всей вспыльчивости и жестокости, честнее и справедливей вождя поискать.

Тарелл наказывал жестко, по законам предков, не признавал гуманные настроения бет, порой предлагавших смягчить участь провинившегося, отмечая их как слабость. Но никогда не осуждал по злобе или из-за чьих-то грязных наветов. Дабы наказать соплеменника, альфа должен был на сто процентов убедиться в его виновности. И не с чьих-то слов, не потому, что кто-то донес первым, а на фактах и после свидетельств хотя бы нескольких очевидцев, не заинтересованных в споре.

Вот почему Тету настолько противно обманывать Тарелла!

Темно-синие глаза главы племени буравили...

— Ладно, — отмахнулся он. — Бог с ней, со Стеллой. Пошли готовиться к празднику. У меня есть для тебя пара огненных... Они более изящные и женственные. И хороши для покрытия, — вождь лукаво подмигнул.

Тет направился следом. Невольный вздох обнажал и облегчение, и усталость. Вопрос со Стеллой закрыт и, наконец-то, можно расслабиться! Однако Тарелл так и не оставил идею-фикс — непременно подобрать брату достойную самку.

Да не надо! Лучше дал бы судьбе самой свести обреченных создать настоящую семью! Тет верил в это, ждал, надеялся. И никогда бы не стал проверять годность женщин покрытием по методу Тарелла. Подобное аморально и унижительно для обоих!

Но если вождю что-то втемяшится в голову...

7

Светозарный Аннарис

(Ната)

— Ната! Этьен! На выезд!

Вот черт! Сегодня точно не мой день! Вообще-то погони и расследования — любимейшая часть работы. Ловля человекоживности — веселая, азартная, помогает держаться в форме, развивать хитрость и смекалку. Но не за час же до конца смены, когда чувствуешь себя выжатым лимоном и ждешь не дождешься шанса хоть немного перевести дух!

К тому же дежурство выдалось поистине адским. Пять истеричных подопечных, одна жалоба на ледяного. В таких случаях за делом следят все: пресса, телевидение, вампироманы... Неустанно путаются под ногами, чуть ли не каждый день пытаются — какие новости.

Не понимаю я повального увлечения ледяными. Ну, ладно, генты — эти любого обдурят, прикинутся ангелами, вообще, подозреваю, ангелов с них-то и писали. Ну, ладно, медведи или каны — есть в них что-то... эдакая животная притягательность. Очень на любителя, однако работает... Но, ради бога, объясните мне — чего хорошего в ходячих трупах? Пускай даже медики дурят нам голову: мол, вампиры не мертвяки, а существа, застрявшие между жизнью и смертью. Сердце не бьется? Зато сосуды пульсируют! Ни один орган не работает? Зато постоянно курсируют туда-сюда внутри тела, спрашивается только зачем... Живчики прямо!

Да, самые древние не только в ночном сне не нуждаются, но и вольготно разгуливают по солнцу, по примеру легендарного Дракулы. Вот и использовали бы клыкастиков для круглосуточных работ — была бы хоть какая-то реальная польза государству и обществу! Да, те, кому за триста, уже не прячутся от светила часов с трех дня. Да, почти все вампиры красавцы писанные — создатели придирчиво выбирали, кого обратить. Тут не как с обычными детьми, где не знаешь — какие гены возобладают, в кого уродится любимое чадо. Ледяные словно в дорогом магазине — глядят на витрину и решают — достаточно великолепен потенциальный отпрыск или поискать кого получше. Понять вампиров не сложно — вдруг замухрышка не уйдет в «самостоятельное плавание» и придется любоваться на образину столетия. Не у всех же нервы железные и характер стальной.

Бытует расхожее мнение, якобы ледяные в постели неутомимы и вытворяют такое, о чем другим народам и не снилось. Тут ничего не скажу — слава всем богам, проверять не доводилось! Но, поверьте личному опыту — вампиры самые жестокие, хладнокровные и бессовестные убийцы, каких встречала за долгие годы борьбы с душегубами всех мастей и рас. Перейди им дорогу — смерть будет скорой, страшной и, вероятно, очень кровавой.

Надеюсь, хоть не по их туши нелегкая понесет нас в конце смены!

Взбудораженная повторной командой «на выезд!», уныло побрела из кабинета в

вестибюль, где ожидал Этьен. Еще раз закон подлости в действии. Порой сидишь весь день, деть себя некуда и никаких происшествий, требующих вмешательства полицейских нашего уровня. Иногда же, вот как сегодня, не успеваешь разделаться с одним, случается другое, а ты уже на третье опаздываешь. словно преступная братия сверхов нарочно сговорилась, чтобы свести участок с ума.

Бренд Томессин, начальник отделения — невысокий брюнет лет тридцати пяти на вид, а на самом деле, давно отпраздновавший столетний юбилей, широким жестом направил нас к служебному входу. Туда, где огромная полицейская парковка.

— Есть, сэр! — радостно выпалил Этьен и рванул к тяжелой свинцовой двери, будто только об этом весь день и мечтал.

Верберы неутомимы! Не знаю, как нужно нагрузить напарника, чтобы устал настолько, что не обрадовался очередному выезду. Меняхватило лишь на то, чтобы понуро зашагать следом.

— Ната?! — возмутился Бренд.

— Есть сэр, — обернувшись, проворчав под нос, стараясь не встречаться с темно-кариими глазами начальника, и поспешила скрыться за дверью.

Этьен уже заводил наш огромный черный полицейский джип, на котором недавно поменял колеса. Теперь они такие высоченные, что запрыгнуть в машину — целая проблема. Зато смотришь на всех как на тараканов, копошащихся у ног.

— Зря ты так с Брендом, — неодобрительно проворчал вербер.

Даже удивительно! Абсолютно все сверхи отделения, включая тех, кто с молоком матери впитал пренебрежительное, если не презрительное отношение к людям, искренне уважали и любили смертного руководителя.

Не мешали этому ни его лопоухость, ни легкая картавость, ни простоватая внешность деревенского рубахи-парня. Нос картошкой, густые брови, сросшиеся у переносицы, небольшие глаза и губы, которым не помешал бы чуток утонченности, широченные ладони, будто созданные копать картошку. Человеку с такими задатками, надо обладать поистине выдающимися профессиональными качествами, чтобы возглавить участок, вроде нашего или хорошими связями не только среди людей, но и среди верхушек других рас. Справедливости ради, последних случаев в полиции сверхов — единицы. Томессин получил пост заслуженно. Он и, впрямь хороший начальник. Никогда не придирался без надобности, ко всем относился ровно и любые проблемы решал внутри участка. Ни разу на моей памяти, капитан Томессин не допустил даже обсуждения подчиненных в других отделениях. Не говоря о том, чтобы в служебном расследовании, каких случалось немало — сверхи часто жалуются на превышение власти — участвовали чужаки. К тому же, в отличие от многих коллег, засидевшихся на месте, заплывших и обрюзгших, оставался в прекрасной форме и усиленно тренировался.

Немудрено, что при небольшом росте, капитан полиции сверхов неизменно привлекал внимание женщин подтянутой фигурой и рельефными мускулами. Сам начальник мало интересовался прекрасным полом. Двадцать лет назад потерял любимую жену — половинкам полицейских нашего подразделения гентский эликсир не выдают. Для смертной женщины она и так прожила долго.

Я не могла от души не восхищаться, тем, как Бренд ухаживал за любимой. По-прежнему молодой, сильный, атлетически сложенный, а она постарела, ослабела и выглядела скорее бабушкой капитана, чем супругой. Однако, на все корпоративы начальник приходил под

руку с женой. И, будь я проклята, если не обращался с ней, как с королевой! Наверное, только ради такой любви и стоит выходить замуж.

— Эй, Ната! — низкий, грудной голос Этьена вернул в реальность. Верберы говорят как рычат, а когда, действительно, рычат непривычным и слабым духом только и остается, что срочно менять одежду. — По рации сообщили — едем за тремя лисами, предположительно ограбившими ювелирную лавку.

Опять! Лисы, крадущие украшения! Это также плоско и старо, как моя детская фотография и также пошло, как шутки о стриптизершах. Банда грабителей-оборотней сбежала от обычной полиции и теперь недотепы преследовали их, а нас отправили подсобить. Вот так всегда, когда за дело берутся дилетанты, возомнившие, будто полиция сверхов зря получает повышенную зарплату!

Фишка в том, что лисы обычно невысоки, в лучшем случае с человека и очень изящно сложены: что мужчины, что женщины. Кажущаяся тщедушность позволяет им частенько оставлять простых стражей порядка с носом. На самом деле, рыжики — мы дали им такую кличку — ну очень сильны. Легко заваливают смертного. Худощавы лишь из-за жилистости. Схватите лису за руку и почувствуете стальные мышцы, какие люди годами тренировок не накачают.

Мало того, засранцы жутко шустрые. Прежде, чем ловить рыжика сначала наработай отличную растяжку и паркуру обучись. Лисы, убегая от преследователя, выделяют такие трюки и кульбиты на крышах, трубах, пожарных лестницах, авто и прочих попадающихся по дороге препятствиях, хоть фэнтези-саги снимай. Однажды рыжая, удирая от нас с Этьеном, забралась на крышу небоскреба... по подоконникам открытых окон! До сих пор не понимаю, как ей это удалось.

Кстати, лисы вовсе не рыжие на самом-то деле. Когда обращаются — да. В человеческом же обличье — каштановой или песочной масти, очень редко жгуче-черные. Еще и поэтому легко теряются в толпе.

По рации без конца передавали — куда двигаются подозреваемые. Минут двадцать погони и прояснилось — рыжики рвутся к лесополосе.

Там для оборотня затеряться не проблема — обычный человек вряд ли увидит разницу между ним в образе лисы и обычным зверем. У нас глаз наметанный — не обманешь! Начнем с того, что рыжики немного крупнее, массивней обычной местной лисы килограмм под сорок. Не удивительно — обращается-то человек, а вес тела и мышечный объем никуда не денешь. Это только в сказках был бугай, а стал муравьем... Кроме того, оборотней выдают глаза. Сложно объяснить... надо видеть, привыкнуть... ощутить нутром. Хотя, возможно, все дело в интуиции. Но глаза у рыжиков в звериной ипостаси... осмысленные, наполненные ехидцей, нелицеприятным мнением о нас, полиции сверхов.

Этьен посмотрел на меня, и получив обреченный кивок, направил авто в сторону нужного леска.

....

(Огни)

Большой красный грузовик, аккуратный и новенький, будто игрушечный оказался удобным и невероятно вместительным. Мне выделили спальную полку, на которой легко уместились бы две Огни, застеленную мягким матрасом и пуховой подушкой размером с три моих, домашних. Вовремя! Обессилен от перехода, долгой дороги и пережитого потрясения я даже сидеть была не в состоянии. С удовольствием свернулась калачиком, закутавшись в

шерстяной плед, обнаруженный на полочке над удобным ложем.

Гент уселся у окна, грациозно опершись локтем на ручку дверцы. Полуоборот его головы позволял разглядеть длиннющие светлые ресницы, загнутые вверх. Беарн взгромоздился за руль, Альвилль устроился на краю моей лежанки. Поначалу соседство ледяного, время от времени одаривающего быстрым взглядом, тревожило и будоражило. Даже, когда вампир пытался улыбаться или проявлять дружелюбие, в его мимике сквозило нечто хищное, дикое, животное. Глаза Альвилля напоминали два изумруда — потрясающе чистые, сияющие, но... безжизненные. Хотя, он же — немертвый, какие еще у них могут быть глаза? Вблизи создавалось ощущение «стеклянного взгляда», когда существо уставилось сквозь тебя.

Пару раз, заметив мою реакцию, Альвилль ободряюще подмигнул. На фоне ровных зубов, удлиненные клыки обращали на себя внимание. В отличие от верберовских, они больше напоминали волчьи — не конусы, скорее сабли. Угрозы от ледяного не исходило, изменившийся прикус не пугал, но близость неприятно щекотала нервы. Объяснить ощущения не получалось — на сознательном уровне Ал даже нравился — приятный, вежливый, привлекательный, в конце концов. Но шестое чувство вопило о негативе. Не об опасности, ни о лжи, ни о дурных намерениях, а именно о негативе.

Я постаралась отвлечься на густую гриву Беарна, уходящую в ворот клетчатой рубашки. Интересно, растительность у него вдоль всего позвоночника? За созерцанием мохнатого затылка медведя, нервозность быстро улеглась. Монотонность движения по ровному шоссе, без кочек и рытвин усыпила меня.

...

Ветки деревьев кружевным полотном простирались вниз. Я летела, расправив огромные крылья. Длинные усы развевались по сторонам, совершенно не мешая. Когтистые лапы, прижатые к животу, представлялись верхом совершенства.

Один-два взмаха крыльями — и цель достигнута. Взгляд приковало озерцо, похожее на драгоценный кристалл в зеленой оправе леса.

Устремляюсь вниз, к земле, выставив ноги... э-э-э... лапы.

Мягкая трава хрустит под когтями, словно скомканный лист бумаги. Неспешно подхожу к кромке воды — поверхность гладкая как стекло, окрашенное в ультрамариновый цвет. Коричневая россыпь камушков на дне ничуть не мешает полностью оценить отражение.

Карие глаза сильно посветлели, ну прямо осколки топаза. Корона рогов венчает слегка удлиненную морду ящера. Золотой аджагара прекрасен. Расправляю гигантские крылья, любуясь синими перепонками, в солнечных лучах прозрачными, словно тончайшая вуаль.

— Огни? Огни? — холодные брызги мурашками бегут по коже. Будто кто-то нарочно плеснул на меня студеной водой.

— Огни?

Озеро. Лес. Аджара. Видение покрывается густым серым туманом. Поглощается тьмой, подобно случайно залитому грязной водой акварельному наброску. Мгла расплзается, цепкими щупальцами захватывая все вокруг.

— Огни!

Удивленно открываю глаза и пару минут нервно моргаю, судорожно пытаюсь сообразить — где я и что происходит. Память неохотно возвращает события последних часов...

Из приоткрытой двери грузовика четко видно, что красная громадина припаркована на

обочине дороги, а вокруг — такая знакомая суэта мегаполиса. Небоскребы в стиле хай-тек, сверкающие тонированными стеклами, будто тысячами гигантских черных очков. Улицы, вымощенные серой плиткой с замысловатым розовым орнаментом. Кафе, источающие на всю улицу ароматы, от которых желудок сжимается в тугой узел и текут слюнки. Витрины магазинов с замершими в неестественно-угловатых позах манекенами, похожими на мимов.

Боже! Как все знакомо и незнакомо одновременно. Интуитивное отторжение чужого города заставило сердце предательски екнуть. Даже воздух здесь другой, не родной! Высокая сочная трава на ухоженных газонах какая-то не наша... Ясное небо с пуховыми перинами облаков не веселит душу.

— Ты чего? — Альвилль застыл внизу, возле открытой дверцы машины, рядом с Беарном.

Не в силах оторваться от созерцания мегаполиса, оставила вопрос без ответа.

Солнце еще не село. Хотя сумерки стальной дымкой легли на оживленные улицы. Пестроте здешних прохожих оставалось лишь удивляться. Сверху и люди сновали туда-сюда, будто так и надо. Разумеется, так и надо. В этом мире.

Здесь было на кого поглазеть! Юркие оборотни лисы, с острыми, угловатыми чертами лица шустро лавировали в толпе. Каны и верберы шагали величаво, расправив богатырские плечи, выпятив грудь, будто демонстрировали собственную мощь. Волки ступали спокойно, пружинисто, размеренно. Рядом со смертными — великаны, рядом с канами и верберами — карлики. Так сказать — все познается в сравнении. Изредка мелькали генты и ледяные. Первые на фоне остальных рас и впрямь напоминали ангелов, сошедших с небес, вторые — красивых и опасных демонов.

Генты? Я посмотрела на Беарна и Альвилля. Где Стеллер? Он, что уже ушел?

— Эй, ты, весельчак! Пугаешь девушку! — раскатисто проревел вербер и ткнул локтем воздух справа от себя.

— Поду-у-умаешь, цаца! Пусть радуется, что от кана спасли! Вот уж кто не церемонился бы, — фыркнул невидимый гент и медленно появился из воздуха, рядом с медведем.

— Ты не особо рассуждай! — недобро оскалился в его сторону ледяной. — Мы и тебя прихватили из жалости!

Стеллер фыркнул громче и, задрав красивый нос, процедил:

— Вы прихватили меня за вознаграждение отца!

— Не смейся мои пятки! — прервал гента Беарн, по примеру друга грозно сверкнув клыками, — За такое вознаграждение я бы даже с постели не встал. Мы тебя просто пожалели. И вообще — наша гостья заскучала, — вербер многозначительно кивнул в мою сторону.

Из диалога сверхов я не поняла ни слова, поэтому просто выжидала.

Закончив сверлить Стеллера уничтожающим взглядом, Альвилль протянул мне руку. Опершись о его ладонь, непривычно крепкую и холодную, выпрыгнула из кабины грузовика на городскую мостовую.

— Добро пожаловать в Аннарис! — произнес ледяной, все еще удерживая мои пальцы.

— Спасибо, — близость Ала действовала магически, иначе не скажешь. Сердце тревожно билось, по позвоночнику струился холодный родник, заставляя ежиться, ладони и ступни покрылись липкой испариной.

Что же это такое?

Ни страшен, ни угрожающ, ни уродлив, совсем наоборот, а острое чувство неприятия

пронзало до мурашек. Словно по телу носилась орда красных муравьев и непрерывно кусала. Бр-р-р... Не люблю, когда собственные ощущения ставят в тупик.

Делегация сверхов

(Ната)

Наш гигантомобиль почти достиг цели, когда по радиии передали первое радостное известие за сегодняшний день. Рыжиков поймали, скрутили и забрали на допрос сотрудники соседнего участка полиции сверхов. Почему они «охотились» на вверенной нам территории, выяснять не было ни малейшего желания.

Если кому-то взбрело в голову выполнить вашу работу, пускаться в длительные расспросы глупо и недальновидно. Незадачливый интерес: «Зачем это?» — может спровоцировать реакцию: «хотите сами — получайте». А уж чего-чего, подобного даром не надо. В удачной поимке лис особых заслуг полицейских никогда не усматривают. Это вам не подозреваемые-каны, обезвреживание которых приравнивается чуть ли не к героизму... Схватив лис похвалы и то не дождешься. Это же наша рутинная работа — карабкаться по крышам, подоконникам, перемахивать через машины и мусорные контейнеры, перелезать заборы и взбираться на деревья... Подумаешь! Легкая прогулка да и только! Доказательства, насколько успела понять по обрывочным сведениям, шаткие, драгоценности при подозреваемых не найдены. Зачем нам этот геморрой?

Напарник сбросил скорость, вырулив на главную улицу... и тут я увидела грузовик Беарна. Не узнать эту кроваво-красную махину невозможно.

Этьен присвистнул, заметив странную компанию, оживленно беседующую возле броского авто и ударил по тормозам.

Альвилля и Беарна у нас не знали разве что самые отсталые постовые.

Бета медведей, отвечавший за сообщение племени с другими народами вызывал уважение и даже восхищение. Правда, к Этьену относился с изрядной долей предубеждения — не любят сверхи «перебежчиков». Так они кличут сородичей, работающих в полиции, вроде нашей. Ну а чего странного? Вот как поведет себя напарник, если след приведет к его собственному племени верберов? Возьмется защищать интересы смертных или медведей? Насколько хватит его объективности, если сородичи начнут давить и требовать поддержки?

Конечно же, люди от таких казусов тоже не застрахованы. Но в нашем случае речь идет только о родственниках, друзьях, в случае оборотней — даже не об одном племени — обо всем народе. Медведи, конечно, в переписи не участвовали, но даже по самым скромным прикидкам их на несколько порядков больше, чем членов любой семьи. Даже если взяться считать четвероюродных и пятиюродных сестер, братьев, тетюшек и дядюшек со всех возможных сторон, давно и благополучно преданных забвению.

Естественно, оборотню оказаться между двух огней куда проще, чем человеку.

До сего дня я и Этьен не сталкивались с подобными дилеммами. И, слава богу! А там уж как судьба решит. Зачем тратить нервы и время на переживания о том, чего может и не произойти? Однако, Беарн не придерживался этого моего правила...

Бета медведей заметно не жаловал напарника, но всегда обращался с ним корректно и вежливо. На то он и правая рука вожака, лицо стаи в ничейных землях и перед сильными

мира сего. Насколько знаю, племя вербера давно хотело выбрать вторую бету, но никак не получалось. Медведи! Что с них возьмешь? Это тебе не человеческие выборы, где народ побросал в урны бюллетени, госчиновники выкинули все в мусорку, сами нарисовали проценты и счастливы. Не-ет! У оборотней, типа верберов, все открыто и первобытно. Выражаясь языком политиканов-людей: дико.

Кандидатов выдвигают на общем сходе — не меньше трех, но чаще всего их около десятка. Те дерутся друг с другом на глазах сородичей. Победивший должен минимум полчаса продержаться против нынешнего беты и как апофеоз — против альфы. Первое испытание не прошел еще никто. Поглядев на гиганта Беарна, глупо спрашивать почему. Верберы считают, что помощник вожака обязан быть выдающимся во всем. Ум, честность и прочие душевно-интеллектуальные качества учитываются при выдвижении, сила и ловкость помогают занять подобающее место.

Рядом с Беарном, как это часто случалось в последнее время, мелькала статная фигура Альвилля Камула. Хм. Ледяных, мягко говоря, не люблю, но этого все же уважаю. Старый знакомец принадлежит к известному и высокопоставленному семейству. По иронии судьбы, варвары, обращенные из мести, оказались в родне с древнейшим и могущественнейшим кланом нежити — Ледлеями. Забавно порой шутит Фортуна.

Ледлеев знают все, желающие выжить в нашем мире — с ними лучше не ссориться. Имеющим хоть каплю самоуважения, проще даже не пересекаться с древнейшими вампирами, привыкшими к полному повиновению и благоговению окружающих, включая себе подобных.

Создательница Альвилля, четверых его братьев и еще нескольких воинов их первобытного племени, Мазенда — от одного имени передергивает — дочь второго основателя семьи Ледлей. Слава богу, покойная. Что случилось и почему обычным смертным неизвестно, ледяные не выносят сор из избы. И раз уж дело не касается людей, власти «сочли возможным не требовать отчета». Так правительство красиво обрисовало полную беспомощность перед капризом старейшего рода нежити. Надо ж делать вид: мол, у нас все под контролем. Дрожим как осиновый листочек при виде любого Ледлея? Так это же радость долгожданной встречи переполняет до краев!

В общем, Альвилль, его братья, сородичи и потомки, неожиданно для себя, очутились наверху социальной лестницы, как говорят, из грязи в князи. Случилось все сразу после легализации сверхов и «разграничения сфер влияния между разными племенами и внутри них». Проще говоря — после грубой дележки территории, порой весьма кровавой, возвышения самых умных и сильных, в случае ледяных еще и самых древних.

Шальная семейка Ледлей, будь она неладна, ходит днем, как Дракула, пьет кровь реже любого вампира, но за день нарушает закон чаще, чем средний немертвый за столетья.

Камулы живут намного скромнее, в нарушении закона не замечены, политикой интересуются постольку поскольку. Но, случается, и они удивляют госчиновников, выдвинув какой-нибудь законопроект. Хотя, новейшее предложение: «обращать смертельно больных людей и оборотней по просьбе оных или семей» еще «находится в доработке». Не знаю уж, чего нашим политиканам не понравилось, но вопрос муссируется уже месяца четыре. Естественно, с нами никто особо не делится. Зачем? Мы же так, быдло.

Почему Ал отправился куда-то с Беарном — понятно, их племена сражались плечом к плечу против канов. С тех пор вербер и ледяной — счастливое исключение из правила, гласящего, что нечеловеческие расы никогда не находят общий язык между собой. Но как в

честной компании, остановившейся неподалеку от красной громадины Беарна затесался Стеллер? Принцы гентов оборотней и ледяных презирают, считая низшими расами. Выше всех мнят, конечно же, себя любимых, затем людей, что удивительно, только потом нежить и двуликих. Или так они «опускают» остальных сверхов в глазах человечества?

Короче говоря, обычно члены королевских семей гентов не то, что в одну машину, по одной стороне улицы с немертвым и вербером не пойдут. А тут... Вместе, на расстоянии меньше метра... Да еще и судя по всему, обращались Ал и Беарн со Стеллером более чем пренебрежительно... Чудеса-а-а...

Ради такого не то, что лису, кана упустить не жалко.

Но и это еще не все! Рядом с известными нам личностями нерешительно переминалась с ноги на ногу странного вида девица.

Вам знакомо ощущение, когда способностей и знаний не хватает, но интуиция подсказывает больше, нежели чутье любого суперсверха?

Именно так я себя и чувствовала, глядя на потерянную рыжеволосую странницу. Одета, вроде бы, обычно, выглядит, казалось бы, тоже. Фигурка ничего, если вам нравятся широкобедные и пышногрудые, при этом еще и довольно подтянутые. Однако подсознание вмиг определило нового, прежде невиданного сверха.

Конечно, после того, как интуиция прокричала это на весь замученный работой мозг, он нехотя очнулся, оцифровал информацию и согласился.

Во-первых, у незнакомки была странная радужка — вроде бы карие — но с какой-то золотишкой, весьма необычный оттенок, прежде мне не встречавшийся. А уж повидала я за свою работу в полиции сверхов достаточно самых-пресамых чудных глаз. Причем, некоторые даже отдельно от тела... Но сейчас не о том...

Во-вторых, кожа. Молочно-белая, как говорят — фарфоровая. Но одно дело — красивое сравнение, которым ухажеры соблазняют дурочек, верящих в возвышенную любовь, другое — реальность.

Как там у классика:

Ее глаза на звезды не похожи,

Уста нельзя кораллами назвать,

Небелоснежна плеч открытых кожа,

И тонкой проволокой вьется прядь...

Ну и все в таком роде. Суть в том, что можно высокопарно вознести кого-то до небес, но это ровным счетом ничего не значит. В конце стихотворения мудро говорится:

И все ж она уступит тем едва ли,

Кого в сравненьях пышных оболгали.

В моем же случае, сравнение перерастало в реальность. В-третьих, девушка с любопытством оглядывалась, будто впервые в жизни видела не только Светозарный Аннарис

— так в шутку прозвали наш город журналюги, из-за излишнего ночного освещения. Нет, незнакомка озиралась, словно вообще никогда не встречала подобных Вселенных!

Полицейское чутье тотчас подсказало — особого внимания спутницы Беарна и Ала удостоились сверхи, мелькавшие в толпе прохожих-людей. Вот кто будет пялиться на иные расы у нас, в мире, где они бок о бок с человечеством существуют уже бог знает сколько столетий? Обыватели, вроде меня, конечно, когда я не на службе, воспринимают сверхов как фонари в городе — стоят, освещают и что? Или, скажем, летящие по шоссе такси жуткого золотого цвета. Ну, да, авто, предназначенные только для людей, смотрятся нелепо и безвкусно. Но когда с детства наблюдаешь эту феерию «богатого оттенка», невольно перестаешь замечать.

— Да кто она такая, черт побери?

Вопрос могла бы задать и я. Но Этьен опередил, резво открыв дверцу машины и выскочив так, будто мы сидели не на высоте метра с лишним, а в шаге от мостовой.

Сделала тоже, только приземлилась менее ловко и решительно направившись в сторону троицы сверхов и незнакомки, явно тоже нечеловеческого происхождения.

Естественно, наш интерес был чисто обывательским.

Арестовать или даже проверить документы лишь на основании странной внешности или непохожести на всех, кого видели, не имеем права. Пока рыжая ничего не нарушила, может не беспокоиться. Но за приятельские отношения спутников с любопытными полицейскими надо платить.

Попробуем узнать у Ала и Беарна об их необычной товарке.

9

Так велит обычай

(Стелла)

Ловкие, мощные кошачьи лапы несли Стеллу прочь от преследователей, по узкой границе между бывшей охотничьей территорией родного племени и кварталом медведей. Густые сиреневые сумерки для глаз охотника, загоняющего добычу хоть в полуночной мгле, хоть в слепящий полдень — не помеха. В отличие от большинства оборотней с ночным или дневным зрением, людоеды великолепно видели в любое время суток. И не беда, что серп Луны почти полностью спрятался за пышными кронами разлапистых деревьев.

Стелла неслась вперед, по густой, почти нехоженной траве, растущей меж двух сплошных рядов валунов — одних в пол роста, других даже в рост канов. Восемь рядов гигантских каменных пограничников смыкались так, что шаг вправо, шаг влево грозил столкновением с многотонной глыбой.

Сюда уже лет двадцать никто не заходил. Да и зачем? Ничейная полоса, не толще половины туловища людоеда — от головы до хвоста, больше символ перемирия племен оборотней, чем место для прогулок.

Ночная прохлада помогала охладить спекшиеся мышцы... Запах преследователей доносимый шальным ветерком из леса, ощущался все отчетливей, приторней, угрожающе.

Мегрес, Стаккой, Иннурк, Базлер и Раплас... Сильнейший молодняк, разогретый посвящением в мужчины, слихвой упившийся дикими плясками у костров и женскими телами, готовыми на все. Они не пощадят, не отпустят. Принесла же нелегкая в лес жадных

до развлечений охотников, да еще в тот самый момент, когда Стелла получала восточку от врага племени. Теперь не выкрутиться и даже Тетис не поможет.

Лапу обожгла боль, теплая жидкость потекла от колена к стопе. Стелла зацепилась за выступ камня-пограничника, будто нарочно выставившего острый коготь навстречу нежеланной гостье. Инстинктивно людоедка запрыгала на своих троих, поджав ногу, которую саднило и резало одновременно. Не прошло и минуты, как дыхание преследователей — жадное, озверелое прорезало ночную тишину. Точно в ответ ухнула сова — предвестница беды. Да чего уж там предрекать? Жалкие потуги, не более...

Все равно деваться некуда.

Справа — родной поселок, где ожидают несколько дней жестоких экзекуций, когда осужденный молит о скорой смерти, как об избавлении, и не менее ужасная гибель от рук соплеменников...

Слева — квартал верберов, одно появление в котором грозит не меньшими бедами... Если бы он не застрял в Аннарисе по делам! Если бы пришел! Возможно убедил бы сородичей пощадить, выслушать... Но сейчас он слишком далеко, за многие километры и помощь невозможна.

Граница простирается на километры, до самого Аннариса — столько не пробежит даже кан, просто не сдюжит.

Демонстративное клаяние челюстей преследователей, уже дышащих в спину заставило Стеллу припустить, плюнув на боль, пожирающую раненую лапу.

Дыхание сбивалось все чаще, ноги слабели, колени некстати подгибались, сердце грохотало в висках, едва не оглушая. Прыжок, еще прыжок, еще... Главное не останавливаться, главное продолжать двигаться. Вдруг кто-то поможет? Шальная надежда заставила Стеллу горько усмехнуться — чужак ни за какие коврижки не зайдет на территорию верберов или людоедов. А с пограничной полосы до обеих — всего два шага.

Пыхтение молодняка — такое знакомое, шумное неумолимо усиливалось за спиной. Вряд ли смертный или другой оборотень услышит эти звуки. Для Стеллы они гроыхали точно удары гонга в честь ее казни.

Луна показала нижний зубец из-за крон и опять стыдливо зарылась в темно-зеленые дебри. Шелестя крыльями сова взлетела с опушки леса, спикировав невдалеке от беглянки. Ночь разрядилась звонким писком, переходящим в ультразвук — крылатый охотник поймал мышь. Тяжело взлетев с добычей в когтях, сова медленно скрылась в ветвях деревьев, на подступе к границе.

Еще один дурной знак. Задохнувшись невесть откуда взявшимся ветром, Стелла чуть замедлилась, спиной чувствуя преследователей. Жар их дыхания, тел волнами достигал задних лап, загривка. Упругая поступь барабаном отдавалась в ушах, споря с оглушительным боем пульса.

Звуки приближающейся гибели придали сил. Стелла припустила, каждым прыжком почти равняясь с верхушками глыб-пограничников, ломая когти о мелкие камушки, невесть откуда взявшиеся на пути, ударяясь чем попало о беспощадные валуны, так и норовящие задеть.

Запахи новопосвященных отдалились. Шкрябание их когтей о гальку, доставлявшую беглянке столько бед, мурашками отзывалось в теле. Широкая лента далекого света фар от шоссе пробежала по телу Стеллы и унеслась вперед. Как бы ей хотелось очутиться там, в машине, в безопасности! А еще лучше на ничейной территории, где над законами канов

довлеют общие правила.

Перебирая ватными ногами, Стелла продолжила бегство, уже почти не чувствуя мышц, казалось, на одной лишь силе воли.

Заборы валунов начали сходиться — кто-то промахнулся с расстоянием. Проклятье! Проклятье! Проклятье! Людоедка скакала по камням, впервые в жизни жалея, что обращается не в горную козу. Глыбы дубасили по мягким стопам, казалось, ударяя по всем суставам сразу. Боли от раны Стелла уже не чувствовала — теперь ее заглушали колющие, режущие, сверлящие, жгущие ощущения от ушибов. Легкие точно взрывались, переполненные воздухом, вытолкнуть который уже не хватало сил. Равновесие! Только бы удержать равновесие! Сорвись на открытую местность, настигнут тут же... Естественно-искусственная полоса препятствий на границе более тяжелым самцам — мощная помеха. Они так ловко по валунам не поскачут, да и протиснуться между рядами каменных пограничников им куда сложнее. Того и гляди обдерут бока, вот и двигаются медленней, осторожно лавируя среди глыб.

Догоняй они по территории канов, потом пришлось бы в считанные секунды — пока добыча не унеслась дальше, преодолеть почти наглухо сомкнувшиеся ряды глыб-великанов. Сложно, а главное опасно для жизни — только промахнись и все кости переломаешь.

Запах молодняка ослабел еще больше, подтверждая мысли Стеллы. Но это ненадолго. Почти встретившиеся было каменные полосы, резко разошлись. Людоедка приземлилась на мягкую почву всеми четырьмя лапами. Боль, отчаянный трепет сердца, удары пульса в голове, теперь долбящегося и в глазницы, онемение ног, легкие, которые вот-вот лопнут от натуги... Она плохо осознавала, что происходит. Колени, до предела напряженные для бега по глыбам, подогнулись. В нос тут же ударил сгустившийся запах погони... На дрожащих лапах Стелла встала и бросилась вперед.

С десятков желто-оранжевых полос света одна за другой ударили в глаза — такая кавалькада на пустынном ночном шоссе — огромная редкость. Но уж если не везет, так не везет по крупному. Резь в нацеленных на ночное видение глазах добавилась к общему коктейлю телесных мук. Ослепленная, отчаянно моргая, Стелла прыгнула вперед, не разбирая дороги, лишь бы не останавливаться, чувствуя, как сзади нагнетается горячее дыхание молодняка, внимая шуршанию травы под ногами преследователей, вдыхая их аромат, внезапно штурмующий со всех сторон.

Все еще полузрячая, людоедка совершила отчаянный рывок и... споткнулась о валун, нехстати распухший чуть ли не до середины разделительной полосы.

Скорость не дала ни шанса восстановить равновесие. Как была, Стелла полетела вперед и шмякнулась между камнями, сильно ударившись боками, отчего ребра жалобно заныли, а внутренности точно обожгло кипятком. Тряся головой людоедка вскочила на неверные лапы, вздрогнув от боли, пронзившей все тело, пригнулась для прыжка и... оказалась прижата к земле.

Дерн, вперемежку с мягкой почвой забился в нос и рот, смешавшись с приторным запахом разогретого погоней молодняка. Жар из пяти раскрытых пастей едва уловимой дымкой струился вокруг. Аромат недавнего спаривания с несколькими партнершами ворвался в ноздри, забитые кусками земли и зелеными ошметками стеблей.

Довольно ухнула сова — ее пророчество сбывалось. Острые когти вонзились в загривок, четыре пары мощных лап вдавили в землю, словно пытаясь сплющить.

Конец побега вникуда. Так все и должно было закончиться — рано или поздно...

Удар в голову наотмашь заставил дернуться, но преследователи держали крепко — только шея мотнулась вбок, хрустнули позвонки. Перед глазами заплясали цветные искры... закружились вихрем и... все вокруг поглотила мгла. Последней мыслью было: «Это ненадолго, легкое сотрясение, пока дотащат, уже буду готова к экзекуции...»

10

Незаконная эмигрантка

(Огни)

Антрацитовая плитка под ногами чудно пружинила. Сначала подумалось — кажется, но сделав несколько шагов, убедилась — нет, точно, пружинит.

Наша странная компания притулилась между грузовиком Беарна и двумя каменными небоскребами — темно-синим и угольным, гордо сверкавшими на солнце точно лакированные. Их торцы, пестревшие гигантскими рекламными брендмауерами, вертикальными и горизонтальными лентами вывесок, наперебой предлагали закупиться брендовой одеждой-обувью, сделать прическу «в лучшем салоне города», проконсультироваться в юридической фирме, недорого купить жилье в нейтральном квартале, взять кредит под минимальные проценты и многое другое. Правую высотку подпирал одноэтажный ювелирный магазин, чьи витрины кичились стендами с колье, серьгами и кольцами, порой самых причудливых форм. К левому небоскребу почти в упор подступал ресторан, с завитушками и барельефами на стенах и статуями античных героев на крыше. От нас подальше стремился улететь Гермес, рядом с ним Афродита рассеянно расчесывала роскошные локоны. На заднем плане Геракл побеждал какого-то очередного монстра, почти полностью скрытого фигурой бога с крылатыми сандалиями. «Лучшие блюда кухонь народов мира» — заявляла вывеска ресторана, претендующего на стиль барокко, оформленная в виде куска пергамента со свернутыми и чуть потрескавшимися краями.

Пока я озиралась, Стеллер, Беарн и Альвилль обсуждали — куда направим стопы и что предпримем. Делая вид, будто окрестности занимают меня куда больше, изо всех сил старалась уловить цель путешествия троицы сверхов и их планы. В конце концов, пока самым разумным представлялось держаться спутников, раз уж они так добры. Из оживленной беседы моих спасителей выяснилось, что Стеллера везли к дяде, владеющего в Аннарисе дорогим косметическим салоном. Зачем-то ему срочно понадобилось покинуть родное поселение, и вроде бы за это отец гента заплатил верберу и ледяному кругленькую сумму. Однако, ни тот, ни другой не считали ее весомым аргументом. Медведь и вампир, судя по их красноречивым намекам, взялись за дело лишь ради того, чтобы король гентов остался у них в долгу. В деньгах приятели не нуждались, а в «подачках лесных королей» тем более.

Сейчас же Беарн с Альвиллем решали — куда деть Стеллера, чей родственник появлялся на работе только поздним вечером. Я так поняла — спустя часа три. Гент категорически отказывался ждать дядю в салоне, требуя, чтобы его сводили в кафе и накормили не хуже «чем ее». То бишь, меня, приبلудную. Вербера с ледяным подобная идея совершенно не вдохновляла, о чем оба заявляли открыто, громко и экспрессивно, не преминув сверкнуть клыками. Как бы невзначай демонстрируя спутнику — кто тут главный

сверх.

Со мной медведь и вампир обращались вежливо, пожалуй, даже бережно. Альвилль осторожно отодвинул меня от пешеходной части дороги, ненавязчиво подтолкнув встать перед собой. Теперь неловкий прохожий не задел бы незваную гостью Аннариса, закрытую широкой спиной ледяного. Вообще немертвый вел себя на редкость дружелюбно, но неприятное, гнетущее ощущение от его прикосновений, взглядов и улыбок никак не проходило. Клыки не очень напрягали. Естественно, перспектива пойти на корм ледяному не особенно радовала, но информационное поле услужливо поделился — вампиры возраста Альвилля сильной жажды не испытывают. Крови им требуется немного, не говоря уже об отличном самоконтроле, позволяющем даже в голодные времена не кидаться на окружающих.

Здесь крылось нечто иное, на уровне инстинктов, шестого чувства.

Наконец, до меня дошло! Пугал ни сам Альвилль, ни его внешность или действия! Одно касание ауры вампира — и холодная струя била меня в затылок, устремляясь внутрь тела, порождая мелкую дрожь.

К пущему расстройству выяснилось — такова энергетика всей нежити планеты. Любой, проходивший мимо немертвый словно окатывал меня душем измельченных кусочков льда... Сотни холодных иголок впивались в кожу, начинавшую гореть в ответ, мороз продирали до костей.

Надеюсь, привыкну, хотя бы со временем. Альвилль же постоянно старался проявить участие, заботу и, сам того не желая, не давал оправиться от очередного шока. Аура Беарна, впрочем, как и других оборотней, даже канов, оказался намного спокойней, приятней.

Что же до гента, тут все было куда сложнее. Стеллер: то излучал тепло и притягивал, то яростно отталкивал опаляющей вспышкой. Напоминало впечатления человека, приближающегося к очагу. Сначала тебя манит мягкий и ненавязчивый жар, но позже становится все неприятней и неприятней. Как апогей — хочется поскорее отскочить от жгучих искр.

У гента переход отсутствовал — либо он грел, либо опалял. Я поспешила считать информацию — Стеллер, да и весь «лесной народ» — так называли тут гентов — как никто, умел создать ощущение, якобы рядом с ним ну просто восхитительно. И, наоборот, без единого слова отделаться от надоедливого общества, или беспардонного нарушителя зоны комфорта.

В самый разгар спора моих спутников, недалеко остановилась пара людоедов, не самых мускулистых, из тех, что сновали мимо. Не скрываясь, они бросали на Стеллера красноречивые взгляды и о чем-то шушукались. Гент заметно напрягся — как-то ссутулился и затравленно посмотрел в сторону неожиданных любопытствующих.

Ал и Беарн среагировали мгновенно — развернулись с канам и я опять «из партера» наблюдала сцену, подобной той, что разыгралась в лесу. Не издавая ни звука, сверхи буравили друг друга тяжелыми взглядами исподлобья и казалось даже воздух между ними стремительно накалялся до взрывоопасного состояния.

Наконец, людоеды медленно и совершенно бесшумно развернулись и пропали в пестром потоке разных существ.

Стеллер все еще горбился, провожая канов испуганным взглядом.

— Да не дрейфы! — ухмыльнулся Беарн, хлопнув гента по плечу так, что тот отшатнулся, — Омеги стаи, ничего они не скажут, если не будут уверены, что это шибко

важно для племени...

Теперь мне и в информационное поле обращаться не потребовалось. Как-то смотрела передачу про волков — альфа — вожак, самый мощный самец, бета — второй после него, отвечающий за воспитание молодняка, омега — козел отпущения, тот, кому достаются все шишки и на ком срывают зло остальные. Незавидная участь.

— А ты не подумал, почему это омеги гуляют вместе? — гент нахмурился, — Явно меня отслеживают по просьбе сам знаешь кого...

Беарн расхохотался, Ал ухмыльнулся.

— Омеги, чтоб ты знал часто встречаются на нейтралке, — сквозь хихиканье парировал вербер, — Ты хочешь чтоб они гуляли с теми, от кого каждый день тумачи получают? Думаешь им мало достается в родном квартале? А сам знаешь кто о тебе и не подозревает! Хватит уже психовать, у меня от тебя клыки чешутся...

Стеллер набрал в грудь побольше воздуха, похоже, для ответа, но тут в нескольких метрах от нашей честной компании затормозил массивный полицейский джип. Сказала бы громадный, но по сравнению с грузовиком Беарна даже он выглядел среднячком.

Получеловеческие-полужверинные головы — эдакий сборный образ кошки, волка и тигра, во все дверцы машины — приветствовали дружелюбно-клыкастыми улыбками. Такие же значки были приколоты на груди двоих, ловко выскочивших из авто, хотя из-за гигантских колес, далеко не всякий человек сумел бы выбраться оттуда без посторонней помощи.

Шатенка, смертная привлекала внимание контрастом немного усталых, умудренных жизнью глаз со свежим лицом и женственными формами. Словно девушка чуть старше тридцати смотрела глазами человека, немало прожившего на этом свете и повидавшего такое, отчего у многих бы крыша съехала.

Мускулистый рыжий вербер, поначалу первым рванувший в нашу сторону, но затем неожиданно пропустивший спутницу вперед, рядом с Беарном походил на фотомоделю возле гладиатора.

Стремительно поравнявшись с нами, женщина-полицейская по-свойски обратилась к Альвиллю:

— Привет главным семьям! Смотрю у нас целая делегация сверхов? — вопрос, обращенный к ледяному и верберу, сопровождал кивок в мою сторону. Сердце болезненно екнуло, заколотилось сильнее, пальцы рук и ног заledenели. Вдруг спросят документы? Или начнут выяснять — кто я, что делаю в Аннарисе? Какие права у местных полицейских? И что это за подразделение такое с чудозначками отличия? Увы! На сей раз, информационное поле остался безразличным к моему недоумению. Закон подлости в действии!

— Девушка с нами, — вампир встал между мной и стражами порядка. — Еще вопросы?

Вместо ответа полицейская отклонилась в сторону, чтобы встретиться со мной глазами и плотоядно улыбнулась:

— Я — Ната, Натали Веллес, этот тьюфак, — она непринужденно хлопнула напарника по бедру, — мой коллега — Этьен, — у верберов фамилий нет, сообразила я.

— Огни, — представилась, шагнув из-за спины Альвилля. А что? Я не собираюсь пугаться и прятаться. Гулять, так гулять! Думаю, везение Марио здесь уже не помогло бы. У одалживаемой сородичем удачи крайне неприятное свойство — первый раз работает на ура, но затем почти иссякает. Возможно, раз или два, через какое-то время поможет вновь, но не факт. Я приготовилась к худшему. Пульс стремительно учащался, ребра с немыслимой силой втягивались внутрь, каждый вздох взрывом отдавался в ушах. Ната открыла рот, но ледяной

встал рядом со мной, взял за руку и выдал:

— Огни — моя женщина! Да, я ее выбрал, посадил на свою кровь, отсюда необычные свойства. Если все пойдет хорошо — женюсь.

Знаете ощущение, когда добегаешь до края пропасти, не устояв, срываешься вниз, каменистое дно уже приветствует нового гостя, но внезапно пробуждаешься, с наслаждением нащупав под спиной мягкий матрас? Приблизительно так я себя и чувствовала. Конечно, идею Альвилля особо удачной не назовешь. Впрочем, имею ли я право роптать? Вампир спас незнакомку от кана, защитил, как мог, выдав первое, пришедшее в голову. Мне ли возмущаться или даже просто выражать недовольство? Полагаю, ответ очевиден.

Ната смерила меня внимательным взглядом глубоких карих глаз с зеленоватыми крапинками:

— Ну и как оно? — задала непонятный вопрос, видимо, проверяя реакцию.

— Что именно? — постаралась ответить как можно будничней и не менее туманно.

— Быть невестой ледяного из второй по влиятельности семьи, к тому же убежденного холостяка уже... сколько столетий? — полицейская лукаво посмотрела на Альвилля.

— Тридцать, — спокойно пояснил вампир.

Я едва сдержала пораженный возглас. Ледяному три тысячи лет? Из информационного поля я уже знала, что Ал — древний вампир, но чтобы настолько... Немертвый будто ощутил мое состояние и мягко, но настойчиво пожал ладонь прохладными пальцами. В воздухе повисла напряженная тишина. Лишь спустя пару минут я поняла, что все ждут моего ответа.

— Хм... В мужчине главное не возраст, — промямлила не слишком убедительно.

— Что же тогда? — не отставала Ната, чуть склонив голову.

Определенно, полицейская знала: как, что и когда спрашивать. Великолепные навыки для стража порядка, однако для незаконной эмигрантки из чужого мира уж очень опасные.

— Слушай! Мы не на допросе, — вмешался Беарн.

Боже! Как же здорово слышать его низкий грудной голос!

— Ната! Ал предоставил исчерпывающие сведения. Остальное его и Огни личное дело, — добавил вербер, в шаг поравнявшись со мной. — Ты прекрасно знаешь — то, что творится в вампирских семьях, не подпадает под вашу юрисдикцию, — с нажимом закончил медведь.

— Разумеется, разумеется, — Ната мягко улыбнулась, но в голосе явственно слышались игривые нотки. — Простое любопытство, не более того.

— Не смущай мою невесту! — вторил Беарну новоявленный жених. — Она впервые в городе, долго ехала и хочет отдохнуть.

— Откуда же ты родом? — мгновенно нашлась полицейская.

С ней надо держать ухо востро! Теперь уже я набрала в грудь побольше воздуха и принялась судорожно копать в информационное поле планеты, стремясь выловить хоть одно название населенного пункта. Но Ал опять пришел на помощь:

— Ната! Это секрет! Я не хочу разглашать подробности происхождения невесты. Они слишком ... хм... неоднозначные. Поэтому попросил бы дальше не докучать выяснениями.

— Вот именно! — усмехнулся Беарн. — Девушку сначала бы накормить и дать передохнуть с дороги!

— Да я всего лишь поинтересовалась, — хмыкнула полицейская.

— Может, как-нибудь потом расскажем! — вспыхнул Ал, заметно теряя терпение. —

Нам пора! — ледяной стартанул, утягивая меня за собой. Ничего не оставалось, как, жадно глотая воздух, бежать за внезапно обретенным женихом.

Беарн с легкостью догнал нас, Стеллер немного припоздал, сильно запыхавшись. Неудивительно — на каждый шаг ледяного с вербером приходились два шага гента.

Едва мы свернули за угол высоченного торгового центра, из черного и рыжего металла, Ал с Беарном сбавили скорость, а я облегченно вздохнула. Поспевать за ними не так-то просто! Даже генту, чего уж говорить обо мне!

Пришлось еще несколько минут переводить дыхание, ощущая неприятное покалывание в боку.

— В «Пещеру Валькирий»? — подмигнул вербер ледяному.

Так интересно! Переговариваясь со мной или Стеллером оба расслаблялись, а вот общаясь друг с другом, напротив, держали спины идеально прямо, точно соревнуясь в размерах.

— Идет, — кивнул Ал.

— Вы серьезно? — гент брезгливо поморщился. — В эту грязную забегаловку с оборотнями-танцовщицами, напоминающими мужиков в юбках и едой сомнительного качества?

— Эту грязную забегаловку, как ты выразился, держит мое племя, — недвусмысленно оскалился вербер. — Еще слово, и я лично отвезу тебя в дядюшкин салон и запру в его кабинете! Ясно?

Набывчившись, Беарн стал еще крупнее, мускулы бугрились под плотной тканью рубашки, из недоброй ухмылки в очередной раз блеснули клыки. На месте его оппонента, я бы сразу дала задний ход.

— Спокойно, — Стеллер благоразумно отступил на пару шагов и похоже на чистых инстинктах, по-детски выставил ладони перед собой. — Хорошее заведение, просто... эмм... простоватое.

— Сам ты простоватый, — бросил генту Ал. — Там воссоздан колорит поселения медведей, побывал бы в таком, знал бы.

На лице Стеллера мелькнула гримаса: «Еще чего не хватало!» Однако брезгливый лесной принц промолчал, съежившись от режущего без ножа взгляда вербера из-под насупленных бровей.

Больше не растрачиваясь на слова, ледяной взял меня под руку и увлек на соседнюю улицу. Беарн вышагивал рядом, Стеллер — мельтешил позади.

Проспект отличался от предыдущего, дышащего помпезностью, не только большей безыскусственностью, но и особенной атмосферой. Думаю, примерно это имел ввиду Ал, когда говорил о воссоздании колорита поселения верберов. Здания вдоль широкой пешеходной дороги, вымощенной темно-коричневыми плитами, были сплошь приземистые — самое высокое, замеченное мною имело шесть этажей. Остроконечные, крытые темно-красной и голубой черепицей, крыши венчались бронзовыми флажками с фигурками медведей или волков. Первый же ресторан, попавшийся на глаза, выделялся яркой красно-лимонной вывеской с надписью: «Пещера Валькирий». На окнах красовались изображения и впрямь довольно мускулистых танцовщиц, впрочем, по моим меркам очень даже привлекательных, застывших в самых что ни на есть экзотических позах. Мало найдется смертных, рискнувших повторить такие па, и еще меньше тех, кто после этого не заработает серьезный вывих или растяжение. Разве что йоги... У деревянной желто-оранжевой двери в

трехэтажный ресторан с массивными балконами на каждом ярусе, застыл вербер. Волосы чуть светлее, чем у Беарна, одет в классическую черную тройку, белоснежную рубашку и начищенные до блеска лакированные ботинки. Подобно Этьену, медведь здорово уступал другу Ала в размерах. Кожа, сплошь покрытая веснушками, выглядела намного смуглее, чем у Беарна. И это при стальных-то глазах!

Стоило приблизиться, метрдотель ожил, поклонился соплеменнику и, окатив Стеллера недобрый взглядом исподлобья, приветливо выпалил:

— Добро пожаловать, бета! Желаете отдельную кабинку?

— Было бы отлично, Хастер, — Беарн дружески похлопал сородича по плечу и тот расцвел. Из широкой улыбки сверкнули конусы белоснежных клыков, чуть покороче и потоньше, чем у друга Ала.

— Я провожу! — Хастер едва заметным движением руки распахнул толстенную дверь, окованную металлом, которую не всякий человек открыл бы с первого толчка, и мы ступили на бордовый палас ярко освещенного холла.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

(Ната)

Вот так всегда! Счастье не бывает долгим! Только обрадовалась, что смена завершилась, по секретному каналу рации передали:

— Срочно! Срочно! Ната и Этьен, во дворец Ледлеев! Совместное расследование!

Если уж день пошел крахом, хорошо не закончится, смирись, Велес.

Я машинально обернулась к напарнику. Этьен вел машину в указанном направлении, мурлыча под нос разудалые песни своего народа и ребячески улыбаясь. Сейчас, как никогда прежде хотелось от всей души ненавидеть вербера за его природную выносливость. И все-таки... его настрой заражал. Я против воли расслабилась, откинулась на массивную спинку кресла и положила на фортуна. Чему быть, тому не миновать.

Оставалось лишь гадать — зачем Ледлеям понадобилась наша помощь. Ясно одно — происшествие, заставившее их терпеть участие полиции сверхов, из ряда вон выходящее. Вспыхнувшее любопытство окончательно отодвинуло усталость на второй план.

По распоряжению начальства мы, врубив сирену на полную катушку, летели к особняку, неизвестному в стране, наверное, только умственно-отсталому. Вообще-то у Ледлеев несколько резиденций — в разных государствах, но эта практически въелась в историю планеты. Именно здесь древнейшие вампиры устраивали официальные приемы, встречались с представителями других рас и собственной для решения политических вопросов. Короче говоря, тут чертова семейка нажимала на все рычаги, чтобы ни один народ не посмел покуситься на ее власть, богатство и величие.

О большинстве остальных владений «ледяного клана» простые граждане знали скорее понаслышке, и то не все. Это же так примелькалось на экранах телевизоров и в интернете, что потеснило настоящие достопримечательности, вроде Версаля, Красной площади, Биг Бена. Только что экскурсии сюда еще не водили, наверняка, разумно опасаясь за жизнь туристов.

Вживую, если можно так выразиться, я видела замок Ледлеев давным-давно... Тогда с родителями проезжали мимо поселения ледяных. Не заметить пристанище главной семейки упырей, все равно, что не заметить Эйфелеву башню, со всей дури впечатавшись в нее лбом.

Размеры здания в форме птицы, взлетающей ввысь, поражают! Эзотерики, взхлеб

рассуждающие: мол, египетские пирамиды уж точно строили инопланетяне, наверняка тоже самое думают о замке главного вампирского клана.

Высота дворца сопоставима с двенадцатиэтажкой, где потолки нормальные, человеческие — метров хотя бы 8, а не как в дешевых клетушках многоэтажек для босоты — 3–4. Масштабы постройки такие, что Лувр и Петергоф рядом с ней напоминают жалкие лачуги. Разве могут Ледлеи отдать первенство каким-то смертным королькам? Не солидно!

В давние времена здание-статую возводили из гигантских мраморных глыб. Но едва технологии позволили строить из металла, старейшие ледяные украсили «родное гнездо» порока и разврата титаном.

Если прежде замок напоминал ощипанную птицу, теперь ошетинился металлическими перьями и устремил в небо острый клюв. Я все гадала — а чего ледяные не придали дворцу форму летучей мыши? Тоже мне птицы... Саблезубые ястребы, чтоб их...

Хорошенько поскакав по рытвинам и холмикам небольшой загородной пустоши с торчащими то там, то сям вениками изрядно увявших кустиков, наш джип заскользил по ровнейшему покрытию главного шоссе квартала ледяных. Привычных фонарей тут не было, а особняки столпились настолько далеко от дороги, что яркий свет окон почти не разбавлял окутавшую машину полумглу. Вампиры и так отлично видели, остальные же расы в их пенатах явно нежеланные гости — разобьются в потемках — туда им и дорога. Вампирские доброта и радушие во всей красе.

Пришлось изрядно попетлять, оставляя позади разномастные жилища немертвых, точно вырванные из разных веков и помещенные в одно место как в архитектурный музей эпох, прежде чем вдалеке замаячил крылатый замок. Еще бы Ледлеи жили на общих основаниях! Им все отдельное подавай, эксклюзивное! Сердце тревожно екнуло, сжавшись тугим узлом. Необычно. Даже съязвить не хотелось. Неприятное место.

Ночь вступала в свои права. Сумрачные тени накрыли землю, далекое холодное сияние звезд добавляло мрачности безлунному небу, и нерукотворному парку, в центре которого и раскинулись уголья Ледлеев. Обступившие их высоченные сосны, немymi стражами чернели в полумгле.

Сотни фонарей мерцали возле птицы-замка. Создавалось впечатление, будто из ночи въезжаем в хмурое утро. Оптимизм, нагоняемый любопытством резко улетучился.

Тяжелая смена, загадочная встреча и новые приключения. Неужели этот день никогда не закончится?

Дворец отрезала от остального мира девятиметровая титановая изгородь, увитая проволокой под напряжением и оскалившаяся миллионами острых шипов. Мдя, основательно подготовились Ледлеи к возможному нападению... Да кто на них покусится-то? Не удивлена, что ограду главного вампирского клана не отделали ни серебром, ни платиной. Оба металла фатальны для молодых ледяных, для осчастлививших своим присутствием Землю лет 500-т уже болезненны. Ледлеи могли тонны серебряных и платиновых пуль проглотить и не поморщиться. Убивать их благородными металлами — деньги на ветер. Получается, себе подобных древний клан совсем не боится. Стоило приблизиться к воротам, возле них появилась пара ледяных.

Первого — основателя клана я видела в новостях по телевизору так часто, что сбилась со счета. Только сейчас он не пытался выглядеть... как хомосапиенс. Холодные белесосерые глаза и пепельные космы старейшего вампира планеты казались выцветшими. Моррох, или как его любили называть в народе морр, ну почти зараза, в общем, уродился в

северном племени... неандертальцев. Да, да, тех самых, которых по мнению антропологов, истребили наши далекие предки. Местная клыкастая достопримечательность — последний из вымершей расы недолудей и это сразу бросается в глаза.

Низкий лоб, выпирающие надбровные дуги, брови — впору в косы заплетать. Тонкие губы будто все время тянулись вперед, а крылья мясистого, приплюснутого носа едва угадывались.

Создавалось впечатление, что Моррох — изображение человека, смеха ради приплюснутое по горизонтали незадачливым художником. Ноги и тело главы клана Ледлеев были непропорционально короткими, зато руки свисали до колен, в прямом смысле слова. Мышцы тугими канатами проступали сквозь медную кожу — прозрачная туника почти ничего не скрывала. При своих метре с кепкой — если верить полицейскому архиву рост Морроха стошестьдесят сантиметров — зараза всех времен и народов на вид, как говорят, «квадратногнздовой».

Представьте это чудо-юдо на экране телевизора, расширяющем дополнительно. Бедные дети! Наверное, первые годы после легализации ледяных многие ребятишки не спали по ночам после очередного выступления основателя рода Ледлеев, сопровождаемого обязательными субтитрами. Еще бы! Понять слова Морроха удастся далеко не всякому полицейскому чтецу по губам, не говоря уже о простых смертных. Он мычит, что-то нечленораздельно лепечет визгливым голосом, жестикулирует, но смысл ускользает.

Одно время пробовал выступать на языке глухонемых. Но спустя несколько месяцев перестал. Есть же подстрочник! Зачем трудиться самому, если можно запрячь других. Морр в своем репертуаре.

Не сомневаюсь — ученые слюнями исходят, ногти до мяса сгрызают, завидев вампира-неандертальца по телевизору или вживую. Что их останавливает от исследования любопытнейшего антропологического экземпляра Земли? Способности древнейшего ледяного. Легенд о них ходит немало. Дескать, Мистер Вселенная способен испаряться и просачиваться в замочную скважину по примеру знаменитого графа Дракулы. Якобы ему под силу завладеть разумом толпы, сотворив армию солдат, выполняющих команды под стать роботам. Как бы то ни было, объединенные человеческие власти категорически запретили даже спрашивать главу клана Ледлеев о неандертальцах и прежних временах. Не то, что подсказывать со всяческой аппаратурой — измерять, просвечивать, брать анализы. Вот и терпят бедные антропологи. Живое древнее чудо перед глазами, а изучить нельзя. Хотя если задуматься — лучше объекта исследований не придумать! Хочешь — вскрывай, хочешь — сверли, хочешь — отрезай кусочки. Восстановится быстрее, чем полные результаты получишь.

Спутник Морроха контрастировал с ним также, как викинг с шимпанзе.

Но самое поразительное — никогда прежде не видела этого Ледлея! Уж казалось бы, все члены семейки Монстров изрядно засветились на телеэкранах, политических дебатах и открытиях всевозможных значимых городских объектов. То один, то другой родственничек Морроха с плотоядной улыбкой разрезал красные ленты на презентациях новых торговых центров, ресторанов, ночных клубов. Крупнейших и шикарнейших, естественно.

Где же скрывался этот? А главное, зачем? С такой внешностью, многие, специально позируют камерам!

Породистый, с копной темно-каштановых, почти черных волос и серо-голубыми глазами он был удивительно красив. Точенное широкоскулое лицо, мускулистое тело. До

Альвиллевских двух метров не дорос, но, полагаю, сто девяносто сантиметров в этом Ледлее уж точно есть. У меня глаз наметанный, столько лет в полиции! Оценивать «линейные размеры» встречающих существ — первое, чему учишься, разыскивая беглых преступников по сводкам.

Кивками вампиры предложили следовать за ними. Ничего не оставалось, кроме как послушно выйти из машины и отправиться за провожатыми. Ступив на ярко освещенную территорию возле «пернатого дворца», наконец, полностью разглядела костюмы ледяных. Тунику Морроха дополняли хлопковые шаровары сизо-стального оттенка. Его уплощенные босые ступни на удивление гибко перекачивались по каменной дороге. Вампиры почти не мерзнут, да и ночь выдалась теплой. К тому же, более чем уверена — родоначальник семьи Ледлеев ненавидел «одежду для стоп», не меньше, чем каны. Неандертальцы обувь не носили, и вблизи бросалось в глаза насколько пальцы на ногах Морроха далеко друг от друга. Такому нужны квадратные кроссовки. Спутник главы клана нарядился чуть более официально — в толстовку-рубашку со шнуровкой на воротах и черные классические джинсы. Любят ледяные эти брюки. Уж не знаю почему. В плане обуви незнакомый немертвый ударился в другую крайность, нежели старший родственник. На ногах спутника главы клана красовались тяжелые ботинки на толстой подошве, с металлическими вставками. Думаю, смертный в таких едва ноги бы волочил.

Все так же молча мы вошли в замок. Первая зала простором не уступала версальским — только балы и проводить. Собрать под тысячу пар и забабацать какой-нибудь древний рыцарский танец, с множеством фигур. Внутри здание было отделано деревом, первая зала — дымчатым. Контраст получался очень резким — снаружи холодный камень и металл, внутри живое тепло.

На переход в соседние апартаменты быстрой человеческой походкой — ледяные щадили нас, слабаков — ушло минут десять. Миновав титановые двери толщиной с ладонь, без малейшего усилия распахнутые потомком Морроха, мы очутились в столь же гигантском помещении, что и предыдущее, только выполненном в золотистых тонах. Тем же макарон, наша маленькая делегация в полной тишине, разряжаемой только гулкой поступью вербера, миновала еще пять покоев. Язык не поворачивается назвать их комнатами — эхо там можно часами слушать.

Едва переступив порог очередной залы, спутник неандертальца закрыл массивные окованные железом двери. Лязгнул засов. Любит нежить все эти древние штуковины. Да, цифровой, да, с суперкодом и еще черте какими гентскими примочками засов, тем не менее, огромный, увесистый и шумный.

Древнейший вампир планеты неспешно заправил прядь за ухо толстыми пальцами-обрубками.

— Ситуация непростая, — Моррох медленно чеканил слова, но я понимала его все равно лишь по губам. — Альпин расскажет.

Официально признанная зараза планеты широким жестом указал на спутника и тот подал голос.

— Альпин, — кивнул сначала мне и затем Этьену, сверкнув глазами, при более приглушенном освещении поменявшими цвет на голубой. Надо же какой официоз! Будто представления старшего родственника не достаточно.

— Ната, — передразнила ледяного. Улыбка мелькнула на лице немертвого, но он быстро посерьезнел.

— А я — Этьен, напарник этой язвы, — презентовал себя медведь.

— Положение слишком опасное, чтобы шутить, — выдавил Альпин. Голос брита, судя по имени, низкий, но бархатистый, ласкал слух. — Двумя часами ранее мы нашли на заднем дворе замка разодранное тело... Праллара... А через час с нами связался Неллех, заявив, что пойдет войной если не получит голову ледяного, убившего племянника.

— Так оторвите душегубу голову и отдайте Неллеху! — задание нравилось мне все меньше и меньше.

Ледлеи решили по какой-то причине избавиться от племянника короля одного из гентских племен. Естественно, высокомерные чудики не оставили подобное без внимания и потребовали сатисфакции. Верховодящий клан ледяных, почуяв запах жареного вампира, использовал влияние на человеческие власти. Как обычно, решено замять дело, подставив кого-то левого. Ясно одно — если генты пойдут на нас войной, туши свет. Клыкастые-то выживут... А люди? У древней расы магических фокусов столько, что никакое сверхтехнологичное оружие не спасет.

Альпин среагировал мгновенно:

— Вижу, и вы нам не верите. Так же отнесся и Неллех! К сожалению, — в голосе вампира зазвенел металл, — это правда. Если бы кто-то из клана убил Праллара, отдал бы его на растерзание или сам оторвал идиоту голову! Но знаю точно — не мы покончили с принцем! И хочу найти мразь, подставившую клан, а затем... — ледяной осекся, заметив мою реакцию. Этьен укоризненно покачал головой, и отрезал:

— Затем, если мы сотрудничаем, убийца ответит перед судом!

— Идет, — Альпин будто заключал сделку. — Но помогите разобраться! И как можно быстрее! Иначе война!

Я по-прежнему не верила Ледлеям. С чего бы им выдавать своего, почему не свалить вину на кого-то еще?

— Послушайте! — обратился лично ко мне Альпин. — Давайте так! Если расследование покажет, что виновен кто-то из наших, клянусь своей кровью, отдам его под суд, предварительно лишив сил. Но до тех пор вы обязуетесь смотреть на дело беспристрастно, идти за фактами и уликами туда, куда приведут.

Вампир замолчал. Моррох неподвижно застыл за его спиной, тоже не говоря ни слова. Ушло несколько секунд на то, чтобы осознать — ледяные ждут именно моего ответа, как еще недавно я сама рассчитывала на реплику загадочной спутницы Беарна и Ала. С чего такая честь?

— Да потому, что вы нас подозреваете! — выпалил Альпин на мой немой вопрос. — Он, — ледяной кивнул в сторону Этьена. — Еще не определился, а вы уже решили, будто именно клан виновен в преступлении!

— Хорошо! — выдавила я из пересохшего горла. Будто у нас есть выбор! При любом раскладе, начальство заставит. Лучше согласиться добровольно. Я знала наверняка — Ледлеи не телепаты. Проницательность собеседника можно объяснить только феноменальным умением читать по лицам. Впрочем, за столетия и не такие фокусы освоишь, если тратить время с умом, а не только на секс, убийства и прочие мерзости и глупости...

Так-так! Получается, я самолично признала, что Альпин не простой ледяной? Не иначе, сказалась усталость...

— Тело отправлено судебным медикам, а землю, где его нашли, никто не трогал, ждали

вас, — продолжил сыночек Морроха.

— Ну и почему мы не пошли к месту происшествия сразу? — я больше не скрывала раздражения. Мало того, что вызвали чуть ли не по пути домой, еще таскают туда-сюда зазря! Нет бы, сразу показать место происшествия, и разбежаться по углам!

Что хотят, то и воротят, вампирюги проклятые! Труп отослали самостоятельно! Конечно! Зачем дожидаться нас, убогих, ничего не значащих в играх властимущих служителей порядка?

С этими сверх-шишками вечно так! О нормальной полицейской работе с опросом очевидцев, обсуждением выводов экспертов о мертвеце, не сходя с места, да много о чем другом, можно и не вспоминать. Не ровен час, окончательно забудешь, как ведется расследование!

Так и дрыгаешься марионеткой в руках заразы всех времен и народов и его семейки маньяков и убийц.

К чему эти прогулки по замку? Пыль в глаза? Видала залы и побольше, и покрасивей! Да и настроения любоваться масштабами и величием сооружения никакого. Скорее уж разнести тут все к чертям!

— Хороший вопрос! Нравится, как вы рассуждаете, — Альпин слабо улыбнулся, вторгаясь в мои мысли. — Надо уладить все именно здесь, в звуконепроницаемом помещении. Генты должны убедиться — человеческие власти полностью нам доверяют и искренне стремятся помочь в расследовании.

Крепко же Ледлеям прищемили хвост, если им так важно заручиться поддержкой смертных политиканов! От души позлорадствовала бы, если бы это не означало гораздо большую угрозу людям, вмешавшимся в распри могучих племен.

12

(Огни)

Первый этаж ресторана был стилизован под пещеру. Потолок оскалился сталактитами, ассиметричные сталагмиты заменяли ножки столиков и стульев, драпированных настоящими звериными шкурами. Пятнистые рыжеватые рысьи, пушистые длинноворсовые кроличьи, щетинистые кабаньи и несколько незнакомых с головами и лапами они напоминали сплюснутых животных. Хотелось бы разглядеть побольше, но провожатый направился к широкой лестнице, отделанной темно-сизым деревом. Через два пролета справа показался зал второго этажа, оформленный под лес.

С потолка свисали ветки деревьев, а сиденья и столешницы крепились на искусственных пнях. Обивка стульев была в тон малахитовых скатерок.

Еще два пролета, и наша цель. Третий этаж выделялся, прежде всего, яркой иллюминацией. После сумрачных первого и второго, свет буквально ударил в глаза, на минуту заставив наблюдать пляшущие желтые точки.

Интерьер гигантского зала, — в своем мире ресторанных павильонов таких размеров ни разу не встречала, — напоминал луг. Длинный ворс лаймовых ковров щекотал икры. Ножки столиков и стульев выглядели как переплетенные выюны. Растения создавались очень детально — шелковые листочки и цветы издавна от настоящих не отличишь. Тщательный декоратор не забыл про гусениц, бабочек, полураскрытые бутоны, сломанные стебли.

Мы пересекли квадратный зал по диагонали. Так и подмывало получше изучить публику

— верберов и волков, тем более, последних вблизи еще не видела. Однако, совсем недавно естественное любопытство существа из другой реальности стоило мне допроса Наты. Отвлечения ради переключилась на походку спутников.

Хастер шагал твердо, пружинисто, хотя немного грузно. Более массивный Беарн шел гораздо легче, чуть более свободно, размашисто. Постоянно оглядывавшийся на меня Ал, двигался еще легче, почти бесшумно, будто вообще ничего не весил. Хотя в громиле-ледяном килограмм 120, не меньше. Наконец, Стеллер. То равнялся со мной, то слегка обгонял отработанной походкой, напоминающей шаги танцора. В каждом жесте гента сквозило изящество, грация. Но не могучего животного или ловкого охотника, как в случае с верберами и ледяным, а эстета, привыкшего к отточенности любого действия.

В первый момент боялась, что ресторанный публика отнесется ко мне также как и полицейские. Однако ни один из присутствующих даже и бровью не повел. Обратные либо удивительно тактичны, либо абсолютно не любопытны.

Уж не знаю, что ближе. Меня устраивало невнимание. Хотя, уверена, странный запах чужаки и внешность отметили все как один.

Обогнув эллипсоидную сцену, ощутимо диссонирующую с симметричным помещением, Хастер приподнял тяжелые занавески, которых на каждой стене было по шесть пар. Сперва думала, украшения, но внутри обнаружилась просторная и уютная кабинка. В центре возвышался квадратный стол, с зеленой скатертью. Его огибал мягкий полукруглый диван из лавандовой кожи.

— Располагайтесь, — Хастер сделал широкий жест.

— Дамы вперед, — подмигнул Ал.

Осторожно опустившись на сиденье, утонула в нем. Ал очутился рядом — слишком близко для малознакомого ледяного, но чересчур далеко для жениха. Беарн кивнул Хастеру и разместился напротив, гент уселся между нами, лицом к занавеске.

Дождавшись, когда все займут желанные места, провожатый-вербер слегка поклонился:
— Сейчас принесу меню.

...

Поначалу все было даже весело. Спутники заказали еды и на меня тоже. Сама попросила Ала — сориентироваться в блюдах чужой кухни не особенно получалось. Ингредиенты яств казались неплохими. Мясо, злаки, сыры, овощи... Но названия и сочетания ни о чем не говорили.

Испытала огромное облегчение, обнаружив, что «травяной напиток» — банальный чай из ромашки и мяты... Фуф... хоть попить есть что.

Ал заказал КРОП — клонированную кровь с подогревом. Беарн какую-то огромную тушку, зажаренную на вертеле. Стеллер — странное розово-желтое овощное кушанье.

Для меня Ал выбрал нечто вроде овощного же рагу и тушеное мясо. На вкус ничего.

За едой спутники расслабились. Беарн шутил насчет клыков друга-ледяного, тот отвечал по поводу кое-чьей волосатости. Дескать, зачем она медведям, у нас в стране и зимы-то нет. Стеллер время от времени бросал язвительные реплики касательно топорности иронии собеседников.

В ходе разговора выяснилось — Ал планирует поселить меня в своей части особняка клана. Коттедж семьи ледяных состоял как бы из разных домов, слитых воедино. Гент не преминул вставить слово ценителя по поводу безвкусицы сего творения. Мол, особняк похож на жука, скрещенного с носорогом, колокольчиком, рыбой, водорослями и еще несколькими

представителями флоры и фауны. Короче говоря, никакого архитектурного совершенства и законченности. Ал наградил гента снисходительно-брезгливым взглядом, Беарн расхохотался.

Новоиспеченный жених пообещал выделить мне гостевые апартаменты со спальней, уборной и даже мини-кухней. Далеко не все вампиры этого мира хорошо переносят запах смертной еды. Некоторых едва ли не выворачивает. В семье Ала таких нет, но в особняк частенько заглядывают другие немертвые ...

Кроме того, удобно, когда гости иных рас едят и пьют не на глазах у ледяных. Почему-то отдельных немертвых это смущало.

— Ну да! — откомментировал Беарн. — Ты жуешь, ощущая себя откармливаемой добычей хозяев, глядящих весьма недвусмысленно...

Ал умудрился достать вербера, и ткнуть в ребра ладонью, хотя друзей разделяли добрых метра полтора.

— Не слушай, — произнес серьезно.

Эх-х-х! Можно подумать, у меня есть варианты.

— Ты пугаешь ее, — возмутился псевдожених.

— Да ладно тебе! — Беарн улыбнулся во все четыре исполинских клыка. — Девочка, по-моему, нормально понимает юмор!

— Я нормально себя чувствую! — поспешила завершить спор.

— Да было бы, о чем беспокоиться, — фыркнул Стеллер, но реплика осталась без ответа.

Перекусив и расслабившись, решила позволить судьбе дальше вести меня.

В конце концов, пока все складывалось не так плохо. Увы, попаду не к тем ледяным, которые нужны. Но, уверена, древнейших знают все вампирские семьи. Ради них и рванула в чужой мир, толком не подготовившись к тому, что ждет. Старейший немертвый в известной Вселенной, урожденный нишати, как и я.... Только ему под силу помочь. Ни одно другое существо в любом из мириады пространств не способно на это.

Но как убедить согласиться? Вампира, пережившего десятки веков, равнодушного к моему горю? Об этом пока не хотелось думать. Идеи катастрофически не шли на ум.

Плюнула бы на гордость, бросилась в ноги! Когда внутри болит до темноты в глазах, сердце заходится от тоски, не до самоуважения! Но поможет ли? Не сочтут ли жалкой, презренной? Не выгонят ли взащей?

Предложила бы ответную услугу. Что могу? Так, навскидку...

Чтение ауры нежити вряд ли полезно. Но ведь энергооболочка, как и внешность, как и манеры, создает впечатление. Могу сделать его приятней для окружающих, завораживающим даже, притягивающим.

Дар исцеления вампирам вообще ни к селу, ни к городу. Они не болеют.

Управление техникой? Отключить, улучшить работу, поменять режим... Тут еще есть шансы. Наверняка ледяные не чураются благ цивилизации. Было бы глупо дожить до эры высоких технологий, возглавить список богатейших обитателей мира и не заполучить все самое-самое. Смещение магнитных полюсов планеты, расположения магнитных аномалий? Не думаю, что немертвым это интересно. Такие вещи могут спровоцировать климатический коллапс. Конечно, вампирам холод или палящая жара не так вредны, как живым... Но и им не слишком комфортно при резких перепадах температуры, на арктическом морозе или в палящей пустыне.

Думай, Огни, думай!

Привлечь фортуна Марио?

Скорее всего, не сработает. Теперь удача будет приходить или игнорировать без спроса.

Нет, торопиться не стоит — наломаю дров и лишусь единственного шанса. Тут лучше выждать, собрать побольше информации, какую можно выудить из ауруа только внутри мира. Если повезет, новые знакомцы что-то подкинут... Благо появилась возможность отсидеться в гостях у семьи Ала...

Из тягостных дум вывел рык Беарна.

Вербер почти закончил трапезу, превратив жареную зверушку в грудку костей, и выхлебал два огромных бокала какой-то древесной настойки. Побоялась ее заказать, хотя Ал предлагал. Даже Стеллер нахваливал. Лучше поначалу употреблять более-менее знакомые напитки. Мало ли! Не хватало еще желудочных проблем! В чужом-то мире!

— Где она? Почему не придет? — медведь так заорал в сотовый, что я машинально вздрогнула. Ал погладил по плечу холодной рукой. Успокаивающий жест, но слишком интимный... Даже сквозь ткань блузы ощущала прохладную ладонь, скользнувшую по телу.

Мобильники в этом мире очень похожи на наши. У вербера же, думается, модель специально для его расы — сантиметров двадцать в диаметре. В гигантской ладони медведя внушительный телефон едва угадывался.

Беарн больше не рычал, лишь внимательно слушал, мохнатые брови соединились на переносице в одну сплошную кустистую линию.

— Благодарю, Тетис. — произнес медленно, через силу. — Я не забуду этого, — нажал кнопку сброса и сунул телефон в карман джинсов.

— Я должен ее найти! — срывающимся голосом бросил Алу.

Тот кивнул так, словно четко понимал, о чем речь.

— Иди! Стеллера закину в офис дяди и буду ждать у себя.

Я вопросительно посмотрела на ледяного. С минуту он молчал, но после кивка медведя, будто разрешавшего говорить, пояснил:

— Одна наша знакомая, очень хорошая знакомая, видимо, сильно пострадала. Буду ждать дома и помогу с лечением.

— Я тоже! — вырвалось у меня.

В тот момент о конспирации и не думала. Ауру Беарна вопил — с кем-то очень дорогим ему случилось страшное. Кому как не мне знать, что это такое! Осторожность спасовала перед эмоциями. Не смогла помочь тому, кого любила больше всего на свете. Может, получится выручить близкое верберу существо?

Как ни крути, разве не медведь с другом спасли меня? Что стало бы с неловкой гостьей из чужого мира в плену у канов?

— Поможешь? — Беарн внимательно посмотрел в глаза, задержавшись у портьер.

— У меня есть дар исцелять... — выдохнула, понимая, что выдаю себя с головой. — Умоляю! Никому не говорите!

— Не вопрос! — кивнул Ал. — А если кто-то скажет хоть слово... — сверкнул глазами в сторону Стеллера.

Гент презрительно ухмыльнулся и очередной раз фыркнул: — Была нужда! Мы и сами в этом преуспели!

— Не волнуйся, твоя тайна останется между нами, — заверил вербер и скрылся.

Ал позвал официанта, поспешно расплатился за всех и мы стремительно покинули

Несостоявшийся отдых

(Огни)

Над городом зависли сумерки неродного сливово-фиолетового оттенка. На улицах зажглись голубовато-серые фонари, витрины и вывески приветливо замигали пестрыми огнями.

От феерии света темно-коричневая плитка под ногами замерцала. Люминесцирующий материал! Здорово!

Ал шустро поймал такси — большой навороченный джип с шашками наверху на которых красовались чуть загнутые саблевидные клыки. Уже хотела удивиться. Неужто ледяной намерен посвящать водителя в свои передвижения? Тем более таксист определенно человек. Я еще толком не разобралась, но изредка в аурах местных людей попадались странные примеси энергии, совершенно не присущей этой расе... У шофера не было и такого.

Ал попросил нас со Стеллером подождать возле авто. Вернее, меня попросил, а от вопроса гента «зачем», отмахнулся. Заметно торопясь, ледяной плюнул на манеры, и обращался с неуважаемым свехом соответственно.

Псевдожених сел рядом с шофером и несколько минут они беседовали. Ал достал из кармана джинсов черный кожаный бумажник, и в руки таксиста перекочевала увесистая пачка купюр. Он выскочил из авто, и, не оборачиваясь засеменял прочь... затерявшись в ночи...

Вампир с легкостью перебрался на соседнее кресло, открыв мне дверцу:

— Садись, Огни, — произнес мягко. — И ты поторапливайся! — раздраженно бросил в сторону Стеллера.

Я заняла место рядом с Алом, а гент развалился на заднем сидении, усиленно делая вид, что это предел его мечтаний. Ледяной газанул, и машина помчалась по улице. Выскочив на уже знакомую мостовую, новоявленный суженный прибавил скорости. Никогда прежде не ездил так быстро! Дома, пешеходы, машины — все смешивалось в цветную полосу. Хорошо, у меня вестибулярный аппарат не барахлит — так и дурноту почувствовать недолго.

Несколько минут мы неслись прямо, лихо свернули за угол — даже не поняла, как машину не занесло — и остановились. Тормоза взревели, колеса подняли в воздух хлопья пыли, почти незаметной на черной плитке.

Перед нами возвышалось здание — настоящий памятник хай-тек стилю. Как ни удивительно, постройка отличалась своеобразным изяществом и даже изысканностью. Тонкие, сложные металлические узоры напоминали кружева. Пластик благородного вишневого цвета местами отливал сливовым, напоминая полудрагоценный минерал. Рамы окружали завитки из этого материала, под стать паутинкам.

— Давай уже! — подтолкнул Ал Стеллера. Гент нехотя выбрался наружу, возмущенно бурча себе под нос что-то нечленораздельное.

Ледяной снова газанул.

Машина удивительнейшим образом резко срывалась с места и почти также быстро

останавливалась. Здешние технологии заметно превосходили используемые у меня на Родине. Или генты приложили магическую руку?

От мельтешения за окнами рябило в глазах, поэтому откинулась на спинку и отдыхала. Хотя удалось прикорнуть в грузовике Беарна, новые потрясения, вкупе с адаптацией к чужой планете сказывались на самочувствии. Усталость пришла быстрее обычного. Вроде ничего особенного не делала, но непокорные веки упрямо слипались.

Тем более, по прибытию в особняк Ала, скорее всего, придется лечить друга Беарна. Покой мне сегодня приснится не скоро! Задремав на сидении, открыла глаза лишь, когда прохладная ладонь новоявленного суженного мягко коснулась лба. Дотрагивался легко, невесомо, абсолютно невинно. Тем не менее, постоянно казалось, будто вампир непозволительно врывается в мое личное пространство.

Ауру ледяного, резкий и неприятный при контакте, заставлял ощущать чужеродное вторжение даже тогда, когда спутник действовал более чем деликатно. Не знаю, смогу ли что-то с этим поделать...

Открыв глаза, уперлась взглядом в ... затрудняюсь точно назвать это строение. Дом? Нет. Особняк? Нет. Нечто... для жилья.

Действительно, постройка состояла из нескольких «фрагментов», соединенных общим центром и с отдельными входами. С моей стороны обзора виднелись четыре куса мозаики. Тот, возле которого остановилось авто, напоминал бревенчатый сруб. Хотя по чердаку с покатою крышей становилось ясно — коттедж лишь отделан деревом — внутри кирпичная кладка.

Слева громоздился каменный замок, черный, сверкающий в свете голубых фонарей, вырывающих его из сумерек. Еще левее притулился второй кирпичный участок, но выполненный в стиле богатых особняков-новоделов. С резными ставнями, цветными узорами на стене, по крайней мере, на той, что открывалась моему взору.

Справа высился шедевр в стиле Барокко — из светлого мрамора, кажется. Украшенный барельефами, фигурками на балконах, — все, как и полагается. Позади одной из остальных пристроек, красовалась стройная готическая башня, с округлым куполом, увенчанным странным знаком, напоминающим полумесяц, утолщавшийся на нижнем конце.

Отдельные части жилища имели только одно общее свойство — трехэтажность.

Пока я, чуть ли не разинув рот, пялилась на здание-химеру, Ал вышел из авто и открыл дверцу, подав руку. Снова прикосновение, обдающее холодом.

Ледяной извлек из кармана джинсов ключ и открыл дверь, тотчас включив свет.

Мы очутились в квадратном холле с тремя лестницами по разные стороны.

Внутри эта часть дома не выглядела также просто как снаружи. Все, что видела, было отделано бежевым деревом. На верхних этажах, судя по тому, что удавалось разглядеть через внутренние балконы, коридоры ветвились. Дав мне несколько минут освоиться, Ал указал на лестницу справа:

— Гостевые покои там, пошли, — легонько подтолкнул в спину, очередной уже раз вызвав внутреннее отторжение. Пока острота реакции на близость ауры ледяного никак не уменьшалась. По телу будто ток пробегал... К горлу подступала тошнота. Живот прилипал к спине... Появлялось то самое недоверие, бурлящее в душе, не взирая на попытки вампира проявить любезность и даже заботу.

Стараясь поскорее уйти от прикосновений, заспешила вверх. Ледяной перегнал, остановив на втором этаже приглашающим вправо жестом. Мы зашли в длинный коридор,

ярко освещенный плафонами у потолка. Так и не разобрала их форму. То ли пирамиды, то ли приплюснутый конус... Яркие лампочки ослепляли, не давая оценить точнее.

Коридор раздвоился, и ледяной кивнул влево... Еще коридор. Я едва не врезалась в спутника, сначала стремительно двигавшегося и вдруг застывшего как вкопанный напротив четвертой двери слева. Вампир улыбнулся:

— Заходи, — и толкнул дверь едва уловимым движением руки.

Внутри уже горел ненавязчивый розоватый свет.

Апартаменты напоминали миниатюру дома. Из первой просторной квадратной комнаты три двери вели в уборную, кухню и спальню. Скрывавшая ванную — из толстого полупрозрачного пластика с поверхностью, напоминающей текущие ручейки. На кухонной красовалась табличка с чайником и тарелкой. Такое ненавязчивое указание — для особо одаренных. Деревянная дверь в спальню выглядела намного основательней, тяжелее остальных.

Широким шагом Ал вмиг очутился возле нее и распахнул.

Я увидела простую кровать, пятиспальную, никак не меньше, но безо всяких изысков. Деревянный каркас, матрас, небольшая подушка, совершенно потерявшаяся из-за размеров постели, одеяло в белом пододеяльнике, подвернутое над темно-коричневым покрывалом с крупным геометрическим рисунком.

Окна драпировались тяжелыми занавесками из грубой ткани, наподобие гобеленной. Мебели было ровно столько, сколько необходимо. Пара стульев и маленький журнальный столик из все того же бежевого дерева, узкий гардероб-солдатик и миниатюрная прикроватная тумбочка.

Только сейчас вспомнила, что осталась без сменной одежды...

Стоило взглянуть в сторону платяного шкафа, Ал улыбнулся:

— Завтра все купим. Пока там есть пара спортивных костюмов...

Кивнула, намереваясь закончить диалог и понежиться в ванной. Что-то подсказывало — она тоже немаленькая. Но снизу раздался грохот распахиваемой двери, гулкий звук удара ручки о стену, хрипы и стоны, заставившие сердце жалобно заныть.

Ледяной исчез — вампирская скорость в действии, я не уловила ни единого движения — вот он стоит рядом и вот его уже нет. Глубоко вздохнула, чувствуя как к горлу подкатывает комок, и побрела назад, в холл.

14

Раненая

(Огни)

Когда настраиваешься на информационное поле новой земли, приходит и то, что хочешь знать и то, что нет.

Стоило войти в холл и увидеть Беарна с окровавленной девушкой на руках, события, которые предпочла бы никогда не увидеть, влились в мозг.

Пара секунд — и произошедшее со Стеллой привело в состояние полного шока. Боже! Где я очутилась? Смогу ли выдержать существование в этом кошмарном мире? Как другие тут вообще живут? Как у них еще остаются силы улыбаться, смеяться, надеяться, любить? Господи! Да это ад на земле!

Впрочем, нет такого ада, куда не пошла бы ради мамы.

...

Деревня, очень напоминающая поселения индейцев, описанные в энциклопедиях, раскинулась на гигантской территории. Расстояния между домами поражало. Палисадники, окружавший каждый из них тоже! Впрочем, там мало что росло. В основном, трава и дикие кустарники с ядовитыми ягодами. Однако, при желании умелый садовод развел бы здесь райские кущи.

Канам такое без надобности. Овощи и фрукты они ели мало и могли купить отличные продукты на ничейной территории.

Первые сумерки окрасили округлые дома в розоватые разводы.

Возле гигантского коттеджа, с колоннами и статуями громадных кошек, выше человеческого роста собралась толпа канов. Только мужчины. Одеты в легкие холщевые брюки, полупрозрачные в лучах светильников, гирлянды которых сетями опутали небо над поселением. Столбы, поддерживающие нити с несметным количеством ярчайших рыжих лампочек, навскидку имели высоту десяти канов не меньше. А людоеды — успела в этом убедиться в Аннарисе — почти всегда выше двух метров.

Толпа молчала, с каким-то суеверным трепетом взирая на кана, стоящего среди колонн, будто на постаменте, в окружении каменных кошек.

Вот он — великан в прямом смысле слова. Боюсь, даже Беарн не выглядел бы рядом большим. Разве что немного более грузным.

Черные глаза исполина обжигали. Крупные, резкие черты лица точно высечены из камня. Длинные черные пряди ложились на могучие плечи.

Он вызывал... ужас. Правда. Даже образ вождя канов в голове порождал животный страх, заставляющий съежиться и трястись.

Чего они ждут?

Лучше бы себя и не спрашивала...

Жилистый людоед в серых брюках за волосы притащил Стеллу толкнул, заставив опуститься на колени. Мускулистая и очень высокая, она казалась миловидной и весьма приятной внешне.

Сердце екнуло, в груди потяжелело от недоброго предчувствия.

Пухлые губы провинившейся вздрагивали, миндалевидные глаза смотрели в землю. Немного крупноватые для женщины руки инстинктивно сжались в кулаки.

— Я знаю, куда ты собиралась! Ради кого предала свой народ! — голос вождя канов звучал, словно из глубокого ущелья. Раскатисто, гулко, но, что поразительно, довольно мелодично. В нем слышалась удивительная, дикая музыка.

Людоедка молчала. Опустила голову, склонив чуть вбок, поджала сильные длинные ноги, как говорят, растущие от ушей. Поза подчинения, считала я информацию.

— Тебе есть, что сказать в свое оправдание? — уточнил альфа.

Стелла покачала головой.

— Тогда знаешь участь предателей.

Она не шелохнулась. Зато оживилась, загудела толпа вокруг.

Двое стоявших поблизости канов, схватили приговоренную — за ноги и за плечи.

Я все еще не хотела верить... Но... В первобытном мире канов нет места гуманности, уважения к женщине, сочувствию... Здесь правят звериные обычаи, узаконенные древними предками.

Не хотела бы это знать! Но... пришло.

Закрылась бы от информации! Увы! Соединиться с полем планеты можно лишь раз. Отключившись, утрачиваешь связь навсегда...

Я не могу упустить этот шанс... Не могу потерять этот козырь. Боже, дай сил вынести предстоящее!

Людоедке и мне... Нам обеим...

Державший провинившуюся за ноги одной рукой, другой распустил веревку, удерживающую его штаны, и те вмиг сползли к щиколоткам. По одному виду его возбужденного тела было ясно, что грядет. Но все равно, зрелище ужасало. Коленом раздвинув ноги Стеллы, кан содрал с нее кожаные брюки, разорвал трусики и ...

Его тело ударялось о пах несчастной с такой силой, что она вздрагивала и стонала. Казалось, оборотень вгонял в наказанную кол... Она тряслась, будто от лихорадки, издавала хриплые звуки, крепко зажмурившись и закусив губы.

Людоед двигался все быстрее... сильнее... При каждом толчке, осужденная билась головой о тело кана, державшего ее за плечи. Оборотень рычал и продолжал, пока несчастная старалась изо всех сил удержать крики боли. Наконец, он остановился. Слизкая жидкость окропила траву...

Я думала, истязание завершено.

Однако кан, придерживающий Стеллу во время экзекуции, бросил ее на землю. Даже не успела увидеть, когда он умудрился раздеться, но через минуту, уже брал осужденную сзади. Жестко, сжав бедра несчастной так, что они побелели. Вокруг пальцев насильника по ягодицам виновной расползались розово-сиреневые полосы. Стелла мычала, ломала ногти, впиваясь ими в рыхлую землю. Острая трава в кровь резала ей руки. Закончив, людоед тут же уступил место следующему.

Теперь дошло.

Круги перед глазами и пустота в голове сменились барабанным боем сердца в висках. Холод острыми колючками вонзался в тело, скрючивая мышцы судорогой. Слезы нескончаемым потоком полились из глаз.

Осужденную насиловали один за другим все присутствующие людоеды. Раз за разом. Вскоре только от прикосновения возбужденной плоти она кричала так, что птицы на опушке леса, окружавшего поселок, поспешно улетали в воспаленное закатное небо. Через три часа надругательства, наказанная уже даже не орала, — рычала, рыдала, но... не молила о пощаде.

Извращенцы, закончив свое дело, вынимали орудие пытки, обильно обагренное кровью, и брезгливо стряхивали ее на траву.

Еще час — и людоедка перестала кричать. Тело ее обмякло, из глотки вырывались лишь сиплые всхлипывания. Разодранные зубами губы плотно сжались. По щекам градом катились прозрачные капли.

С каждым новым актом возмездия, кровь все сильнее окропляла землю.... Вскоре уже струилась, текла. Руки и ноги Стеллы приобрели белесый оттенок, такой заметный при ярком свете лампочек. По ним, будто краски по мокрой акварельной бумаге расползались черные, бордовые и синие разводы.

Издевательство продолжалось и продолжалось...

Дышать становилось трудно.

Казалось, воздух крупными камушками застревает в легких. Холодный пот градинами

струится под одеждой. Сердце бухает в груди... Бам-бам-бам! Испарина на лбу уже не задерживается бровями, стекает вниз мерзкими ручейками.

Руки и ноги не согреваются даже активными движениями. Не хочу больше ничего знать! Не хочууу!

Информационное поле неумолимо.

Насильники продолжают терзать кровоточащее обмякшее тело людоедки. Хрипы стихают в ночной мгле... С изодранных в кровь ладоней Стеллы кожа сходит лоскутами.

Наконец, последний экзекутор останавливается, штанами стирает кровь с орудия пытки, и взгляды толпы устремляются на вождя.

До сего момента тот почти неподвижно стоял, опершись о статую. На лице отражалась смертельная скука.

Древние инстинкты снова берут надо мной верх. При виде этого человекозверя хочется кричать от ужаса и бежать, куда глаза глядят.

— Кончайте побыстрее! — говорит альфа. — Завтра повторим!

В голове не укладывается услышанное. Может, только кажется?

Но и это не все. Каны обступают осужденную и начинают пинать. Не слишком сильно, стараясь не убить, но в самые болезненные места. В живот, поясницу, по лицу. Бледные места на коже истязаемой покрываются цветными пятнами. Рваные раны и длинные ссадины покрывают тело, с которого еще свисают ошметки длинной синей футболки.

В какой-то момент, людоеды, точно по команде останавливаются — все как один. Двое берут девушку за руки и за ноги и тащат в пристройку дома вождя. Швыряют на каменный пол. Стелла проскальзывает по гладкому покрытию, оставляя бордово-алые полосы и замирает.

Мучители скрываются...

Проходит какое-то время, и в пристройке появляется еще один кан. Сердце ухает в пропасть. Неужели он недополучил своего? Однако, людоед, удивительно похожий на вождя, втаскивает в помещение брезентовые носилки. Бережно кладет на них искалеченную соплеменницу и на плечах выносит прочь.

Бежит. Бежит. Бежит. Бежит так, словно за ним гонятся черти из Ада. Запыхавшись, жадно хватая ртом воздух, останавливается возлелинии валунов в человеческий рост — на границе кварталов людоедов и ... верберов.

Перетаскивает ношу на чужую территорию и, выудив сотовый из кожаной сумки на поясе звонит...

Беарну...

Сопит в трубку, потом срывающимся голосом объясняет:

— Она еще жива! Но два дня истязаний, и Стеллу казнят! Срочно приходи на границу!

Шумно выдыхая, слушает ответ.

— Жду! Торопись!

Отключает телефон, грузно опускается на каменную глыбу и затихает, обхватив голову руками.

(Ната)

Измотанность давала о себе знать. Ноги заплетались, мысли путались, зевота кочевала от меня к Этьену... Даже вербера проняло! Черт! Когда же закончится проклятая смена?

— Устала? — Альпин склонился надо мной, участливо предлагая руку, чтобы легче было встать с четверенек. Еще этого и не хватало! Мерзкие вампирюги! Конечно! Вы не знаете что такое переутомление. У меня на спине будто тонна кирпичей разложена! Аккуратно так, равномерно.

Посмотрела в серые глаза Ледлея, он улыбнулся. Не то, чтобы дружелюбно, это скорее про Ала... или его братьев. Но позитивно, хотя и немного криво.

— Закончим и отвезу домой, — поставил перед фактом.

— Этьен подбросит! — отбилась я.

— Ему наверняка самому отдохнуть не терпится... Пускай едет к себе... Тебя я довезу, — вот гад! Аргументы что надо! Прямо даже придираться глупо! Вербер широко зевнул во всю клыкастую пасть и кивнул:

— Ната, может, и правда с Альпином поедешь?

Удар под дых... Напарник туда же. Мужики! Обменялись тестостероновыми и адреналиновыми ароматами и счастливы!

— Ладно, — отмахнулась, с огромным трудом поднимаясь на ноги, игнорируя руку помощи. Без клыкастых стремно!

Тело Праллара лежало на земле, под северной стеной замка. Следов оставило немало. Кровь, сукровица, осколки зубов, пуговицы из редчайшего перламутра...

Даже странно, что эксперты не забрали улики. Подобное только Ледлеям под силу. Моррох пропал еще в замке, не прощаясь, как водится у древней нежити, и место преступления мы с напарником изучали в обществе Альпина.

Не определилась — стоит ли доверять его суждениям, но ледяной заявил: мол, изучая «подкидыша» отметил странный запах, идущий не столько от останков, сколько от одежды. Характерный, животный... едва различимый. Альпин заявил, что так пахнут исключительно каны в зверином облике. Предпочитаю довериться науке. Вот исследуем одежду убитого и поглядим — есть ли там хоть капля веществ с шерсти и кожи людоедов.

От резкого вставания повело, голова закружилась, и я пошатнулась, суматошно ища опору. Ею, конечно же, оказался... Ледлей, услужливо придержавший за талию. Все-таки помог! Бросила на Альпина очень ясно читаемый взгляд. Особенно таким матерым специалистом по физиогномике.

Ледлей вторично криво ухмыльнулся:

— Видал я амазонок, не принимающих мужской помощи. Но что-то подсказывает, это не тот случай...

— Займемся делом... Осталось немного, — выдала и резюмировала наблюдения для Этьена, строчившего протокол.

Вербер нажимал на ручку так, что нижние 10 листов можно полить чернилами и получить дополнительные копии. Это еще что! Когда напарник стажировался, на эмоциях иногда писал, разрывая листы. Да, не лист, а листы! Сразу штук десять, а то и больше!

Сила есть... Впрочем, справедливости ради — Этьен достаточно умен.

Что мы увидели?

Судя по отсутствию вокруг тела следов ботинок или ног, его явно сбросили, возможно, из окна замка. Надо провести эксперимент. Куча посмертных переломов, некоторые кости

вдребезги, неестественная поза, если верить предварительному описанию медэкспертов, подтверждают — труп явно швыряли. Наши склоняются к версии — бросали издалика. Не стыкуется с падением из окна. Хотя... если шмякнуть с вампирской силой ...

Но зачем? Здесь уже не похоже на Ледлеев. Слишком аккуратны, умны, хладнокровны. Еще бы! Пытали, убивали, крошили людей в мелкую капусту столетиями. С трудом верится, якобы кто-то из этих бессердечных монстров на эмоциях вбивал покойника в землю. Без них же проще тупо перевалить труп через подоконник.

Мдя, не вяжется. Даже жаль. Не прочь бы уличить вампирюг во лжи. Ткнуть носом в грязные делишки... или в грязь на месте происшествия...

Эх-х-х. Не везет, так не везет.

Альпин хмыкнул. Собственно, я и не пыталась скрыть чувства...

Учитывая глубину земляного следа, тело пролежало возле замка недолго. Особенно, если брать во внимание силу удара. Ледяные утверждают — в момент обнаружения, Праллар был мертв часа полтора максимум. Не будем опираться на клыкастые лаборатории. Возьмем на заметку и проверим сами.

Напрашивался вывод — кто-то умудрился перекинуть труп через забор! Да... Такая силища есть не у всяких сверхов. Отпадают волки и рыжики. Генты тоже. Если только в деле не замешана магия... Нет, не может быть. Если бы Праллара убили свои и с помощью колдовства зашвырнули к Ледлеям, то опустили бы аккуратно. Здесь же явно действовал кто-то могучий, но без волшебных замашек.

Остаются: верберы, ледяные и каны. Подтвердится, что выделения на одежде убитого и впрямь людоедские — дело в шляпе. Но это лишь полпути. Нужны железные доказательства и улики. Главное — докопаться до личности душегуба! В противном случае, общественность решит, что мы продались Ледлеям с потрохами. За такой черный пиар правительство полицию сверхов по головке-то не погладит!

Приласкает наверняка. Но извращенно. Полетят шишки... Может, и нас зацепит.

Нужно отыскать преступника, за шкурку приволочь в тюрьму и еще добыть железные доказательства. Причем, в кратчайшее время, пока слухи не переросли во всенародную уверенность, якобы мы покрываем Ледлеев.

Сама бы так подумала!

Черт! Кесарю кесарево! Жертве стереотипов этими же стереотипами по башке! Вот так. Ната. Жизненный урок!

— Вижу, уже не так убеждены в нашей виновности? — хитро уточнил Альпин.

Вот же зараза! В каждой бочке затычка! Неймется мужику!

— Я еще ничего не решила! — отрезала, бросив на ухмыляющегося Ледлея быстрый взгляд.

Он промолчал. Но понял все. Будь ты проклят, физиогномист недобитый!

— Ладно, тут закончили, — не вышло произнести фразу бодрим тоном. Начала вроде бы ничего, но на последнем слове голос совсем охрип и стих.

— Поехали, — кому удавались оптимистичные нотки так проклятому вампирюге.

Понуро шагала за Альпиным в сторону южного крыла замка. Этьен радостно оскалившись помахал рукой и рванул в сторону нашего гигантомобиля.

Ладно, хоть смена закончилась...

Вокруг замка Ледлеев не было ни покрытия, ни гравия. Мы ступали по траве, мягким ковром стелившейся под ногами — богатенькие ледяные создали естественный палас.

Голубоватые фонари засияли ярче, стоило полночи добавить миру черных красок. Вокруг дворца было светло как днем.

Выпендриваются! Знаю наверняка — древняя семейка видит в непроглядной тьме лучше, чем я при отличном освещении. Но надо же покрасоваться!

— Угадали, — нарушил тишину навязчивый спутник. — Когда в замке нет посетителей, иллюминации нет.

— Не сомневаюсь, — буркнула под нос.

— Пришли, — изучая ровно подстриженный газон под ногами, не увидела двери в подземный гараж.

— Одну минуту, — осталась невдалеке от входа, прислонившись к стене и надеясь не заснуть. Глаза закрывались, ноги — ватные, голова гудела. Никакой гентский эликсир не поможет сутками бодрствовать и оставаться в тонусе. Даже Этьену.

Из гаража медленно выехала темно-изумрудная спортивная машина. Какая-то очередная иномарка последнего поколения. Не разбираюсь в этом и не хочу. По мне были бы колеса, удобные кресла и нормальный мотор.

— Прошу! — Альпин распахнул дверь с водительского места.

Игнорируя предложение сесть впереди, самолично отворила заднюю дверцу и плюхнулась на сиденье. Плевать. Я так устала, что даже если сочтут бегемотом, не расстроюсь.

Не говоря ни слова, Ледлей захлопнул дверцу, и мы поехали.

Титаническими усилиям борясь со сном, плюнула даже на любопытство, так и свербившее в мозгу. Ну вот откуда Альпин знает где живу? Думала древнейшее зло нашего мира спросит — куда путь держать. Ан нет! Ледяной уверенно рванул в правильном направлении. Вообще-то жутковато!

Адреса, пароли, явки сотрудников нашей полиции, сколько себя помню, держались в строжайшей тайне. Работа такая... Мало ли какой канище, либо тот же вампирюга захочет отомстить или еще чего? Надавить перед судом. Нас ведь тоже вызывают для дачи показаний.

Ледлеи же, похоже, владели и не такими тайнами. Неприятно. Противно. Мысли настолько взбудоражили, что даже сонливость отчасти слетела. Посмотрев на меня в зеркало заднего вида, Альпин поспешил успокоить. Зачем? Понятия не имею.

— Да не знаем мы все ваши секретные данные! — криво улыбнулся. — Про вас спросили. И вовсе не потому, о чем подумали.

— Вот даже интересно! — выпалила с вызовом, чуть подавшись вперед. Инстинктивно хотелось атаковать.

— А ты забавная, — комплимент ударил пощечиной. Когда тебя считают забавной, значит, уж совсем не принимают всерьез. Однако взяла себя в руки и дослушала монолог Альпина, улыбка которого становилась все более дружелюбной и все более раздражающей: — Начальство... Ваше начальство, беспокоилось за вашу безопасность... Мы предложили защищать.

— Представляю, как наши обрадовались! — перебила ледяного.

Ледлей рассмеялся, я тоже. Вот ведь! Он кажется милым! Вернее притворяется!

— В общем, нам с радостью дали адреса и телефоны. Теперь вы с напарником под охраной клана до конца расследования, — лицо Альпина посерьезнело. — Полагаю, так лучше всего. Черт знает гентов, с их магическими примочками и прочими штуковинами.

Такс... Ледлеи всерьез озабочены нашей безопасностью... Плохо, Ната, очень плохо. Значит, генты рвут и мечут. С другой стороны, в чем, в чем, а в защите древнейшей семейки ледяных можно не сомневаться. Уж если кто и сумеет оградить нас от любых нападков, так это Ледлеи.

— Правильно думаете, — Альпин не уставал приветливо скалиться во все зубы и клыки.

— И долго учились? — бросила вампиру.

— Читать по лицам? Кхм... Лет пять... может больше. Специально тренировался. Была необходимость, — ответил спокойно.

Так, Ната, счет три ноль в пользу ледяного.

Первый балл за мастерски провернутый ход с Этьеном, когда тот отказался везти напарницу домой. Я, конечно, ему еще припомню! И не один раз! Но факт остается фактом!

Второй балл за то, что рассмешил и на пару минут даже расположил к себе вампироненавистницу вроде меня.

Третий балл за спокойствие и оптимизм в обмен на поддевки. Кто говорил, что древнего ледяного легко переиграть? Таких, как я, он едал на завтрак, обед и ужин. Причем, как ни горько признавать во всех смыслах слова.

16

Первый второй кан

(Огни)

Ал кивком пригласил Беарна наверх.

Через пять минут мы сустились возле Стеллы в гостевых апартаментах, почти точной копии выделенных мне. Только поменьше.

Ледяной постелил на кровать полиэтилен, Беарн бережно уложил туда пострадавшую. Лицо и тело ее выглядело сплошным синяком, из-за размазавшейся крови, понять — как много ран, и насколько они глубоки, не представлялось возможным. Правое веко затекло, вокруг расплзлись фиолетовые разводы, словно щупальца осьминога протянувшиеся к уху и шее.

Ал предельно осторожно срезал ошметки футболки с тела людоедки. В некоторых местах ткань прилипла к ссадинам. Отрывать вампир не стал, кивком предложив верберу отнести Стеллу в ванную. Прежде чем погрузить девушку в теплую воду, медведь насыпал туда марганцовки. Розоватая жидкость окрасилась в грязно-бордовый, пока Беарн обмывал беглянку. Она так и не пришла в сознание. И слава богу! С подобными увечьями болевой шок заработать не долго.

Я приготовила крепкий раствор марганцовки, Ал убрал с лежанки полиэтилен, заменив чистой белоснежной простынкой. Любопытно, но клыки у вампира ничуть не удлинились. При таком-то обилии кровищи! Местные ледяные не могут пить канов? Иных объяснений на ум не шло. Подключаться к информационному полю желания не возникало — еще не переварила ужасающую экзекуцию людоедов.

Беарн вновь уложил Стеллу на кровать — осторожно, нежно. Медведь заметно осунулся и потемнел, черты лица заострились, ожесточились... Щеки запали, под карими глазами пролегли синюшные круги... Жесткая линия губ вытянулась, кустистые брови сошлись на переносице.

Вербер очень дорожил Стеллой — это ясно читалось в его ауре, за километр излучающей тревогу, вину и сильнейшее беспокойство.

— Что думаешь? — голос Беарна осип, взгляд уперся в серьезное лицо Ала.

Ледяной присел на пол возле пострадавшей и замер. Обнюхивал? Слушал сердце? Дыхание? Не знаю... Мы с медведем старались не мешать. Несколько минут вампир хранил тишину. Беззвучие нагнетало напряжение. Казалось еще немного и от вербера можно будет аккумуляторы заряжать.

— Выкарабкается, — выдохнул Ал.

Медведь сделал то же. Воздух вырвался из его могучей груди со звуком, напоминающим шум ветра в больших трубах.

— Сначала надо обработать раны, — по-деловому произнес ледяной. В четыре руки они с Беарном промакивали рваные участки плоти людоедки обеззараживающим раствором.

— Аааа... антибиотики не нужны? — пришла в голову мысль.

— У канов иммунитет такой, что ни одна бактерия не возьмет. Регенерация послабее, — пояснял Ал, не останавливаясь ни на минуту. — А хуже всего переломы обеих ключиц и бедер. Во время обращения они испытывают максимальную нагрузку...

Вербер еще раз тяжело выдохнул. Дальше поняла сама. Теперь каждый переход в звериную ипостась будет приносить людоедке адские страдания. По крайней мере, несколько лет точно. Уродись Стелла человеком, пришлось бы накладывать гипс, а может и в больницу лечь. Для кана сращение переломов — дело недели-двух.

— Таз цел и то хорошо, — кивнул ледяной.

— Знали, мрази, как бить, чтобы не умерла от внутреннего кровотечения, — проревел медведь. Шерсть на загривке встала дыбом... Клыки обнажились и засверкали в свете пирамид-люстр.

Вербер ссутулился, набычился — теперь по-настоящему устрашал. Но не пугал так, как вождь людоедов. Не знаю в чем тут дело. От Беарна исходила спокойная мощь. Даже когда свирепствовал, хотелось скорее утешить, чем держаться подальше. С каном все с точностью до наоборот. Достаточно посмотреть на него и овладевало единственное желание — бежать. Сломая голову. Не думая. Не оглядываясь.

— Я сам, — сосредоточенно выдал Ал и вербер отошел к изголовью кровати, гигантскими ручищами сжав деревянный остов так, что тот затрещал.

Так! А я то чего? Приготовила марганцовку и почиваю на лаврах? Считанная история издевательства над Стеллой настолько выбила из колеи, что нормально соображать не получалось.

Принялась латать тело девушки через ауру. Медленный, но эффективный метод лечения. Ты словно бы проектируешь слепок здоровых тканей, хранящийся в памяти биополя, на больные. Энергетика делает свое дело.

Вампир ловко, как заправский хирург, накладывал швы, повязки — все нашлось у него в аптечке. Я же делала что умею, стараясь не утонуть в жалости к пострадавшей. Неспешно, последовательно, прошлась по каждому ушибу, по каждой сломанной косточке, по каждой ране. Влила побольше своей энергии — аура аджагар сама по себе целебна, полезна для здоровья.

Стелла застонала и... очнулась. Разлепила одутловатые веки, жадно втянула воздух, истошно закричала — нечеловеческий рык, переходящий в стон взорвал тишину. Я аж вздрогнула. Вот черт! Переборщила! Слишком много сил влила в безжизненный мозг, вот он

и заработал на полную катушку.

Не успела попенять себе за неосторожность, Беарн могучими руками зафиксировал пострадавшую, чтобы не дергалась. Ал схватил с прикроватной тумбочки заранее приготовленный шприц и вонзил в руку Стеллы таким быстрым движением, что я едва уловила.

Прозрачная жидкость переключалась в вену несчастной, тело расслабилось, искаженное гримасой страдания лицо умиротворилось — наказанная заснула.

— Не думал, что она так быстро очнется, — удивился ледяной, но встретившись со мной взглядом понимающе кивнул. — Не переживай, ты многое сделала. Я уже ощущаю, как она поправляется.

— Спасибо, — Беарн легонько пихнул в бок — пролетела метр с лишним, во время ухватившись за дверную ручку. Вербер виновато пожал плечами. На эмоциях могучий сверх не рассчитал силу. Улыбнулась в знак того, что не обижена.

— Ты устала, — озабочился Ал. — Иди, поспи, мы почти закончили. Дальше сами.

Предложение было как нельзя кстати.

Ноги подкашивались, голова чугунная, казалось, прислонюсь к стене и тут же отключусь.

На полном автопилоте дошла до своей комнаты, приняла горячий душ, еле ворочаясь под мощными струями, вытащила из гардероба первый попавшийся спортивный костюм, темно-зеленый, на три размера больше требуемого. Надела, забралась в постель и отключилась.

Провалилась в глубокий сон.

...

Грезы посетили тревожные... но запомнились плохо. Такое происходило и раньше, но чаще прекрасно воспроизводила случившееся в царстве Морфея. Обрывки остались и сейчас. Чудища, догонявшие в темных коридорах. Невиданные существа, обитавшие там и почему-то искавшие моей помощи. Диковинные деревья с человеческими руками вместо сучьев. Застывшие как изваяния, при моем приближении они начинали тянуться навстречу, шевеля белесыми пальцами с синюшными ногтями...

В ужасе шарахнулась, упала в пропасть... Долго летела, самой себе напоминая Кэрроловскую Алису...

Раз — и я среди огромной пустоши, заросшей репейником и бурьяном...

Было что-то еще. Обрывки. Загадочные встречные в капюшонах, с горящими четырьмя глазами. Двумя на обычном месте и еще двумя там, где должен быть рот.

Темнота... надвигавшаяся, пожиравшая окружающий мир, оставлявшая за собой лишь выжженную пустыню.

Пробуждение было резким и неприятным, как и сами грезы.

Со всех сторон обрушился страшный гул. Клетки вибрировали, мышцы грозили лопнуть, органы — оторваться и начать бродить по телу, зубы с противным скрежетом стучали друг о друга...

Звук нарастал и вскоре превратился в грохот, от которого вселенная сотрясалась будто от яростного урагана.

Сильнее...

Воздух колыхался, дрожал, облепляя кожу влажными испарениями...

Яркий свет ударил в лицо, вынудив зажмуриться. Чужое солнце пробивалось сквозь

узкую щель в портьерах, разрезав комнату длинной белесой полосой.

Утро.

Во входную дверь барабанили с такой силой, что казалось странным — как она еще на месте. Гроыхание оборвалось. Суматошно покинув постель, надела кеды на босу ногу и побежала в холл. Внизу никого. Только за входной дверью слышались мужские голоса. Звонкий, высокий — Ала, басистый и грудной — Беарна и еще один... Я узнала бы его из тысяч. Бархатистый и даже не грудной, скорее утробный. Холод вонзился в тело подобно миллионам жалящих пчел. Сердце зашло от стука, а легкие заработали так, точно я марафонец, подходящий к финишу.

Дремучий, первобытный страх заставил замереть посреди холла, пригвоздил к месту. Пошевелиться... издать хотя бы стон... даже на это не хватало сил. Градины пота выступили на теле, потекли по шее и спине.

Бежать! Бежать! Бежать!

Ноги не слушались, словно вросли в пол, руки повисли безвольными плетями.

Дверь распахнулась от гулкого удара.

Трое сверхов уставились на меня. Ал с нарочито оптимистичным, позитивным выражением лица. Беарн, ободряюще подмигнувший... Тарелл... вождь канов.

Свободная белая футболка не скрывала его звериной мощи. Растянутые синие джинсы, на размер больше положенного, висели на округлых бедрах лишь благодаря ремню с массивной пряжкой.

Немая сцена длилась несколько минут. Мышцы окаменели, дернуться и то не выходило. Тарелл... затрудняюсь подобрать слова, описывающие его взгляд, без тени смущения бродящий по телу. Чувствовала себя... голой! Абсолютно нагой, как Афродита, вышедшая из морской пены.

Загадочные, непонятные и противоположные эмоции заставляли желать съежиться и выпрямиться одновременно. Выставить грудь, на которой блестящие черные зрачки кана задержались на несколько минут, и заслонить руками. В мимике Тарелла сквозило что-то бесстыдное, по-дикому, по-животному бесстыдное и пугающее. В тоже время, мелькало... восхищение, с каким гигантский лев взирает на свою самку... Ленивое, поощряющее, гордое. Ноги и руки одеревенели... Челюсти свело, зубы неприятно заскрежетали, скулы заныли.

— Хм... — Тарелл перевел взгляд на Ала, на Беарна. — Меняю Стеллу на нее! — бесцеремонно ткнул в меня пальцем, — Можете забрать сучку со всеми потрохами... И делать что хотите. А ее отдайте.

Господи! Провалиться бы сейчас под землю! Нет, рвануть в свой мир! А что, это план! Может уже в силах создать портал? Размечталась! Большую часть накопленной за сутки энергии отдала Стелле. Попробовать вызвать своих? Сейчас! Куратор четко предупредил — на этом клоне Земли слишком много сверхъестественного — минутный контакт с нашати истощит сильнее попытки сотворить путь домой. Мысли суетливо метались от одной глупейшей идеи к другой, а тело по-прежнему не слушалось. Тарелл загипнотизировал, парализовал, лишил воли и самообладания.

— Не мечтай, мразь людоедская! — выплюнул Ал, — Убирайся с нашей территории, пока не вызвал братьев, полицию и еще черт знает кого!

Кан усмехнулся как ленивый хищник перед более мелким, но голосистым противником. Беарн зарычал, обнажив зубы-конусы, ледяной оскалился, Тарелл и бровью не повел.

— По закону она моя! — проревел, штампуя каждое слово. — Вы знаете это!

— А еще знаем, что случилось с Пралларом... — с издевкой отчеканил вампир.

Тарелл на минуту замолчал, нахмутив кустистые черные брови. Окатила меня взглядом, от которого румянец залил щеки, уши пылали, хотелось прикрыться занавеской... ну хоть чем-то... и одновременно раздеться догола...

— Твоя взяла, — выпалил кан, — Это дело племени! Разберусь сам. Ни один проклятый человечиска или медведь, — Тарелл и Беарн обменялись взорами, от которых и Ледовитый Океан бы вскипел, — не коснутся соплеменника! Сам вершу правосудие! Виновный будет наказан! Но по нашим законам!

— Это не моя проблема, — Ал выглядел хозяином положения — на губах довольная ухмылка, пожалуй, немного злая, глаза победоносно сверкают, руки в боки, ноги на ширине плеч. — Убирайся и я ничего не скажу властям. А уж раскроют они дело или нет, плевать.

Тарелл резко развернулся и медленно зашагал прочь. В каждом движении сквозила кошачья грация, необычная для такого грузного существа. Не оборачиваясь, достиг высокой каменной ограды, небрежно толкнул ладонью массивную железную дверь. Та жалобно скрипнула и распахнулась, глухо ударившись о забор и неприятно задребезжав.

Вышел вон и дверь с грохотом захлопнулась.

17

Старейшина и вождь

(Тетис)

Возвращаться в поселение? Бежать? Стать одиночкой — мишенью для любого оборотня? Потенциальной жертвой, за убийство, расчленение и даже просто увечье которой ни сверху, ни человеку ничего не будет?

Тет замер на огромном пне в лесу, на ничейной территории.

Рассветные лучи превращали усыпанные росинками листья и травинки в замысловатые украшения с бриллиантовой инкрустацией. Ветер стих. Ранние птички трели прорезали беззвучие неба, в кронах деревьев зашуршали зверьки. Белка выскочила из дупла и стремглав пронесясь по стволу юркнула в другое. Острые коготки прорвали кору, и на землю полилась капля густого сока. Терпкий запах бодрил, запутываясь в свежем, насыщенном аромате утренней зелени.

Чаща жила своей жизнью, пробуждалась, встречая рождение дня. Время решаться... Несколько часов — и квартал людоедов тоже загудит как встревоженный улей. Отсутствие Старка заметят, возникнут вопросы, предположения, сомнения...

Нарушительницу хватились давно. Схоронившись недалеко от родного квартала, брат вождя наблюдал за происходящим. Прошло около часа с момента передачи Стеллы Беарну, когда ночной дозорный заглянул в темницу. Обнаружив пропажу, вызвал еще нескольких дежурных и те кинулись прочесывать территорию.

Аромат брата Тарелла, разумеется, не учуяли. Людоеды и так практически не пахли, а Тет вымылся особой смесью, дезинфицирующей и на время обнуляющей естественный дух.

Но вот медведя каны определили за версту. Черт! Проклятая торопливость! Надо было придумать другой план! Самому доставить Стеллу к жениху!

Тет проклинал себя за неосторожность. По запаху Беарна людоеды быстро найдут беглянку. Спрячься она даже в городе, в квартале верберов или их друзей-ледяных, теперь

поиски — дело времени. Причем, весьма небольшого. Как медведи почти без усилий выслеживали естественных врагов в любом месте, так и каны заточены на тоже самое.

Для сородича Тета запах Беарна подавлял все прочие, становился навязчивой идеей, вел, как заправскую ищейку. Настроившись на него, ничего иного людоед уже не воспринимал. С гентом или ледяным такое бы не вышло. След мог затеряться среди других, стереться ароматами мегаполиса. Только не с вербером. Природа распорядилась, чтобы две враждующие расы ощущали друг друга, не смотря ни на что.

Скрывшись в лесу кошачьим зрением Тет наблюдал, как лучшие охотники заспешили в сторону поселка ледяных. Значит, Беарн побоялся привезти Стеллу в собственный квартал. Правильно! Сначала нужно подготовить медведей. Женщину из стаи естественных врагов непросто будет принять в роли пары лучшего вербера племени, к тому же беты.

Стеллу осудили, пока Тет ездил в город за съестными припасами. Гулянье опустошило продуктовые склады канов. Как обычно.

Клонированная человечина долго не хранилась — не больше пяти суток. Перестраховаться и с запасом закупить мяса высшего сорта для праздника — большой риск. Не съестся, наверняка, сгниет. Значит, будут немалые убытки — копии органов смертных нынче в цене. Яства начинали готовить за два дня до гулянья — шутка ли, настрять на все племя! Людоеды, ко всему прочему, не пользовались современными технологиями — суперпечами или духовками запекающими блюда любого размера в считанные минуты. Блюда делались порциями. Остатки человечины через несколько дней пришли бы в негодность.

Уничтожив ее подчистую во время гулянья, каны тотчас закупались вновь.

Забота эта уже много лет лежала на плечах Тета. В прежние годы — на бете. Нынче место вакантно. Еще бы! Кто продержится тридцать минут против Тарелла? Пока не сдюжил ни один. Кандидаты в помощники главы поселения бились друг с другом... Но против альфы не устоял ни один.

Выборы назначались регулярно — раз в год, когда подрастало новое поколение. Возможных бет тренировали, натаскивали, чуть менее жестко, чем альф. Однако вождь неизменно выводил противника из строя меньше чем за четверть часа.

Поддаться Тарелл не мог — страшнейший позор, если заметят. Ладно, хоть старался не особенно ломать спаринг-партнеров и не убивать. Примнет к земле, придавит, обездвижит и все.

В отличие от влюбленных в альфу женщин, Тет четко осознавал — не только гуманизм двигал братом, но и забота о нуждах племени. Неразумно калечить или терять лучших воинов.

Тарелл всегда действовал в интересах народа. Уж этого у него не отнять.

В голове Тета крутилась мысль, но он боялся поверить — очередное болезненное разочарование пережить непросто.

Брат — третий в совете вождей, благодаря чему то же место занимает в иерархии канов и его стая. Презревшие законы предков, отказавшиеся от варварских обычаев, вроде наказания Стеллы — последние. Гаммы мира людоедов, со всеми вытекающими последствиями. Любого оборотня такого племени имеет право безнаказанно убить, надругаться, покалечить всякий встречный кан из народа выше рангом. Можно безвылазно сидеть на своей территории, но рано или поздно изоляцию придется нарушить.

Как заработать на жизнь, не выезжая на предприятия, в офисы фирм, возведенные в

общих кварталах? Как закупать продукты, одежду, прочие необходимые вещи, не посещая рынки и торговые центры, расположенные там же?

Некстати вспомнилась расправа над семьей канов, прямо в бутике модной одежды. Группа людоедов из второй стаи издевалась над ними не один час. Истязала, насильовала, ломала кости молодому мужчине, женщине и... двум маленьким девочкам. Тету повезло или не повезло — как считать — он с Тареллом очутился рядом. Третий вождь равен двум первым. Рискую вызовом на бой от альфы учинивших драку, брат Тета приказал отпустить несчастных. Меньше получаса недовольного рычания, метаний перепуганных людей вокруг — и бедолаг оставили в покое. Скорую вызвала продавщица. Тарелл поспешно ушел, позволив младшему родственнику дожидаться врачей и помочь.

Тысячи раз Тет вспомнил тот день, задаваясь одним и тот же вопросом: зачем вождь рискнул жизнью ради незнакомых людоедов из презируемого племени? Эта мысль не давала покоя ни днем, ни ночью. Слишком не вязался тот поступок с образом Тарелла — зверем, вырывающим сердца у невинных жертв.

Почему-то именно сейчас, после всего случившегося, мысли Тета вернулись к осатанелому сражению брата с первыми тремя главами одновременно. Ради племени — сам Тарелл не особенно жаловал институт старейшин. Каны рвали друг друга на части. По сравнению с этим, бой за место вождя — детская потасовка с деревянными мечами рядом с настоящей рыцарской сечей.

Любой альфа, заявившийся в главную десятку старейшин должен сначала трое суток продержаться против девятого, восьмого и седьмого. Одолев же одного из них, становился на его место. Проигравший уходил на ступень ниже, сильнейший получал шанс на тех же условиях, что и прежде, биться с шестым, пятым и четвертым. Выиграв у кого-то из них и завоевав очередной статус, имел право бросить вызов руководящей тройке.

Многие вожаки тренировались десятилетиями и были повержены. Но не Тарелл, еще дюжину лет назад доказавший — молодой по меркам канов, неопытный претендент способен возвыситься чуть ли не до верховного Старейшины.

Теперь его подданные имели лучшие рабочие места на всех предприятиях людоедов, получали самые высокие дивиденды от бизнеса сородичей — кафе, парикмахерских, магазинов кожаной одежды и прочих доходных заведений.

Любой кан обязан защитить оборотня племени Тарелла, выручить деньгами по мере возможности, помочь, если просят. Никто не посмел бы пальцем тронуть женщину третьей стаи. Нарушившего забили бы камнями и острыми палками.

Лишить свой народ всех преимуществ и благ, отдать на растерзание другим — худшее решение главного. Согласен Тарелл или нет с обычаем предков, как настоящий вождь, заботящийся о подчиненных, он должен был подвергнуть Стеллу традиционному наказанию. Невеста Беарна понимала это.

Если верить мельком услышанному Тетом, пока караулил опустевшую темницу — поймали ее случайно. Несколько разгоряченных посвящением мальчиков помчались в лес и напали на знакомый след. Надо же было Беарну отложить свидание, прислав вербера сообщить об этом.

Подогретые жестоким обрядом мальчишки взяли Стеллу с поличным, как выражаются смертные. Людоедка знала, что ее ждет и ни за что не обменяла бы свою жизнь и целостность на жизнь и целостность всего племени. Оттого и не просила о пощаде...

Бедная девочка! Между молотом и наковальней столько долгих месяцев! Наверняка

раскрытие тайны стало облегчением.

Стелла — возлюбленная медведя, преступница для братьев, враг для сородичей жениха. Неприкаянная душа, которой нет места ни в родной стае, ни в той, где друг сердца. Худшей участи не пожелаешь. Монтеки и Капулетти хотя бы не поедали друг друга веками...

Тет раздумывал. Отлично понимал — никто не заподозрит брата вождя в измене. Беарн не выдаст. Опасности нет. Но лгать Тареллу, лгать всем, делать вид, что желает поимки осужденной и продолжения экзекуции...

Бр-р-р...

При виде нее, еле живой — съездившийся окровавленный комочек, растерзанный сородичами, холод обдал внутренности. Ребра всасывались в живот, в груди защемило. Голову словно тисками сдавливали, сердце молотом барабанило в висках. Челюсти непроизвольно стиснулись так, что зубы закрипели... Клыки пропороли десны — соленая жидкость во рту слегка отрезвила.

Тет поступил бы так снова. Даже если бы знал, что поймают. За помощь осужденной избежать казни, самцу полагался облегченный вариант наказания. Его рвали зубами и когтями несколько дней, не давая умереть. Ну а после забивали острыми камнями.

Но брат вождя не боялся ни боли, ни пыток, ни смерти. Он не хотел выбирать между Тареллом, любовью к родному существу и честностью перед самим собой. Не признавайся — и тебя никогда не вычислят. Но ... вдруг Стеллу вернут? Сумеют ли ледяные откупиться? Договориться с Тареллом? Преступить закон и вмешаться в дела другой расы означало бросить перчатку. Война — вот чем закончится такая защита осужденной.

Если вампиры не смогут отстоять беглянку, решится ли Беарн ради Стеллы толкнуть родное племя сражаться с канями?

А вдруг осужденную вернут? Тет знал наверняка — позволить продолжить экзекуцию он не в силах. Остановить — тоже. Только разделить участь виновной.

Что делать?

Поднимался легкий ветерок.

Брат альфы откинул капюшон, подставив разгоряченное лицо прохладному дуновению. Ясное небо поражало голубизной. Потревоженная белками стая птиц резво взмыла, шурша крыльями. Клином направилась подальше. Ястреб реял в вышине, распластав по воздуху красивые гигантские крылья.

Вдалеке промелькнули лисы — сытые, довольные, смачно облизывали окровавленные клыки, направляясь спать в нору — у хищников была удачная ночь.

Сердце защемило, вздохи шумом отдавались в ушах — безумно захотелось домой.

До боли знакомый аромат пощекотал ноздри, оставляя во рту горьковатый привкус...

Ну что ж... Значит судьба.

Тет выпрямился и ждал...

Гигантская черная кошка смотрит темно-синими глазами...

Что-то не так... Запах Тарелла. Он очень возбужден. Во всех смыслах слова. Нервы раскалены. Но не от ярости, как подумал в первую минуту Тет. По ним бродит совсем другое...

Источающее аромат радости, восторга, смешанный с густым запахом желания, такого сильного, что лишь вдохнув его, чувствуешь, как и сам почти готов к ночи страсти. В спешке натянутые Тетом на голое тело брюки непомерно узкие и жесткие. Натирают, причиняют неудобства. Тяжесть в паху и жар напоминают момент, когда впервые увидел любимую

обнаженной. Дыхание все глубже, рваней, голова идет кругом.

Гормональные ароматы Тарелла проникают глубже. Наслаждение, граничащее с психозом, ударяет в голову, лишает ясности мысли. Это уже не обычная похоть вождя, гордящегося своим либидо. Нечто совершенно иное, тяжелое и легкое, невесомо поднимающее над землей до впечатления парения и прищмякивающее.

Несколько минут каны смотрят друг на друга полубезумными глазами. Альфа в прыжок легко перемахивает через брата. Куда нацелился?

Тет оборачивается. Тарелл уже в человеческом обличье, вытаскивает из машины на обочине ошалевшую девушку. Ничуть не смущаясь внушительного свидетельства своего возбуждения, намотав волосы на кулак, тащит жертву в лес.

Та упирается, пытается кричать. Но альфа легким движением отрывает рукав блузки и затыкает жертве рот.

Волочет все глубже и глубже. В каком-то произвольном порыве Тет бежит следом. Зверем или человеком? Не помнит, не осознает нынешнюю ипостась. Только сумасшедшая гонка, только бурлящая в венах кровь, только барабанивший пульс, только происходящее имеет смысл. Захватывает, лишает разума, зачаровывает. Гормоны, эндорфины, феромоны, черт их знает, что еще ударили в голову, подчинили. Так, как не властвовала даже сырая человечина...

Странно... Девушка не источает ни аромата страха, ни ужаса, ни жажды бороться. Приторный вкус удовольствия ни с чем не спутаешь — ей нравится происходящее! Незнакомка упивается силой, заставляющей делать то, чего хочет людоед, жадно втягивает воздух, наполненный приторно-сладкой ноткой, какой раньше не улавливалось в аромате желания Тарелла.

Остановившись в чаще, он раскладывает спутницу на мягкой траве. Та резво сопротивляется, брыкается, толкается. Мощным коленом упершись в живот девушки, кан прищипливает ее к земле. С такой силищей не поспоришь.

Почти обездвиженная незнакомка извивается, обильно фоня во все стороны вожделением, упоением. Ногти смачно полосуют спину людоеда, но ранки быстро затягиваются. Тарелл рвет джинсы псевдожертвы, спуская штанины к ногам, и тут же берет ее.

Остервенело, поспешно. Наваливается всем мощным телом, двигается, вбивается. Тет резко выдыхает. Хочется бежать, как во время охоты. Но тело будто парализовано. Возбуждение накатывает волнами, скручивая мышцы живота узлом.

Запах борьбы, секса, восторга любовницы брата сносит все преграды самоконтроля.

Тарелл продолжает вторгаться в партнершу с неистовой силой первобытного желания. Тело ее ездит по траве туда-сюда, не смотря на руки любовника, крепко держащие за плечи. Еще несколько сумасшедших неритмичных толчков и вождь рычит, замирая на несколько минут.

Поднимает обмякшую незнакомку, аромат блаженства которой пропитал лесной воздух, прислоняет к дереву. Девушка зазывно стонет, льнет к людоеду, забыв о театральных попытках вырваться. Не царапается больше, лижет бронзовую кожу Тарелла, мягко урча. Обоюдная похоть альфы и его партнерши лишает Тета остатков сил. Ноги заплетаются, боль в паху тянет и дергает. Девушка нетерпеливо подается вперед, и альфа вновь берет ее, почти подбрасывая вверх. Резко насаживает на себя, точно вонзает кинжал.

— Тарелл, — шепот девушки — томный, преисполненный животного удовольствия

возвращает к реальности. К действительности ли?

Может все сон? Дурман затуманенного мозга. Надо успокоиться. Тет трясет головой и медленно пятится. Вождь продолжает... рычит, заглушая восторженные крики любовницы...

Тет бежит в поселение, на родину ... Граница... квартал канов. Порог... Холодный душ. Он приносит облегчение. Смывает удушливый аромат похоти, секса, звериного удовольствия.

Да что такое с Тареллом? Лицо его добровольной жертвы! Господи! Какая же она незнакомка! Это же... Полукан из огненных! Тет видел ее на гуляниях племени. Гостила в прошлом году, хотя и не чистокровка. Огненные приняли ее. Принял и Тарелл... Судя по всему не раз и не два.

Ледяная вода прочищает мозг. Тет устало бредет к кровати на обмякших ногах, и падает на упругий матрас.

— Ненгастена любит пожестче, — вспоминается хохот соплеменника любовницы брата.

Утренние лучи солнца освещают нагое тело Тета, распластанное на постели — укрыться не хватило сил. Нервные перегрузки свалили тяжелым сном. Он дома и пусть все идет, как идет.

18

С ног на голову

(Огни)

— Не думал, что козырь пригодится так быстро, — покачал головой Беарн, продолжая хмуриться, — Но уж больно гладко все вышло. Зная характер Тарелла, настырность... С трудом верится, что этот головорез сдался без боя. — Медведь на несколько секунд умолк, задумчиво уставившись в пол.

— Да, не похоже на Тарелла, — согласился Ал, — Он будто нарочно искал повод отдать Стеллу... Ухватился за первую возможность и даже не особо настаивал... Хотя какая разница? Главное — твоя в безопасности.

— И то верно, — кивнул вербер, расслабившись. — Неприятности канов — не наше дело.

Лишь теперь, немного придя в себя, обратила внимание — Беарн в новенькой, свежей красно-коричневой рубахе в клетку.

Стоп! Как он умудрился настолько вовремя добраться до Ала, чтобы совместно дать отпор вождю людоедов? Остался ночевать у Камулов, подоспела информация. Напрашивалась догадка — для друзей у ледяного хранилась сменная одежда. Либо вербер нередко задерживался до утра и держал гардероб.

Переключаясь с темно-серой футболкой, глаза Ала изменили цвет, засияв глубокой синевой.

— Ты чего? — ледяной медленно подошел и осторожно провел рукой по плечу.

Ох-х-х... В ошалевшем мозгу промелькнула картинка ауры вампира. Так вот где собака зарыта! Думала проблема в массовых убийствах, насилии, «кровавом» питании... нет... У мертвых поврежденная энергооболочка! Раньше не обращала внимания, не изучала

энергетику нежити специальным зрением. Возле сердца и чакры «третий глаз» поле новоиспеченного суженного истончалось почти до нуля... Оболочка же головы и вовсе напоминала очень мелкое сито, с дырочками не больше острия иглы.

Значит, мои эмоции преодолимы! Уже доводилось встречать существ с неполноценной аурой — людей, из-за болезни, сглаза или порчи утративших большую ее часть. Есть специальные техники... Однако результат требовалось периодически обновлять.

Плюс открытия — свести ощущения до едва заметных нетрудно. Минус — привыкнуть невозможно. Через каждые недели две-три, а то и меньше буду вынуждена настраиваться заново.

— Огни? — новое касание, от которого все внутри съеживается, морозные острия вонзаются в кожу, аж искры из глаз. Ступор отступает. Осознаю, что по-прежнему стою посреди лестницы, во вчерашнем спортивном костюме и кедах на босу ногу. На голове наверняка птичье гнездо — пряди беспорядочно сползли на плечи и лоб.

— А... все нормально, схожу переоденусь, — бросаю друзьям-сверхам и устремляюсь вверх по лестнице.

Спиной чувствую взгляды двух пар удивленных глаз.

...

Забегаю в свою временную комнату и плюхаюсь на кровать, стараясь перевести дыхание. Слишком много для одного утра! Для одного дня, черт побери! Для первых суток в чужом мире!

Фуф... спокойно... у меня есть задача. Я все ближе. Да, пока цель недостижима. Но рядом... Я тут. Где надо. В доме ледяного, наверняка знающего тех, кого ищу.

Жадно глотнула воздуха и поспешно закрыла глаза. Мне необходима медитация! Вызвала образ Тарелла. Для верности покрыла его розовым пухом... Получился гигантский птенец с пронзительными черными зрачками. Взгляд помимо воли оставлял чувствительный след по всему телу, обжигал, рождал знакомое, но от этого не менее непривычное оцепенение. Тоже решаемо! Представила, будто на кане темные очки, в центре каждого стекла женский глаз с подводкой, тенями, ресницы завиты и накрашены...

Ужас сменился непонятной истерикой. Я беззвучно хихикала, едва сдерживаясь от громкого смеха. Не дай бог Ал с Беарном наведаются убедиться — все ли в порядке. Мне еще с поврежденной аурой ледяного разбираться.

Хохот стих, оставив... симпатию. К Тареллу? Да я спятила! Впрочем... когда-то читала про обычаи первобытных племен — жестокие, но оправданные. Выживание народа зависело от верности и беспрекословного подчинения вождю, четкого соблюдения веками отработанных законов. Каны... звери. Но веками соседствуя с себе подобными, только так и можно не кануть в Лету.

Противоречиво. Человеку, ну или почти человеку, воспитанному в современном гуманном обществе сложно принять такие нормы. Изнасилование и побои шокируют всякого нормального смертного, как любят выражаться здешние сверхи... Но понять обычаи канов... О да, можно.

Теперь самое сложное. Неспешно сняла с Тарелла перья... Фуф. Массивная фигура вождя больше не парализовала ужасом. Момент истины — очки.... Взгляд глубоких угольных глаз... Он больше не приковывал к месту... Но продолжал смущать, вызывать желание одновременно сорвать одежду и укутаться в нее поплотнее. Тем не менее, уже не так страшно.

Ал...

С ним попроще. Медленно придала собственной ауре очертания, словно заполняющие пустоты биополя ледяного. Для верности прошлась по шершавой поверхности измененной оболочки энергетической рукой. Нащупала выступ на месте третьего глаза и возле сердца. Хорошо.

Теперь готова к новой встрече со здешними монстрами.

Практически.

Быстро приняла душ, почистила зубы — щетка и паста лежали на полочке в ванной. Ползла в шкаф. Вечером схватила первое, попавшееся под руку. Сегодня удалось разглядеть стопки трикотажных спортивных костюмов. Вчера не прогадала — особого разнообразия не наблюдалось, разве только в палитре и размерах. Подобрала толстовку с капюшоном и штаны, цвета топленого молока. Носки бы еще... У моей расы очень нежная кожа на ногах. Слово «мозоли» для нишати приобретает особый, трагический смысл. Натирает абсолютно любая обувь. Отыскать ту, в которой стопы не покроются кровавыми волдырями, почти невыполнимая задача.

Утром с перепугу и второпях нацепила кроссовки на босу ногу. Несколько вздувшихся пузырей с красной окантовкой, пульсирующей болью напоминающих о себе при каждом шаге, подстегивали в поисках носок.

Нашла! В самом углу, под горой очередных трико и курток. Правда, размер — хоть на лыжи надевай. Ладно, будут гольфами. Замаскировав топорщащиеся на голених пятки под трико, осталась довольна. Расчесалась, собрав тяжелые волосы в низкий хвост — от высокого через некоторое время жутко болела голова. Вот и ладушки.

...

В холле ждали Беарн и Ал. Вербер приветливо кивнул, ледяной оценил. Не так как Тарелл — меньше животного, больше ну даже не знаю... позитивного, что ли... Во взгляде альфы канов сквозила дикая чувственность, с какой звери ласкают друг друга, в глазах вампира — нежность, вперемежку с хозяйским покровительством. Мужской шовинизм в действии? Проглотив возмущенную реплику, рысцой преодолела лестницу.

— Мы в город, — сообщил ледяной, — Покормлю тебя, одежды прикупим. Беарн к себе в поселение... Дела беты. К тому же, праздник на носу.

— А Стелла?

Неужели девушку бросят одну в таком-то состоянии?

— Братья приглядят, оставил записку, — Ал дружелюбно улыбнулся. — Днем познакомлю.

Я в общем и не просила... Ну, ладно.

— Виргору можно доверять, — добавил Беарн, забыв пояснить, что речь о старшем Камуле, — Полностью, — шагнул к двери, бросив через плечо: — Ночь прошла спокойно, Стелле лучше. Думаю, она вне опасности.

— Радует, — ответил ледяной в спину другу.

— Стоп! — вербер обернулся уже на пороге. — Вы на гулянье придете?

Ал пожал плечами, едва заметно кивнув в мою сторону.

— Посмотрим.

— Так бери невесту с собой, — на слове «невеста» Беарн сделал акцент, — Заодно официально представишь.

Этого еще не хватало! Неприятие волной прошло по телу, возмущение нарастало. Хм...

удивительно. Вчера, когда ледяной презентовал меня Нате в качестве будущей жены, новость не вызвала ни малейшего отторжения. Что же изменилось за столь короткое время? Хотя, какая разница? Не отвлекайся, Огни! У тебя есть дела поважнее, чем флиртовать с малоизвестными расами!

— Подумаю, — уклончиво ответил Ал, и медведь ушел восвояси.

— Ну, поехали? — вампир мгновенно приблизился, осторожно приобняв за талию. Ура! Ощущения самые обычные! Прохладная ладонь скользнула чуть ниже, не вызывая никакого отторжения, разве только легкое замешательство от чересчур интимного касания! Сработало!

Вернув Алу улыбку, пропустила его вперед. Покинув свое временное пристанище, обнаружила ледяного уже за рулем машины, определенно сделанной на заказ. Насыщенно-травяной гигант — нечто среднее между внедорожником и микроавтобусом — был оборудован тремя рядами кресел.

Спутник быстро занял водительское сидение и открыл мне дверцу. Ничего себе! Псевдожених определенно родился не в галантные века, однако культурное обращение с дамой за столетия освоил весьма недурно! Почти... Еще бы не позволял себе гладить мои бедра, вообще цены бы ему не было!

Комфортно устроилась в мягком кресле, пристегнулась, и машина сорвалась с места.

...

Сегодня мы ехали достаточно медленно для обстоятельного изучения достопримечательностей. Точно уловив мое желание поглазеть вокруг, Ал опустил тонированные стекла авто. Усталость не тяжелила веки, заставляя клевать носом, чувства обострились и впечатления полились рекой.

Аура вампирского квартала резанула электрически-фиолетовым, насыщенно-сливовым и черным, сигнализирующих о мощнейшем негативе. Пока отключала специальное зрение, накрыли впечатления. Резкий отзвук опасности, привкус чего-то мрачного... оборотной стороны жизни что ли... Ощущение животных инстинктов, приправленное хладнокровным наслаждением ими. Жуть! Пробирало до костей... Каскады студеной мурашек рассыпались по коже, как после случайного попадания жидкого азота. Одновременно меня точно без устали жалили даже не пчелы, а шмели. Передергивалась, ежилась, тряслась, чувствуя себя все хуже и хуже.

— Ты в порядке? — на лице Ала читалось недоумение и беспокойство.

— Да, просто не выпалась, — соврала, не моргнув глазом. Не объяснять же действие энергетики вампирского квартала на любого чтеца энергооболочек. Обижать гостеприимного ледяного совсем не хотелось. Поделать он все равно ничего не мог. В таких случаях проще держать лишнюю информацию при себе, не тревожа окружающих. Едва расслабилась, размышляя об этом, настигла вторая холодная атака. Впечатления очень напоминали то, как трескается кожа на скрипучем морозе, слезает засохшими чешуйками, обнажив множество мелких саднящих ранок.

Не мудрено! Тысячи существ с поврежденной аурой, отягощенной следами убийств, зверств, насилия! Надо срочно отключиться от здешней энергетики, никогда больше не читать и не разглядывать ее. Так и заболеть не долго.

Другое дело, архитектура города мертвых! Она рождала не менее сильные, но абсолютно противоположные чувства!

Казалось, большинство особняков, каким-то невероятным способом переброшены в

современность из прошлых эпох. Перед наблюдателем предстал истинный парад всевозможных архитектурных стилей.

Дворцы в стиле барокко с завитушками, барельефами, статуями, узорами, соседствовали с угловатыми готическими замками, устремившими в небо копыя башен. Утилитарно-грубоватые постройки в стиле конструктивизма изумляли корпусами в форме сложнейших геометрических фигур, оттеняя элегантные классические резиденции, со стройными колоннами и богатыми куполами. Каменные плиты, кирпич, бетон, металл, витражи, тонированные стекла смешивались в невероятный коктейль материалов и технологий.

Любители истории, строительного дизайна, наверное, ощущали бы себя тут как дети в кондитерской. Все стили, когда-либо существовавшие на планете, нашли место в вампирском квартале.

Однако ничего причудливей жилища Ала, объединявшего в себе несколько контрастных архитектурных направлений, я так и не обнаружила.

Когда поселок мертвых остался позади, невольный вздох облегчения нарушил воцарившуюся в салоне тишину. Спутник окатил новым обеспокоенным взглядом. Не без усилия растянув губы в улыбке, заверила:

— Все хорошо, хорошо.

Ал качнул головой, но промолчал, вернувшись к созерцанию дороги.

Джип выехал на трассу, со всех сторон окруженную густой порослью колючего кустарника.

Нейтральная зона начиналась рукотворным парком, разрезанным вдоль несколькими дорогами. Каждая делилась на три части: пешеходную, автомобильную и велосипедную. Цивилизованно до ужаса! Машина неспешно двигалась по средней трассе, давая простор любованию.

На огромной площади, с узкими песчаными тропками и зелеными беседками, уживались самые дикие представители флоры. Массивные исполины-деревья обступили небольшие ветвистые растения, чудного сизого цвета. Рядом раскинулись короны цветов, напоминающих калы, величиной практически с человека. Покрытые странным пушистым ворсом, они казались сшитыми из плотного бархата.

Чуть поодаль развернули разлапистые веера листьев пальмы. Под ними приютились малюсенькие кустики, усыпанные белыми и оранжевыми цветами, размером с булавочную головку.

Невероятно! Сказочно! Восхитительно!

Я высунула голову из окна машины, стремясь разглядеть как можно больше и детальней. Ароматы смешивались, теснились, спорили.

Будто очутилась на кухне, где готовились сотни экзотических блюд. Море специй! Дичайшее сочетание горечи и приторной сладости, кислоты и солености, уксусной резкости и огуречно-дынной свежести. Поначалу даже голова слегка закружилась.

Стрекот, шуршание насекомых смешивались с гулом мотора, провоцируя невольно искать виновников шума. Больших пестрых бабочек, стрекоз, точно сошедших со страниц книг о доисторических лесах, жуков всех видов, размеров и расцветок. Один из них, размером с пятирублевую монету, опустился на стекло и пополз вверх, быстро перебирая ворсистыми лапками. Завороженно разглядывая незваного гостя, отметила мелкие розоватые узоры на черном тельце. Хотелось увидеть и панцирь, однако непоседа раскрыл прозрачные крылья, радугой переливающиеся на солнце, и унесся прочь.

— Сад мира! — усмехнулся Ал, наблюдавший за мной с понимающей улыбкой.

— То есть?

— Возделан агрономами всех рас. Нечто вроде символа дружеского сосуществования. Сколько денег и сил угробили на то, чтобы растения с разных уголков Земли прижились рядом! А после мы десятки раз воевали! — ледяной расхохотался, впервые за наше знакомство.

Мне почему-то казалось, вампиры смеются хищно. Но Ал больше походил на веселящегося юношу, чем на ухмыляющегося зверя.

Парк венчался широкими, оживленными улицами, похожими на те, где побывала вчера. Мостовые, выложенные разноцветной плиткой, витрины, длинные ряды фонарей и устремлявшиеся ввысь небоскребы офисных центров.

На электрических проводах, высоко над землей, приютились сотни птиц, комфортно устроившихся рядком...

Пейзаж болезненно напомнил Родину. Однако ностальгия перешла в тоску и какую-то щемящую безысходность отторжения чужого мира.

Иноземное солнце, щедро освещающее улицы, атакующее гигантские тонированные окна высоток стрелами лучей. Ясно-бирюзовое небо, кристально чистое сегодня. Облака, скучковавшиеся у горизонта пухлыми комками ваты. В транспортном потоке затесались мерцающие золотые такси с надписями на дверцах: «Только для людей». Все не наше.

Даже сверхи в толпе больше не вызывали удивления, жажды разглядеть, прочитать ауру, информацию.

Ал затормозил возле приземистого торгового центра, со всех сторон увешанного цветной рекламой. Баннеры пестрели зазывными предложениями купить лучшую технику в жизни, белье, соблазняющее даже коматозников, бытовую химию, справляющуюся абсолютно со всеми микробами, включая несуществующих.

После болезненного отвержения неродной планеты ностальгия вновь болью отозвалась в груди.

Спутник шустро выскочил из авто и снова подал руку. Начинаю привыкать! Осторожно Огни! В твоём мире галантных мужчин по пальцам пересчитать, найдешь ли такого — бабушка надвое сказала.

Выйдя наружу, привычно ощутила, как пружинит ярко-кофейная плитка под ногами.

Ал распахнул двери в торговый центр, и мы влились в разношерстную толпу людей и прочих рас.

Любопытно... До обеда далеко, откуда столько народу, не работающего в самый разгар дня? Плевать! Какое дело до здешнего распорядка жизни? Я же тут проездом!

В трехъярусном здании бутики размещались кольцами, вокруг пяти центральных эскалаторов и четырех лифтов.

Магазины «для всех» перемежались с зазывавшими конкретных сверхов, декорированными самобытно, с ассортиментом в том же духе.

Те, на чьих вывесках значилось «Все для верберов», антуражем напоминали «Пещеру Валькирий» и изобиловали рубашками с джинсами, вроде беарновских. Оформление бутиков для канов не сильно отличалось, зато богатейший выбор трикотажа, тончайшего хлопка, льна, кожаной обуви поражал воображение. От одного вида «лисых» рябило в глазах — все цвета радуги и миллионы оттенков, самые причудливые фасоны.

Брюки в форме шара, чем-то сродни клоунским, ало-оранжевые платья, на манекенах,

напоминавшие ленты, узорно обвитые вокруг фигуры и свободно свисающие вместо подола. Сумасшедше-розовые сапожки на платформе с задником в форме лисьих ушек и прозрачным каблуком, под ярким светом ламп бликующим перламутром.

Отделы с надписями «рекомендуем ледяным» восхищали элегантными, изысканными и ладно сшитыми вещами. В человеческих было всего понемногу, точно разные смертные обладали вкусами абсолютно разных народов. Или стремились подражать сверхам?

— Ну и как тебе? — Ал коснулся руки, вырвав из размышлений. Вздвогнув от неожиданности, открыла рот, чтобы ответить. Но слова застыли в горле, мышцы одряблели, ноги подкосились, мгновенно вспыхнувшая мигрень сменилась путанным сознанием. Я начала плавно оседать, и чьи-то сильные руки ловко подхватили сзади. Последнее воспоминание — дезориентированный Ал, с искренним удивлением на лице заваливающийся навзничь без каких-либо видимых травм или ран.

Хрип ледяного и мой стон теряются в гуле торгового центра.

Мир опрокидывается, люминесцентные светильники и яркие вещи режут глаза, слезы боли льют по лицу. Силюсь закричать, взмолиться о помощи, но язык окаменел, горло чужое, веки не закрываются. Беззвучный вопль звенит в одурманенном мозгу.

Ненавижу этот проклятый мир! Домой! Как же хочется домой!

19

Спасение из ниоткуда

(Огни)

Мгновение — и мир исчез, будто стертый ластиком. Сознание до краев заполнило мрачное безмолвие. Глаза застил молочный свет, и как ни жмурилась, ни моргала, резь и боль не прекращались. Впечатления напоминали, испытываемое при взгляде на ослепительно-яркую лампочку. Только отвернуться не представлялось возможным.

Бух-бух-бух! Сердце выдало несколько резких ударов и... начало замедляться. Осязание пропало, точно очутилась в вакууме. В пустоте, белой-белой. Сверкающей.

Каждое движение давалось титаническими усилиями. Тело не слушалось, будто неделями истязала себя тренировками и мышцы истощились. Пульс уменьшался, и уменьшался... Голова опустела, гудела, трещала. Верх и низ перестали существовать. Грохот впереди, крики звучали отголоском чего-то очень далекого, нереального.

Пришло движение. Меня, подвешенную на животе, несли куда-то, поспешно, хаотично меняя направление. Голова и грудь бились о чью-то плоть, ноги сковала железная хватка сильных пальцев. Вспышка... Вспышка... Вспышка...

Сколько это длилось, не знаю. Для меня — вечность. Но в один момент зрение начало возвращаться, а вместе с ним остальные ощущения. Я обессиленно лежала на земле, в лесу... Колоссы-деревья, стройные, но вместе с тем кряжистые сомкнули надо мной густые кроны. Развеселое солнце пронзало их секирами лучей. Черт! Я же рядом с кварталом канов. Я видела эти чащобы, когда искалеченная Стелла привела к информации об экзекуции.

Какая жесткая трава. Пошевелиться толком не удавалось. Движения получались медленными, плавными, как в густой жидкости. Несколько тщетных попыток приподняться на локтях закончились резкой болью во всем теле и пляшущими кружочками перед глазами.

— Давай уже! Жду! — звонкий голос, подобный хрустальному звону колокольчика,

раздавался справа и сверху.

Угольные шелковые брючины и шикарные лакированные туфли того же цвета маячили рядом с лицом. Ценой невероятных усилий запрокинула голову, разглядев похитителя.

Гент. Высокий, стройный, атлетически сложенный. Еще одна мечта фотографа женского журнала. Ясные голубые глаза, светло-золотистые кудри сказочного принца здорово сочетались с перламутровой шелковой рубашкой свободного кроя.

Лицо, чуть удлиненное, с треугольным подбородком, черты острее, чем у Стеллера. Этот гент был определенно старше, хотя морщинки на мраморной коже можно по пальцам пересчитать.

— Девка проснулась! — промурлыкал он в изящную темно-коричневую раскладушку с замысловатым орнаментом на крышке. — Торопись. Чудом схватил! Ал наверняка ищет!

Убрав телефон в кожаную сумочку на ремне, незнакомец одарил вниманием:

— Не смотри так. Ничего личного! Козырь против Неллеха в руках твоего разлюбленного Альвилля. Я планирую вытащить его. И тогда верну тебя.

Звучало полнейшей абракадаброй. С тем же успехом, гент мог пояснять на латыни. Одно поняла — похититель намерен торговаться с ледяным.

— Ал меня едва знает, — голос звучал чуть слышно, хрипло, едва узнаваемо.

— Поглядим. Если просчитался, найду другой способ, — без единой эмоции на лице отмахнулся гент.

— Оставь ее! — рык Тарелла не узнал бы только глухой.

Слегка приподнявшись то ли от адреналинового прилива, то ли потому, что возвращались силы, увидела вождя канов. В уже знакомых растянутых джинсах и футболке. По сравнению с гентом людоед казался горой мышц. Особенно сейчас, напрягшись, точь в точь как обозленный Беарн. Волосы на затылке Тарелла вздыбились, ноздри раздувались. Рассержен тем, что отняли добычу? В мозгу царил сумбур. Сулило ли появление кана что-то хорошее или совсем наоборот — ужоу из огня да в полымя? Происходящее напоминало случившееся в доме Ала. Тарелл снова в опасной близости, а я не могу пошевелиться. Но теперь ни вербер, ни ледяной не выручат. Будь что будет. Мысленно отдавшись на волю судьбы, с каким-то усталым пофигизмом ждала развития событий.

Несколько минут сверхи меряли друг друга взглядами. Гент воззрился свысока, немного насмешливо, как повелитель на раба. Тарелл — презрительно, яростно. Ни дать, ни взять, ахалтекинец против саблезубого тигра.

— Это не твое дело, каннибал! — выпалил похититель. — Иди своей дорогой!

— Я сказал, оставь ее! — земля дрогнула от утробного рыка. Людоед шагнул вперед, расправив крепкие плечи.

— Или че? — гент выпрямился, в руке блеснул широкий нож. — Магия бессильна против жизнеедов, — выплюнул брезгливо, — Но не это оружие. Если попаду в сердце, сдохнешь, вонючая кошка! Жаль, не доверяем смертным. Людишки понаплавили бы пуль, и ты бы на пушечный выстрел не подошел!

Тарелл не ответил, прыгнул — ловко, бесшумно. Повернуть голову не удалось — шея задубела, пришлось раскачиваться из стороны в сторону, чтобы лечь на бок. Краем глаза едва улавливала стремительные движения, мелькание рук, переплетение тел, отсветы клинка. Шипение гента, ровное, четкое дыхание кана смешивались с шорохами леса, хрустом веток, сдабривались обоюдными проклятиями. Черт. Я должна знать кто победит. Родилась и крепла уверенность — Тарелл не обидит, он — хороший, за него нужно болеть.

Непослушное тело никак не желало принять нужное для обзора положение. В глухом отчаянии продолжала. Я не сдамся злему року! Больше никогда! Черета новых рывков спровоцировала второе дыхание. Крутанулась — и вот она, желанная поза. Драку я благополучно «проморгала».

Взору открылся гент, с закатившимися глазами неподвижно распластавшийся на мягкой земле. На лице — гримаса ненависти, тело постепенно обмякает. Из разжавшегося кулака, словно в замедленной съемке выпадает смертельный для людоедов клинок. Тарелл уже на ногах, раздраженно стряхивает свою и чужую кровь с одежды. Ранен, но не в сердце — царапины, не более. Запоздало приходят сведения. Мрорк — особый гентский сплав. Пырни им кана — раны не заживут долго, задень сердце — людоеду конец.

Тарелл рисковал из-за меня жизнью? Не укладывается в голове. Беспощадный вождь дикарей, способных загрызть за нарушение древних законов, готов погибнуть ради пришельцы с другой планеты? Не ведая имени, происхождения, цели, хотя бы расы?

Почему?

Тарелл беззвучно опускается на колени. Совсем близко. Тяжелое дыхание обжигает. Горячее... Частое. Он так сильно ранен? Да нет... Неглубокие порезы заживут не слишком быстро, но ерунда для такого мощного существа.

— Ты как? — выдыхает кан. Голос звучит иначе, чем помню... Бархатистые нотки, мягкие, певучие ласкают слух.

— Слабость, — отвечаю через силу.

Кан нагибается и обнюхивает. Ощущения странные — стыд, неловкость...страх...

— Спокойно, девочка, — большая, горячая ладонь скользит ото лба к затылку. — Гентский яд, не смертельный. Пройдет.

Людоед поднимает меня с земли и закидывает на плечо. Бежит, несется. Аж дух захватывает. Ну, вот как столь грузное существо может двигаться, едва касаясь ногами земли?

Мы вылетаем на трассу. Информационное поле дает подсказку — цель — ярко-алый микроавтобус. Тарелл машет, похоже, водителю.

Рывком отодвинув дверь, заскакивает внутрь, хлопнув тем же макарон. Осторожно кладет меня на лежащее сиденье... Садится рядом.

Легкие кана работают как меха, перегретый воздух паром обтекает мое замерзшее лицо.

— Сейчас, — Тарелл достает с соседнего кресла-койки клетчатый плед, суматошно оборачивает, крепко обхватывает, прижимает. Глаза цвета ночи совсем близко... Да нет же, не угольные, как думала раньше. Радужка темно-темно-синяя. Прозрачная. Черен лишь зрачок.

Тяжелое дыхание людоеда оседает на лице жаром. Он начинает растирать меня. Сильнее, быстрее, энергичней... Крепкие ладони сминают мышцы. Сердце резко оживает, набирает ритм, ноги и руки теплеют. Неприятное покалывание знаменует возврат крови к тканям. Но леденящая жидкость в венах не хочет сдавать позиции. Озноб продирает, вызвав дичайшую судорогу, мгновенно охватывающую тело, стон вырывается из груди.

— Сейчас, потерпи, — уговаривает хищник, ускоряясь.

Силы медленно, но верно вливаются в члены. Руки шевелятся, ноги тоже. Удастся опереться о кресло и, слегка пошатываясь, присесть.

— Хорошо, — Тарелл облегченно выдыхает, неспешно отодвигается, давая место устроиться поудобней.

Аккуратно сажусь, умудряясь полностью выпрямиться. Ура! Энергия почти вернулась! Головокружение ушло, мельтешение перед глазами исчезло, ум прояснился.

Кан придвигается, всматривается в глаза и молчит. Тишина, разряжаемая только мерным рэпом движка, начинает давить. Тарелл по-прежнему тяжело дышит. Он уже не бежит, замер, но воздух с шумом вылетает изо рта.

Глаза блестят. Сияют. Уголки губ приподняты. Это не улыбка, конечно. Некое подобие. Воображение подсказывает сытого, довольного, лоснящегося кота, улыбающегося во сне.

— Ты меня спас? — спрашиваю первое, пришедшее на ум.

Тарелл кивает, все еще не говоря ни слова.

— Куда едем?

Кан хмурится, в голосе слышатся тревожные нотки...

— Пока не знаю. У меня опасно... У Ала тоже. Про нашу причастность пока знает только чертов Камул. Но мало ли... — Тарелл пожимает широкими плечами, — Солнце в зените, — тыкает пальцем в потолок, — Вампиры слабы. Не смогут противостоять гентской магии. Пока побудешь у меня. А дальше надо думать...

— Что я ему сделала?

— Ничего, — кан проводит рукой по плечу, ободряюще поглаживая. — Гентские штучки... Интриги проклятых мальчиков-одуванчиков. Расскажу. Хотя могу поплатиться головой. Да черт с ним! — рубанув по воздуху рукой, с минуту медлит: — Уорл — мразь, похитивший тебя, враждует с Неллехом. Оба короли гентов. Праллар, сын Неллеха пропал три дня назад. Дочь Уорла опоила придурка, и тот почти потерял рассудок. В лесу возле нашего поселения встретил... Чарса... из моего племени. Напал. Этот идиот убил его. Вернее думал, убил. Оказалось, Праллар впал в кому. Чарс прибежал ко мне, повинился. Мы рванули к месту драки, но гента уже след простыл. Нашел его... Стеллер, сын очередного примезрского королька лесного народа. Не будь дураками, генты избавились от тела, считав из мозга Праллара произошедшее. Но кто-то пронюхал, что Стеллер все знает, и папашка сдал его дяде. У того на нейтральной зоне дом с бизнесом. Стало быть, под защитой полиции сверхов. Везли его туда...

— Ал и Беарн! — возглас сам вырвался из груди.

— Да уж, — фыркнул Тарелл — имена явно не вызывали у него приятных ассоциаций. — Взамен хитрецы попросили раскрыть тайну. Теперь получается, мы все повязаны. Уорх до чертиков боится, что Неллех узнает как погиб Праллар... И кто в этом замешан. Хочет выяснить, что известно Алу с Беарном. Пока он в курсе только, что Стеллера переправляли к дядюшке эти двое. Ты была козырем.

Нужно думать... Днем ледяные слабы. Особенно пока солнце в зените. Даже старшенькие Камулы... Почти как люди, если не хуже. Гентская магия не действует на живоедов... Только в такие часы.

— На кого?

Тарелл хищно усмехнулся:

— На тех, кто питается людьми... раньше нас так называли. До легализации.

— На ледяных и канов?

— Да.

— Зачем ты меня спас? — вопрос напрашивался давно, но варианты ответа пугали. Из выгоды? На еду? Остальные фантазии даже мысленно озвучивать не хотелось.

Тарелл пожал плечами, шумно выдохнул. Раз, два, три... Несколько минут

гипнотизировал тем самым взглядом.

— Не мог иначе, — ответил, наконец. — Когда понял, что тебя могут убить... Показалось сдохну на месте. Точно сердце вырвали. Выбора не было. — Кан замолчал, отвернувшись к окну.

...

Пустота в голове. Мысли роятся, носятся из стороны в сторону, не находя покоя.

Быстрые объяснения Тарелла поняла с трудом. Несколько минут уясняла, повторяя в голове, будто магнитофонную запись. Людоед уставился в окно и молчал. Настроение его неумовимо изменилось. Расслабленное тело окаменело, скулы максимально очертились. Пугающе. Боже! Неужто передумал? Бросится? Сил отбиваться нет.

— Да не едим мы другие расы, кроме людей и медведей! — прорычал кан — догадался о моих опасениях по запаху. Информационное поле усиленно подкидывало данные.

Тарелл скользнул взглядом по телу. Черт. Я все еще в спортивном костюме наголо! Плед сполз на колени, очертания груди проступили сквозь тонкую ткань.

Кан сглотнул, облизавшись, глаза потемнели, от улыбки не осталось и следа. Резко отвернулся, закинув ноги на сиденье.

Испуг стиснул грудь. Автобус медленно наполняла энергетика чего-то очень животного. Настолько сильного, что остальные поля просто вытеснило.

Поспешно закутавшись в плед, подобрала ноги, крепко прижав к груди.

— Ничего я тебе не сделаю! — прорычал кан, не оборачиваясь. — Прекрати думать, будто я животное. Я живоед, наполовину зверь, но не безмозглый монстр!

О чем это он? Кулаки Тарелла сжались, скулы заострились, подбородок выпятился. Он шумно втягивал воздух раздувшимися ноздрями. Прерывисто. От пара стекло запотело, но людоед и не думал протирать его. Молчание затянулось на несколько минут. Двигатель опять ворвался в тишину грузным речитативом.

Я ждала. Людоед повернулся вновь. Глаза его светились — жадно, свирепо... Бр-р-р. Мурашки высыпали на коже, понеслись в разные стороны, вызвав мелкую дрожь.

— Он уже брал тебя? — прищурился хищник, игнорируя мою реакцию.

— Кто? Ты о чем? — голос предательски дрогнул. Инстинктивно сжалась в комок, даже живот втянула.

— Альвилль. Клыкастый! — выпалил Тарелл, — Ты ему отдавалась?

— Я? — несколько минут тупо пялилась на кана, грудь которого снова вздымалась как меха. Понимала и не понимала вопроса.

Тарелл жестко, неприлично выругался.

— Не будь такой невинной... кхм.... — его рука скользнула по коленке, медленно... Какая опаляющая! Даже сквозь толстую ткань пледа огонь кана впивался в кожу. Сильные пальцы сжали бедро... Что-то очень хозяйское мелькнуло в жесте. Больно не было. Но, создавалось ощущение, точно людоед заявляет на меня права. Нет! Клеймит как собственность! Вмиг почерневшие бездонные глаза лишали воли. Я съежилась, желая обратиться в призрак — бестелесный и неосязаемый.

Тарелл оскалился.

— Такая невинность с ума сведет! Да не трясись! Не трону! — медленно убрал руку и вернулся к созерцанию пейзажа за окном.

Куда я вляпалась! За что? Почему? Ведь угораздило же! Не хочу оставаться у канов! Не хо-чу!

Я совершенно не понимала этого мужчину. Несколько минут назад он выглядел... нормальным. Рассказывал, обтирал. А теперь... Тело напоминало каменное изваяние, мышцы вздулись, лицо предельно очертилось. Людоед шумно выдохнул.

Грудь опускалась и вздымалась подобно морской пучине в шторм, руки сжались в кулаки. Оставшуюся дорогу кан не проронил ни слова. Однако время от времени угольные зрачки буравили тяжелым взглядом, печатью лежащимся на коже.

...

Поселение гудело. Автобус на всех парах въехал в него и, не сбавляя скорости даже на ухабах, пронесся к особняку вождя.

Не удосужив меня взглядом, Тарелл привычным рывком отворил дверь.

— Идти можешь? — бросил через могучее плечо, выпрыгивая наружу.

— Да, — растерянно промямлила я.

— В дом! — скомандовал альфа канов, все еще спиной ко мне.

Послушно вышла из автобуса. Земля под ногами была непривычно рыхлой. Скорее всего, очень плодородная. Нерешительно шагнула к резиденции альфы.

Тарелл обернулся настолько резко, что я отскочила. Почему раньше не думала о том, что тело едва прикрыто спортивным костюмом? Кан немного пригнулся, будто готовился к прыжку.

Я почти физически ощущала опаляющий зной его тела, хотя нас разделяли несколько шагов. Смоляные волосы Тарелла вздыбились.

— В дом! — рявкнул кан.

Дернувшись от неожиданности, заспешила внутрь одноэтажного коттеджа. Сразу бросились в глаза высоченные потолки и полное отсутствие люстр или светильников. Дом освещали гирлянды лампочек, хаотично развешанные над головой. От округлого холла тремя лучами шли коридоры, точно ребенок начал рисовать солнце, но в середине устал или надоело.

В полупустом помещении с бревенчатыми полами нашлось четыре мягких кресла, плюс несколько стульев.

Мускулистая людоедка в мешковатом холщевом халате жестом пригласила следовать за ней. Индира — сестра Тарелла, подсказало информационное поле. Когда надо из него и факта не вытянешь, а тут сведения лились, словно из рога изобилия. Провожатая скрылась в правом от входа коридоре, я заторопилась следом.

Идира уже ждала, отворив толстую деревянную дверь в одну из срединных комнат.

— Ванная справа, — сообщила без единой эмоции на лице, тотчас проскользнув мимо, в холл.

Спальня. Кровать примерно, как у Ала — никаких излишеств. Тумбочка, два стула. Все. Справа пластиковая дверь в уборную.

В тумбочке пара холщевых халатов, брюки и туника. Размер такой, что хоть дважды оборачивайся. Я вообще в этом мире хоть раз нормально оденусь?

Усмешка немного расслабила, успокоила расшалившиеся нервы. Глупо конечно юморить над собственным положением бесправной приживалки разных сверхов. Сперва ледяных, теперь вот канов. Неизвестно, чем подобное соседство закончится. Поведение Тарелла до жути пугало непонятностью. Не успела удивиться его вежливости, своеобразной заботе, нежности, на людоеда что-то нашло... Надеюсь, придет в себя. Менять дислокацию третий раз за день не очень-то радужная перспектива. К тому же, отдохнуть не помешает.

Ноги заплетались, мышцы ныли — то ли от гентской отравы, то ли от усталости, психического и физического перенапряжения. Нужен тайм-аут. Получу ли его? Кто знает...

20

Чисто женская месть

(Ната)

Мое утро началось с полудня. Не встречала человека, способного провести сутки на ногах и встать раньше. О верберах, канах, ледяных, прочей нечисти не говорю. Они стожильные. Я же — простая смертная женщина, разве только чуть улучшенная версия. Как модифицированный робот — функции те же, только команды выполняет быстрее и детали реже выходят из строя.

На любимом светло-желтом постельном белье уже резвились солнечные зайчики, перескакивая на паркет яшмовых оттенков... Ничто не предвещало беды.

Потянулась, усиленно разгоняя сон. Сколько можно! Пора и честь знать. Мышцы привычно наливались энергией, хотя пустота в голове проходить не собиралась. Такой же чугун бы на место красивой башки Ледлея! Бейсбольную биту в руки и повыбивать любимый ритм на хитромудром темечке! Заслужил!

Нехотя покинув теплую кровать, побрела в ванную — на утренний моцион. Душ, умывание, чистка зубов. Авось пробужусь окончательно...

Приводя себя в порядок, вспоминала события вечера, а скорее даже ночи.

Альпин отвез меня домой. Его выпендренная машина резко контрастировала с дорогими, но куда более строгого вида авто поселенцев загородного коттеджного поселка — обители полицейских нашего подразделения. Основная часть особняков здесь принадлежит гражданским: сотрудникам мэрии, журналистам, политикам невысокого полета. Чуть меньшим количеством владеют судейские и прокуратура. Идея смешать представителей разных служб у рядовых работников спровоцировала бурю недовольства. Еще бы! Не испытываю ни малейшего восторга, встречая по утрам чиновников — расфуфыренных фиф, да смазливых хиляков, подающих себя так, будто весь мир у них в кармане. Полагаю, мой обычно скромный гардероб, вкупе с полувоенными замашками также не доставляют им приятных минут.

Но кому какое дело до подобных мелочей, если затея получила зеленый свет в правящих кругах. Некоторые репортеришки с чинушами тряслись за свои животы из-за соседства со служителями закона, работавшими к тому же с самым неуправляемым и опасным контингентом. Сверхами, порой из очень агрессивных племен. Взять тех же канов. Этим человека убить, что ветку сломать. Про ледяных даже не упоминаю. Массовые истязания, расчлененка, иные прелести живодерства — их второе имя.

Со временем, беспокойных утомили, доходчиво объяснили: где их место, как легко потерять даже его, а поселок зажил большой, дружной семьей.

Расчет идейных вдохновителей несложен и прагматичен.

Атаковать ненавистных служителей полиции сверхов, рискуя навредить какому-нибудь политику или сотруднику мэрии, даже вампирюги с людоедами не рискнут. Бомбежки никто ведь не отменял. Стереть с лица земли племя канов за убийство одного полицейского, типа меня, власти не рискнут. Другие кланы оборотней не придут в восторг от такого решения,

отчетливо уразумев — не ровен час и до них дойдет карающая рука человеческих властей имущих. Логичней упредить, развязав войну первыми. Для себя-то они небось мусипусики... Однако, за покушение на государственных чиновников уничтожение целого народа вполне допустимо. Да, почти геноцид. Но ведь имела место измена Родине! Плевать, что жизни детей, женщин, добропорядочных граждан вместе взятых уравнили с подпорченной шкуркой продажного демократа или прожженного либерала! Идеология!

Короче говоря, мы, и остальные твари дрожащие, за компанию с нормальными вменяемыми жителями поселка, чувствовали себя как у бога за пазухой.

Служебные коттеджи получали лишь полицейские выше сержанта. Прочие селились в общих — по четыре семьи на двухэтажное здание. Число домочадцев значения не имело. Младшие чины могли ютиться в двух комнатах с женами и пятью детьми. Старшие, вроде меня, занимать целый коттедж в одиночку. Хочешь жить по-человечески — дослужись!

Единственная моя соседка — домоуправительница, нанятая три года назад. С тех пор мы стали почти друзьями. Почти из-за того, что мне, видимо из-за специфики работы, сложно представить настоящую дружбу с гражданским. Как говорят — пороха не нюхавшим. Если не доверяешь кому-то спину, какой же он близкий человек? Так, хороший приятель.

Домоуправительница Марго умела все, или практически все. Сварганить африканское, или верберское блюдо — раз плюнуть. За несколько дней превратить хоромы в стиле барокко в апартаменты хай-тек — без проблем. Придумать хозяйке туалет на рокерскую вечеринку — вопрос меньше чем на час. Нарядить для бала в мэрии — и разговора не стоит. Перешить одежду, накрыть стол на несколько десятков гостей, перестелить паркет, вставить рамы, уложить кафель... Любую фантазию Марго воплощала в считанное время.

Другим важнейшим ее достоинством была незаметность, когда она требуется и способность попадаться на глаза при необходимости. Сегодня домоуправительница ждала на кухне, сварганив омлет с беконом и жареными грибами, как люблю. Словно чувствовала, что хочу общения.

Даже удивляюсь, почему Марго до сих пор не замужем. Чего этим мужикам надо??!

Ну да, характер у девушки почти как у хорошего сержанта. От одного ее оклика редкие гости — сотрудники нашего подразделения, заглядывавшие по делу или запросто — тут же стремились отдать честь. Эффект неожиданности усиливал впечатление.

Заходит какой-нибудь удалой полицейский, встречает в дверях тридцатипятилетнюю деву в каком-нибудь очередном коротюсеньком платье стрейч. Хрупкое, немного костлявое, почти эфемерное создание, с треугольным личиком, обрамленным короткими светлыми волосами, словно нимбом, хлопает длинными ресницами. Чуть вздергивает носик уточкой, приоткрывает пухлые, идеальной формы чувственные губы, и, глядя бездонными серыми глазами, рявкает:

— Ноги вытри!

Нервный тик на несколько минут гарантирован, вместе с привычкой, как у собаки Павлова. Вторично навещая мою обитель, знакомец первым делом маниакально рыщет глазами в поисках половой тряпки. Не обнаружив ее, дергается, точно психически неполноценный, мнетя в коридоре, не смея входить в святая святых — идеально убранное Марго жилище.

Но это ж здорово! Для нашего-то брата! Приходит муж со службы, например, а дома все как в участке. Распоряжения, приказы, команды... Не понимают холостые служители закона своего счастья. Может с любимым Марго и вовсе ласковая, нежная кошечка... Пока когти не

выпустит...

Ну да ладно... Удачная личная жизнь — случай редкий, животные из Красной книги и те чаще попадают... Характер, домовитость, прочие достоинства не в счет. Дело везения, не более.

Одна каряга-раскаряга, ноги колесом, грудь впадинкой, а давно замужем за каким-нибудь красавцем. Другая — Василиса Прекрасная, бздгга Премудрая, хозяйственная кукует невестребованной... Судьба.

Дома Марго не красилась, как и я, собственно. Чего друг перед другом демонстрироваться? Мы ж обе обычной ориентации.

На ходу натягивая трикотажную блузку и спортивные треники, сладко вдохнула аромат свежего кофе со сливками.

Кивком пригласила Марго присоединиться за любимым старым прямоугольным столом, доставшимся еще от бабушки. Антикварная мебель, как ни крути. Натуральный дуб. Сейчас таких не делают, а если и делают, то на заказ за такие деньжищи, за которые в пору купить весь мой коттедж с отделкой и меблировкой. Нынче по дешевке собирают мебель из опилок, а то и вовсе из пластика — типа берегут природу... На деле же — боятся гентов как Цунами. Очень не любят короли леса, когда их уголья рedeют. Так ведь и соседей-государей встретить можно. Друг друга мальчишки-одуванчики ненавидят даже больше чем канов, ледяных и людей вместе взятых. В общем, пожелай я продать бабкино наследство — заработала бы нехило.

Стол ваялся для большой семьи, а теперь довольствовался моим обществом и вот иногда домоуправительницы.

Та оценила заспанный вид хозяйки, многозначительно хмыкнув:

— Дополнительное задание после смены?

Отмахнувшись, схватила вилку и ринулась уплетать омлет прямо из сковороды, подвинув тарелку Марго.

— Присоединяйся.

Та хмыкнула, аккуратно наложила себе еды, вооружилась ножом-вилкой, и принявшись неспешно жевать.

— Тяжелая смена? — уточнила после нескольких минут тишины.

— Угу, — я еще раз махнула свободной от вилки рукой, с невиданной скоростью уничтожая завтрак, не в пример домоправительнице. Мол, и не говори.

— Утром звонил какой-то Альпин. Голос приятный, — кусок застрял в горле. Закашлявшись, почувствовала, как Марго стучит по спине. Шустрая домоправительница умудрилась перегнуться через стол, без особого напряжения достав до нужного места.

— Знаешь его, — резюмировала, не отрываясь от занятия.

Прочистив горло, откашлявшись, глотнула свежавыжатого морковного сока и выдавила: — Не то слово.

Марго привыкла к моей неразговорчивости, так что частенько общалась за двоих. Спрашивала и сама же отвечала. Впопад, надо признать. Что делать? Нашему стажу совместной жизни иная молодая семья позавидует... А еще говорят — женщины друг с другом не уживаются... Правда я как иной мужчина — дома бываю редко, притаскиваю мамонта в виде свежавыданных купюр, по телеку бокс гляжу, переключая мелодрамы с удушающим количеством серий, негромко храплю и соплю по ночам. Чем не супруг?

Домоправительница же — настоящая женушка. По дому все делает, как ни приползу со

смены, как ни встану поутру — еда на столе, в коттедже чистота, до блеска. С истинно женской мудростью по поводу мыльных опер не заморачивается. Скачивать из интернета терпеть не может, но там с какой серии не гляди — все одно и то же. Главная героиня либо рыдает в подушку, жалуясь сердобольным подружкам, пытающимся утешить всеми, доступными средствами. Забуриться на дискотеку, всю ночь проболтать о том — какие мужики сволочи. Тема уже классикой стала. Либо — если в сериале период «всеобщего счастья» — целуется с возлюбленным. При первом раскладе герой либо дуется и пытается забыться — тут варианты тоже лимитированы: или с бывшей невестой, которые непременно должны быть у альфа-мачо сериала, иначе какой он альфа-мачо? Или, на худой конец беспробудно убивает печень в каком-нибудь ночном клубе или баре, выглядя так, словно только что из салона красоты. При втором раскладе мечта всех домохозяек показывает чудеса в постели, даром, что не ледяной или кан — про них не снимают из принципа, а потом выходит из душа, позволяя зрительницам упасть в обморок, детально разглядев каждый кубик его пресса.

— Так он хороший или плохой? — поинтересовалась Марго, имея ввиду мою личную классификацию, сбивая с мысли об однообразности сюжетов новомодного «мыла».

Хорошие — те, кто на стороне закона: коллеги, свидетели, добропорядочные граждане. Плохие — нарушители.

Я задумалась, вернувшись к омлету. Альпин... Все улики в пользу непричастности Ледлеев. Увы и ах. Но вот хороший ли он? Помню, Этьен смеялся: мол, делишь мир на черное и белое, а как же другие оттенки? Впрочем, из других оттенков для навязанного помощника напрашивался только красный, бордовый... Наверняка, за ним, как за большинством древних ледяных, тянется длинный кровавый след.

Может и не только кровавый. Из вырванных органов, членов, прочего, что любят отделять от тел вампирюги.

— Так он хороший или плохой? — не вытерпела Марго.

— Плохой, — отрезала я, залпом допив сок, точно в стакане ядреный спирт. — Чего хотел-то?

— Предупредил, что вскрытие готово, анализы веществ с одежды, тела тоже, — собеседница проглотила кусок омлета и закончила: — Грозился заехать в три часа.

— У меня выходной! — возмущенный крик вызвал задорное хихиканье Марго.

— Он обещал денежную компенсацию за выходной, плюс неделя оплаченного отпуска по завершению дела, — как ни в чем ни бывало, домоправительница отправила в рот еще кусок.

Вот, мерзавец! Уже и с начальством договорился! Ну ладно, проклятый вампирюга! Устрою тебе расследование! Уж я-то знаю слабые точки ледяных, даже самых древних! Не зря столько в полиции сверхов оттрубила!

Поспешно закончив трапезу, обратилась к Марго:

— У тебя еще лежит тот корсет?

— Ага, — кивнула домоправительница.

— Давай! Покупаю! Вместе с черным поясом!

По лицу собеседницы расплылась хитрая улыбка, глаза сверкнули.

— Так он вампир?

— Да!

— Не нарвешься? — в голосе Марго промелькнуло беспокойство.

— Я? — возмутилась на эту явную инсинуацию.

Но домоправительница была серьезна как никогда.

— Не дрейфь, — ободряюще подмигнула я, — Во-первых, он древний, один из самых. Во-вторых, я с оружием. В-третьих, со мной Этьен. В-четвертых, мы будем на службе. В-пятых, качественно провести расследование в его интересах. Жизненно важно для семьи ублюдка.

— Кхе... — Марго все еще выглядела серьезной, даже обеспокоенной, — А после расследования?

— Не дрейфь, — повторила я, — Пусть только попробует. Давай-давай вещи! Я созрела!

...

Помимо великолепных поварских способностей, Марго — искуснейшая рукодельница.

Шила одежду, мастерила украшения из кожи, вязала ажурные скатерти. Такие, что закачаешься. Большинство продавались сразу. Но темно-синий корсет с таким же широким поясом под грудь заказчица не выкупила. Забеременела, пополнила и теперь видимо носила хламида-монады. Однажды, изрядно напившись виски, мы с домоправительницей решили померить вещицы на меня. Корсет пришелся точно в пору. Носить подобное не в духе Натали Велес, но чего не сделаешь ради сладостной мести за поруганный выходной!

Марго помедлила пару минут, хлебнула кофе и юркнула в свою комнату. Хозяюшка приехала из далекого поселения, где-то в горах. Почему бежала из родных мест? Понятия не имею! Да и никогда не интересовалась. Работа научила не лезть в чужое личное пространство. Мало ли! Есть свидетели под прикрытием, исправившиеся преступники, начавшие новую жизнь. Да и просто те, кто не жаждет раскрывать тайны прошлого — слишком много оставили позади такого, о чем без слез не вспомнишь.

К тому же откровенность требует сатисфакции. А я на такое ни за что не пойду. Темы о прошлом, родственникам, Родине — табу. Про моего отца, бросившего семью и начавшего долгий путь гулянок по бабам, вспоминать противно. Про маму — больно — умерла с горя... буквально через несколько лет.

Наняв Марго, сразу выделила ей личные апартаменты с гостевой уборной. Ненавижу мыться в одной ванной с чужаками. Теперь-то конечно могла бы, знаю домоправительницу бог весть сколько времени! Однако и так хорошо.

Спустя минут десять, Марго вернулась, всучив запрошенные вещи.

Кожа была мягкой, приятной на ощупь. Шелковая лента, стягивающая оба предмета одежды, поблескивала в лучах полуденного солнца.

Мдя... Заправская проститутка обзавидуется! Ну и ладно! На секретные расследования типа нынешнего, вполне одеваться, как хотим. Главное иметь при себе значок-мутант с удостоверением. Ради мести чертову Ледлею, я бы и в бикини поехала.

Но, думаю, корсета довольно.

Выудив из маленькой сумочки на ремне деньги, протянула Марго нужную сумму. Наряды стоили немало, все-таки ручная работа. Но, сказать по чести, заслуженно. Качество просто ах-х-х... Подержать и то сплошное удовольствие!

Запусти мастерица такое на поток, давно бы уволилась от меня. Но уж больно много времени тратила на каждый шедевр. Два месяца, три, а то и все полгода. Сама придумывала модели, кроила, шила, бисером украшала. В итоге — вещи разлетались как горячие пирожки, но выходили из-под рук Марго в считанном количестве.

Взяв деньги, домоправительница выдала:

— Пеняй на себя! Вампир он и есть вампир! Это все равно, что дразнить кана свежей раной.

— Знаю что делаю. А ты в курсе, что людоеды не едят ледяных и оборотней, кроме верберов?

— Нет, — собеседница искренне удивилась. — Только людей и медведей?

— Аха, — кивнула я. — Долго скрывали, но мы выяснили. Мясо других видов, всех, не пригодно им в пищу. Очень жаль! Сожрали бы пару поселений гентов! Может орден от правительства получили бы, дополнительные права выбили! Не веря своему счастью, власти и на реабилитационный центр для канов, морально пострадавших из-за ношения одежды, отгрохали бы!

Марго расхохоталась. Пока она переваривала новости, я улизнула в комнату для тщательной подготовки мести.

Держись, Ледлей! Ты хотел, чтобы Натали Велес работала без продыху, вытаскивая соблазнительные вампирские задницы из переделки? Получай!

В прямом смысле слова грудью отстою права женщин-полицейских своего подразделения на заслуженный выходной без проклятых сверхурочных! Красивой, большой грудью, подчеркнутой кожаным корсетом.

21

Инстинкты не обманешь

(Огни)

Холод еще бродил по телу, пульс был меньше положенного, движения — заторможенные. Примерно также ощущаешь себя, занимаясь гимнастикой в воде. Пробовала однажды исключительно ради нового опыта, а скорее в очередной тщетной попытке отвлечься от переживаний.

Бесплотные старания ускориться завершались покалыванием стоп, молниеносно взмывавшим до темечка. Наполнив ванну, с наслаждением легла в горячую воду. Боже! Как же хорошо...

Тонус возвращался, энергия врывалась в истощенные отравой клетки. Воззрившись на лазурный потолок с веселым, оранжевым геометрическим узором, расслабилась, отпустив тяжелые думы. Даже толстые выюны с громоздкими аляповатыми белыми цветами на стенах излучали уют, спокойствие.

Желудок нетерпеливо заурчал. Я ведь так и не позавтракала. О чем вообще думаю?! Тут убивают, используют как козырь в до сих пор непонятной игре, а я о еде... Все-таки насколько же здорово, когда силы вновь циркулируют в венах, энергия фонтанирует.

Мир сразу расцветает миллионами красок. Угловатые, плохо распознаваемые фигурки животных на полу представляются самобытным произведением искусства, спартанская обстановка дома кана — аскетично-изысканной. Вопиюще блестящая кафельная отделка уборной — глянцево-богатой.

Потянулась... Мотнула головой. Здорово... В животе повторно раздался неприлично громкий звук.

— Поешь, — в комнату без всякого стеснения зашла Индира. Настолько естественно, что первый порыв закрыться хотя бы руками, быстро отошел на второй план. Людоедка

поставила на бортик ванной тарелку с пышным хлебом, разноцветными плодами, мясом. — Баранина, — уточнила поспешно. Вовремя... Меня уже едва не стошнило при мысли, что это за блюдо.

Индира юркнула за дверь, но спустя несколько минут вернулась со стаканом бледно-розовой жидкости.

— Настойка коры мееха, — сообщила бодро и испарилась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Все-таки придется попробовать местное зелье, жажда напомнила о себе сухостью во рту и горле. На провиант накинута так, что только за щеками хрустело. Ветчина, булка казались верхом кулинарного искусства, неведомые фрукты-овощи — божественными дарами флоры, жидкость цвета фламинго приятной, освежающей. Слегка терпкая, абсолютно не сладкая, она великолепно утоляла жажду.

Покончив с едой, вытерлась, накинута свободную тунику, штаны, подпоясалась черным кожаным поясом, висевшим у изголовья кровати. Крутанувшись возле зеркальной дверцы гардероба, грустно усмехнулась. Одежда висела на мне мешком, а ремень, почеркнувший талию, усиливал эффект «а-ля костюм с большого Ивана».

Села, обдумывая положение дел.

Что предпринять? Уйти пока Тарелл не хватился? Куда? К Алу? За полчаса общения кан рассказал мне больше, чем ледяной за сутки! Почему? В сложившихся обстоятельствах это удивительней всего. Как ни в чем ни бывало, не прося о молчании, людоед поведал свои и чужие тайны. А ведь до нападения гента мы парой слов не перемолвились.

Ни с того, ни с сего, пришло осознание — Тарелл действовал на каких-то инстинктах. Животному требуется лишь минута, чтобы полюбить человека, остаться равнодушным или возненавидеть. Сразу вспомнился мой пес... Громадный кавказец. Щенком, неповоротливым шариком на коротких лапах он по-хозяйски зашел в квартиру, поочередно обнюхал членов семьи и разлегся на моих ногах. Выбрал. Я могла чистить ему зубы, уши, мыть отвратительно пахнущим шампунем от блох. Зверь морщился, поджимал уши и хвост, но терпел. Терпел от любимого человека все. Доверял безоговорочно. Попробовал бы любой другой сделать резкое движение неподалеку!

Каны унаследовали многие повадки четвероногих. Возможно остальные оборотни тоже. Пока информация о людоедах приходила легче и быстрее, возможно потому, что я угодила в их мир, увязла в нем с головой!

Человеческие эмоции вливались в живоедов... слово то какое странное... вместе с инстинктами. За минуты. Увидел, обнюхал, прочувствовал. Забавно.

Могу ли доверять Тареллу? Похоже, да, раз уж его оборотнеевое чутье за меня. Опасен ли альфа? Разумеется! Должна ли переживать за себя? Черт его знает. По-турецки разместила на кровати и медитировала.

— Что за..? — усмешка альфы канов вывела из оцепенения.

Людоед облокотился о косяк, ухмыляясь во весь рот в одной из поз.

— Медитирую... — промямлила я.

— Вижу, — Тарелл лениво согнул ногу в колене. — Пока останешься тут. Свяжусь с Алом и Беарном. Будь они неладны, проблему придется решать сообща.

Кивнула.

Черные волосы вождя канов промокли насквозь, будто он только что нырял. Босые ноги оставляли на полу влажные следы. На свободных холщевых брюках, типа моих, сменивших

джинсы людоеда, проступали сырые пятна.

Обнаженный торс блестел от крохотных капелек. Он купался что ли?

— Пока можешь гулять по поселению, — Тарелл лениво потянулся, — Я всех предупредил. Если хоть кто тронет, даже мизинцем или зенки вылупит, куда не надо, скажешь, — глаза кана недобро сверкнули, поза отдыхающего хищника вмиг сменилась грацией охотника перед броском, — А я пока свяжусь с этими ... недоносками...

Людоед развернулся и двинулся прочь. Дверь в комнату не только не закрыл, даже не запахнул. Оглянулся, пройдясь по мне тем самым взглядом. Жадным, осязаемым, исполненным животного восхищения и затерялся в коридорах, оставив на коже ощущение своего огня.

...

Сколько просидела на кровати не знаю. Не представляла — что делать, куда податься. Уйти от Тарелла больше не хотелось. Его последнее появление, как ни удивительно, стерло страхи, вселило уверенность.

В обществе этого мужчины эмоции зашкаливали, сносили крышу. Ужас сменяло изумление, шок вытесняло спокойствие, непонимание перерастало в инстинктивное доверие.

Будоражило ощущение животного удовольствия, исходившего от кана. Точно одно мое присутствие, близость доставляла ему ни с чем несравнимое наслаждение. Параллель не ахти, но должно быть именно так ощущает себя прирученный зверь рядом с дрессировщиком. Впрочем, разве я приручила Тарелла?

— Хочешь поглядеть на поселение? — Индира как обычно не церемонилась. Надо — вошла, не надо — ретировалась.

— Не знаю... — промямлила медленно.

— Тарелл решит проблемы, — небрежно заявила людоедка так, будто знала обо всем.

— Сможет ли? — пробубнила я под нос. — Он, кажется, собирался звать на помощь Ала и Беарна...

— Пф-ф-ф, — пренебрежительно фыркнула Индира, — Просто они замешаны, насколько я поняла. Тареллу не нужна помощь.

Людоедка говорила о вожде так... словно безоговорочно в него верила. Не ему верила, а в него. Как в бога. С таким не поспоришь. Заметив мое замешательство, Индира выпалила:

— Не понимаю! Как можно предпочесть роль подстилки ледяного, месту альфа-самки стаи!

О чем это она? Я что-то пропустила? Какая еще альфа-самка? Какой стаи? Кто чего предпочел? Пару минут собеседница сверлила меня внимательным взглядом темно-синих глаз, точь в точь, как у брата. На лице ее читалось то ли изумление, то ли непонимание. Наконец, Индира уточнила:

— Ты ведь невеста Ала?

Ну вот откуда она знает? Вчера ледяной придумал это, дабы отвязаться от полиции, а сегодня о наших псевдоотношениях наслышаны все сверхи? У них тут магический канал связи?

— Такое не утаишь.... — хмыкнула людоедка. — Мне сказал кан из другой стаи, а ему — знакомый, случайно услышавший разговор верберов. Те узнали от...

— Беарна, — догадалась я.

Собеседница кивнула и присела на постель, оставив между нами расстояние примерно в

две ладони.

Да-а-а... Быстро же здесь распространяются слухи. Прямо сверх-телефон... От слова «сверхи»...

— Что значит альфа-самка? — так и подмывало уточнить.

— Кхм... ну это... главная женщина племени, — Индира посмотрела вверх, точно вещала о богине. — Она может отменить любое решение вожака... Ты же наверняка уже в курсе наказания Стеллы, раз общаешься с ее вербером?

Информация штурмовала мозг, лилась как из рога изобилия. Уложить все в голове удавалось с трудом, проанализировать не успевала.

Беарн, он медведь Стеллы. Ее возлюбленный, на встречу к которому неосторожная людоедка спешила во время ритуального праздника сородичей. Тарелл узнал... и... Случилось то, что случилось. Вспоминать — себе дороже.

Кивнула на вопрос Индиры, сосредоточенно уставившейся на меня.

— Так вот! Альфа-самка даже такую предательницу могла обелить. Лишь одним своим решением. Ее бы просто поймали мужчины стаи и отпустили.

Та-ак... Альфа-самка могла спасти жизнь Стелле. Хорошо. Поймали все мужчины стаи... Плохо. Но лучше чем так и потом еще мученическая смерть. Тогда почему же каны не выберут альфа-самку? По крайней мере, в интересах женщин племени немедленно бежать голосовать!

— И как становятся альфа-самками? — вопрос застал Индиру врасплох. Несколько минут она пялилась на меня с видом человека, внезапно оглушенного чем-то очень тяжелым.

— Альфа-самка! — повторила, будто это словосочетание должно значить для меня очень многое. — Самка вождя! Женщина Тарелла!

А-а-а-а! Вот она о чем! Да ты тупишь Огни. Тарелл — альфа, его женщина — альфа-самка. Все просто. Так! Минуточку! Когда я отказывалась от этого поста? Вернее, конечно, перспектива стать женщиной вождя людоедов не особенно прельщала, но не припомню, чтобы мне вообще такое предлагали! Индира наблюдала. Выждав некоторое время добавила:

— Тебе надо только отдаться ему.

— Все отдающиеся Тареллу женщины становятся альфа-самками? — удивилась я.

В очередной раз собеседница выглядела контуженной на всю голову.

— Э-э-э... Ты не чуешь его? — осторожно уточнила Индира.

Вот дала! Я что тебе кан? Медведь?!

— Я ведь не оборотень, — нерешительно промямлила я.

— Это понятно... А-а-а-а... — до людоедки, кажется, медленно доходило.

— Любая женщина племени чует Тарелла, когда ты рядом. Он тебя хочет. Не как самку для спаривания, — полагаю, Индира подбирала слова. Для особо одаренных, как я, не различающих особый аромат вождя, чуждых обычаям канов, — Ну как самку для женитьбы. Рядом с тобой он пахнет... любовью... и страстью конечно, — пока я силилась переварить услышанное, людоедку понесло. — Ты вообще уверена, что клыкастый женится? Если Тарелл объявит тебя альфа-самкой, это навсегда, понимаешь? А ледяной... поиграет и бросит. Потом заведет другую невесту. Клыкастые... они не умеют любить... У них за века невест этих перебивало, — Индира крутанула глазами, обводя комнату и замолчала.

Вот так так! Кто бы мог подумать, что услышу о неумении любить Альвиллем и умении — Тареллом. Эта машина для убийств, пыток, жестокостей способна на чувства?

— Ледяные мастерски опутывают красивыми словами, — добила людоедка. —

Манерами околдовывают... А чутье не обманешь. Только самцы его не слышат. И разве не из-за тебя его ранили мроркским кинжалом? Только что обрабатывала раны...

В очередной раз кивнула.

— Он рискнул жизнью, понимаешь? — Индира начала разговаривать со мной как с маленькой, недалекой глупышкой. Не мудрено. Запаха любви Тарелла не воспринимаю, что такое альфа-самка... не подозреваю. Тут любую глупость заподозришь.

— Знаю, — согласилась в попытке прекратить излияния собеседницы. Вообще забавно, если подумать. Тарелл, могучий глава поселения, которого боятся и боготворят. Реально боготворят! Но запах любви скрыть не может! Интересно тут у канов! Жаль, у людей все сложнее! Так бы обнюхали мужчину и сразу в загс...

Ах, Огни-Огни! Нашла время шутить! Сидишь в доме главного людоеда в ожидании, когда три сверха решат твою судьбу, веселясь по поводу всяких глупостей. А цель, ради которой рискнула всем — жизнью, свободой, миром... не приблизилась даже на миллиметр.

— Сейчас не до того, — пробормотала вслух, пытаясь перевести беседу в другое русло.

— Если бы ты только одним словом, жестом согласилась быть альфа-самкой, никто бы тебя не тронул! Знаешь или нет наши обычаи, но за это ручаюсь жизнью, — Индира сделала странный жест. Напоминающий, как Тарзан бил себя в грудь, издавая клич.

— Слушай, а сколько вообще племен канов? — попыталась я вторично уйти от смущающего разговора.

— Ща! — людоедка нахмурилась, подсчитывая, — Только ночных или огненных тоже? — уточнила.

— Всех!

— Тридцать два сейчас, — после небольшой паузы выдала Индира, — В совете вождей Тарелл третий, — добавила, гордо вскинув голову. Мне цифра ни о чем не говорила.

— Огненные это...

— Рыжие большие кошки, — произнесла собеседница тоном, ясно говорящим: «Да тебя учить и учить».

Собственно, нисколько не стесняюсь невежества. Прочитать все из информационного поля невозможно. Сведения собраны там не пойми как, взброс. Порой, настроившись на событие или личность, можно узнать больше, чем хочешь, мельчайшие подробности откопать. Например, какую запонку он потерял гуляя в парке... Или во сколько лет перестал верить в Деда Мороза. Однако часть данных закрыта. Где-то она есть, но пока найдешь, придется перекопать кучу ненужных фактов. На такое могут уйти и несколько дней, и год, и полжизни.

— Индира, тебе заняться нечем? — на пороге комнаты появился Тарелл. Никак не привыкну к его способности бесшумно двигаться.

Людоедка слегка наклонила голову в знак подчинения, как делала Стелла.

— Ты же велел показать госте поселение, — виновато произнесла она.

— И?

Индира проскользнула мимо альфы, сохраняя позу повиновения.

Тарелл молчал, буравя меня тяжелым взглядом исподлобья. Мышцы бугрились под смуглой кожей, тяжелые смоляные волосы распушились, вздыбились.

Кан не двигался и ничего не говорил. Немая сцена тянулась несколько минут.

Взгляд людоеда изучающе бродил по телу, лицу, время от времени неожиданно стреляя в глаза. Выдержать его удавалось с трудом. Я опять не понимала Тарелла. Чего он хочет?

Кан то шумно выпускал из груди воздух, то замирал настолько тихо, что я внимала биению своего сердца. Оторопев, не решаясь пошевелиться, выжидала, нервно комкая холщевое покрывало.

— Ал и Беарн будут через час с небольшим, — густые брови Тарелла сошлись на переносице в мохнатую линию. — Решим, что делать. Всех касается.

— Что делать со мной? — голос предательски дрогнул. Ну, вот как я за считанные полтора дня умудрилась вляпаться в чужую переделку? Всего-то надо было найти Морроха, уговорить, вымолить помощь. Лишившись денег, документов, всего, необходимого для выживания, пришлось довольствоваться подачками сверхов. В итоге, их проблемы стали моими, а мои... Мои наверное уже никогда не решатся...

— Да не с тобой! — не успела глазом моргнуть, тон кана изменился. Стал мелодичным, как в лесу, но одновременно резким, гулким, — С гентами! Ты под защитой! Это не обсуждается! Не забивай голову пустяками.

Ничего себе пустяки! Я не ведала, с кем и где окажусь завтра, проведу ночь, в конце концов. Но главное, чего добиваются все эти сверхи? Зачем помог Ал? С какой стати Тарелл убеждает не волноваться?

Разрыдаться бы в голос — выпустить опасения, тревогу неукротимым потоком соленой росы. Неизвестность давила, сковывала, вытягивала энергию не хуже портала. Сейчас, цель рискованного путешествия, такая близкая, доступная, ускользала, как песок сквозь пальцы. На плечи навалилась тяжесть, безвыходность сковала, забрала недавно обретенные жизненные силы, энергию.

— Чего расстроилась? — кан двинулся навстречу. Стопы его бесшумно перекатывались на гладком бежевом полу.

Не взирая на внешность человека-горы, я давно просекла насколько Тарелл ловок и быстр. Кошка, что тут скажешь.

— Значит не чувствуешь как пахну? — без малейшего перехода сменил тему кан, — Я-то думал...

Еще шаг. Еще. Сейчас от людоеда совсем не исходила опасность. Зной оборотня привычно оседал на руках, на щеках... Везде. Хотя он оставался еще не особенно близко. Ощущения резко изменились. Переживания, боль, вонзившаяся в сердце миллионами игл отпустили также быстро, как накатили. Я вся превратилась в ожидание...

Кан замер. Скользнул взглядом по телу, будто проверяя реакцию на свои действия, в прыжок очутился рядом. Приземлился беззвучно, как и шел, нагло опровергая закон тяготения. Я замерла, чуть отшатнувшись. Кубики пресса людоеда замаячили буквально перед лицом. Тарелл задыхался часто, отрывисто, глубоко. Помимо воли окутывая, пленяя, завораживая сладко припекающей дымкой. На какое-то время ненастья, ужас потери, безнадежность, сковавшие каждую мышцу холодом, пропали. Вселенная сузилась до меня и альфы, прогнавшего этих демонов прочь одним лишь своим присутствием, огнем, штурмующим студеное от переживаний тело.

— Проверим, — без предупреждения кан притянул мою голову к своему животу. — Чувствуешь?

Мой ступор усилился — аж мышцы свело. Опаляющая кожа людоеда едва касалась кончика носа. Кан почти не пах. Должно быть, потому, что из кошачьих. Но теперь аромат его достиг и моего ничтожно слабого нюха.

Терпкий, островатый, очень... приятный. Честно говоря, не люблю вдыхать мужской

пот. Раньше буквально выворачивало наизнанку. Сейчас будто тестировала дорогой дезодорант из мачо-коллекции. Хотелось втянуть побольше, ноздри слегка щекотало, я совершенно разнежилась.

Тарелл отступил на шаг и... расшнуровал брюки. Он что намерен раздеться?

Приспустив мешковатые штаны, кан шагнул вплотную. Я отклонилась, но огромная ладонь притянула голову почти к оголенному мужскому лобку. Сопротивляться не выходило — рука Тарелла — мягкая, но непобедимая, не позволяла.

Закрыла глаза, потому что увидела слишком много. Во всяком случае, в страсти кана можно совсем не сомневаться. Людоед надавил на затылок, и я опять впечаталась носом в его пышущую огнем кожу.

Запах изменился — прорезалась сладковатая нота, сродни очень слабому цветочному аромату... Довольно тонкому. Тарелл шумно выдохнул еще и еще. Отпустив, ретировался, позволяя разглядеть себя целиком.

Черные глаза сверкают, подобно кускам полированного гематита. Налитое, окаменевшее тело само желание.

— Зверям проще, — ухмыляется людоед, — Запахи не обманывают. Не путают красивыми словами, не лгут.

— Я не разбираюсь, — говорю зачем-то.

— Думаешь? — Тарелл исчезает, а спустя несколько минут появляется в дверях, толкнув впереди себя другого кана.

Тот заметно меньше, но достаточно крепок.

— Посмотри на нее! — командует альфа.

Людоед тормозит в нескольких шагах от меня, пара вмиг почерневших зрачков обдают знакомым ощущением нескрываемого вожделения. Ноздри незнакомца вздрагивают, хищная улыбка кривит налившиеся кровью губы.

— Нравится? — оклик альфы заставляет вздрогнуть.

Парень молчит, сопит, старательно изучает пол.

Тарелл наклоняется, резко проводит рукой по его голому животу, близко к паху и сует мне под нос. Миллиметрчик! Все-таки не коснулся... Еще бы чуть... Но ладонь кана останавливается в самое время. Аромат чересчур кислый что ли, насыщенный, утрированный... Инстинктивно морщу нос, не выдержав, отворачиваюсь. Боже! До чего я дошла! Нюхаю мужиков — одного за другим.

Краем глаза вижу — Тарелл небрежным движением руки приказывает соплеменнику уйти. Тот повинует, склонив голову и подставив жожаку шею.

— Теперь разбираешься? — спрашивает альфа стаи, угольные зрачки пригвождают к месту.

Пожимаю плечами. Что сказать? Тело ответило за меня.

Прыжок — и Тарелл снова рядом.

— Свой запах знаешь? — хватает за руку, вдыхает, прикрыв веки. Не всякие изысканные духи так смакуют. — Попробуй, — сует в нос. В каком-то оцепенении подчиняюсь. Аромат солоноватый, напоминающий запах молодых огурцов, разломанных садовником.

Грудь кана вздымается все чаще. Рывок за локоть, и я со всей дури врезаюсь в него. Боже! Какое блаженство! Жар охватывает, пропитывает. Руки, ноги в кои то веки не студеные. В экстазе прикрываю глаза.

Никакая ванна с объятием рядом людоеда не стояла! На считанные мгновения то, что он

делает совершенно неважно, по сравнению с этим всеобъемлющим ощущением. Людям не понять! Аура полу-рептилии не позволяет нам иметь нормальную температуру. Мерзнем, коченеем, всегда, даже удушливым летом. Тарелл согрел, одной лишь близостью, мимолетным касанием. Тепло рванувшее в ладони достигает кончиков пальцев. Потрясающе!

Некоторое время почти не замечаю как людоед медленно водит языком по шее... Вылизывает подобно огромной кошке. Опускается ниже. Воздух изо рта Тарелла парит. Язык поразительно гладкий, нежный скользит по коже, словно прокаленный шелк. Руки вздрагивают, грудь ходит ходуном, спина выгибается дугой.

— Пахнешь... как роса... свобода... жизнь...

С трудом улавливаю шепот Тарелла.

Задурманенный восторгом мозг не способен осознать происходящее. Чересчур давно я не получала жизненно важной энергии. Мускулы поют, натягиваются, обновляются. Дорогущие маски, суперкремы, пиллинги, иные достижения косметологии не сравнятся с тем, что чувствует возрожденная кожа.

Не встретив сопротивления, Тарелл укладывает меня на постель, придавливая исполинским торсом. Его язык настойчиво прижимается к телу, скользит размеренно, попадая в каждую впадинку, огибая каждую родинку. В каком-то забытии от неземного блаженства пропускаю момент, когда людоед рвет одежду прямо на мне. Треск подавленной ткани — и мягкий сгусток возобновляет путь.

Из горла Тарелла рвется урчание... Настоящее, кошачье, ласкающее слух, пробирающее до костей. Мурашки разом выступают пупырышками... Клетки вибрируют в такт утробному звуку.

Ур-р-р... ур-р-р... ур-р-р...

Я еще в омуте эйфории. Никогда прежде не прогревалась целиком. Запутавшись в эмоциях, впечатлениях, не успеваю следить за приливом крови к пальцам, стопам, носу, смутно воспринимаю Тарелла.

Ур-р-р.

Кан уже где-то в районе моего живота. Информация приходит сама. Вылизывание — ритуал между людоедом и его самкой, возможной парой. Как кошки проходятся по себе языком, так поступают каны с собственной женщиной.

Ум слегка проясняется. Достаточно, чтобы осознавать силу возбуждения Тарелла. Смотреть не надо, упругая, твердая плоть все время задевает то ногу, то живот, то еще что-нибудь. В подобные мгновения волна крупной дрожи овладевает людоедом. Он сопит, урчит, пыхтит. На долю секунды останавливается, чуть запрокидывая голову, отстраняясь. Замирает и продолжает вылизывание. Ноги, руки, плечи, бедра... Непоследовательно, алчно, дергано. Судорожно глотает, льнет. Чувствую стремительную пульсацию возле пупка. Тягучая жидкость опрыскивает кожу. Людоед медленно выпускает воздух изо рта, нависает. Зрачки цвета ночи изучают, вдальбливаются в мозг.

— Твой запах... — хрипло рычит кан. — Сводит с ума, лишает воли, забирает самообладание.

Цепенею. Натужно соображаю — что же стряслось. Тарелл кажется тоже. Осторожно встает, подбирает с пола штаны. Когда снял? Дрожащими руками натягивает, с третьей попытки завязывает веревку на поясе.

— Я... Ты, — бормочет нерешительно. — Мы с то... — осекается на полуслове.

Каменеет в чуть ссутуленной, неестественной позе, хмурится, вмиг превратившись из растерянного, смущенного мужчины в потревоженного хищника. В чем дело? Вопрос замирает на устах, потому что кан разряжается чередой грязных ругательств и без объяснений покидает комнату. Полнейшее замешательство вынуждает дернуться следом, но жалобный визг колес возле дома и вопрос Ала:

— Где она? — расставляет все по местам.

Появляется неуместная мысль. Так вот почему Тарелл разозлился в автобусе! Думал, я учуяла запах иотреагировала на его эмоции негативно! Вопрос людоеда — отдавалась ли Алу, фактически означал: «Ты влюблена в Ала?»

Как все запутано! По мнению альфы канов мужчина может брать женщину просто так, в целях наказания, как Стеллу. Бедолагу насильовали многие соплеменники, в том числе и женатые! «Самку» же принуждают — по закону или силой, либо она сходитя с партнером добровольно, по любви. Третьего не дано. Первобытное сознание оборотней не ведает полутонув, впрочем, как и пограничных решений.

22

Корсет — тоже оружие

(Ната)

Прежде чем покинуть свою крепость, бросила взгляд в окно гостиной.

У дверей коттеджа беспардонно красовалась дорогушая машина Альпина. Вчера, окутанная густыми вечерними сумерками она казалась малахитовой. Нынче сияла на солнце чистым цветом, напоминающим оттенок морской гляди, пронзенной рассветными лучами.

Большая, вместительная машина удивляла изяществом, даже изысканностью форм. Гордо выйдя из дома, в вызывающем одеянии — корсете поверх свободной шелковой блузы и узких кожаных брюках-стрейч, ненадолго замерла. Надо ж Ледлею оценить великолепие! Сработало! Альпин высунулся из окна машины настолько, что прохожие могли видеть его широкий кожаный ремень, подхватывающий белоснежную шелковую рубаху с кружевным воротом и рукавами. С минуту глаза его жадно бродили по моему телу. Ледяной не сразу взял себя в руки, изобразив на лице благодушную улыбку. Ну хоть не зря ломала себя, напяливая этот ужас! В жизни больше так не выряжусь!

Красноречивый взгляд Гэссы — соседки-чиновницы из городской мэрии, заставил сжать кулаки. Жаль, дуэли отменили, а кулачные драки с участием служителей правопорядка почти всегда расцениваются как незаконное применение силы.

Грациозной походкой спустившись с крыльца своего коттеджа, Гэсса остановилась, элегантно приподняв ножку, будто разглядывая тонюсенькую шпильку черных лодочек. Неторопливо оправила узкий серый пояс на юбке-карандаше, одернула изумительно сидящий на худощавой фигуре пиджак. Рассчитанным движением руки убрала за ухо прядь платиновых волос, забранных в небольшой хвостик. Позировала Альпину, а заодно краем глаза оценивала мое падение.

Несколько мужчин-соседей буквально прилипли к окнам домов, сияясь получше меня разглядеть. Так и подмывало крикнуть: «Господа! Пользуйтесь моментом. Невиданное зрелище! Ната в роли вамп-вумен. Только за хлыстом сгоняю... Но тогда уж не обессудьте. Как говорится: „Женщина всегда стремиться быть такой, какой ее хотят видеть“...»

Тем временем молчаливое представление Гэссы подошло к апогею. Тридцатипятилетняя, судя по нашим данным, девица изумленно захлопала накрашенными ресницами, чуть тронула щеку ладонью — при более ощутимом касании штукатурка наверняка шмякнулась бы на пыльную дорогу и пролепетала:

— Ната! Да ты сменила имидж? А кто этот привлекательный ледяной?

Непроизвольно приподняв ногу и коснувшись значка, спрятанного в кармашек высоких кожаных сапог, вместе с компактной версией пистолета, намеревалась ответить нечто подобающее случаю. Вроде: «Не говори слишком громко, косметика с лица осыпется. Пожалей дворника, он тональник час будет отмывать, не говоря уже о водостойкой туши».

Если бы не вмешательство Альпина, жители ближайших особнячков стали бы счастливыми свидетелями истинно женской склоки. То-то удивились бы — какие слова знают благовоспитанные питомцы градоначальства.

— Доброго дня, уважаемая незнакомка, — выясняется, чертов Ледлей одним тоном может охладить не хуже ушата льда. Удостоив Гэссу мимолетным взглядом, ледяной уставился на меня так, что уши начали гореть и продолжил свой блистательный монолог, — А теперь, когда формальные приличия соблюдены, я хотел ограничить общение той, за которой заехал.

Вот так дал! Опустить человека ниже плинтуса, не произнеся ни единого грубого слова! Сразу видно воспитание галантных веков, когда даже оскорбляли языком Шекспира и Байрона.

Я думала Гэсса стечет на ровно выложенную подъездную дорогу своего коттеджа. Чиновница побледнела как полотно и молча засеменила к своему алому спортивному авто с тончайшим цветочным орнаментом на дверцах.

Увы, остроумия Альпина хватило ненадолго. Взгляд его упал на то самое место, которое корсет выставлял в лучшем свете. Немертвый умолк, газанул, подъезжая ко мне поближе, еле-еле избежав столкновения с богатым внедорожником районного прокурора, отжавшего самый большой коттедж на нашей аллее.

Черт! Моя полуобнаженная грудь явно сильно снизила прежде великолепную координацию Ледлея. Надеюсь это разовое явление! В противном случае придется ехать по лесу. Деревья хоть в суд не подадут.

— У меня выходной. И раз уже вынуждена все-таки выйти на работу, оделась буднично, — как бы невзначай заметила я, опускаясь на сидение рядом с ледяным. Сверкнув выскочившими клыками и стряхивая несуществующую пылинку с кожаных штанов, Альпин выдал:

— Так вот как одеваются в вашем подразделении в будни, — типа норвил поддеть.

На себя бы поглядел! В нашем веке так только на Хэллоуин рдятся.

— Слышала, готова экспертиза, — не достаивая замечание ледяного ответом, проговорила я.

— Да, но микро-анализы на руки не выдают. Данные вскрытия и предварительного изучения одежды забрал еще утром. Едем в участок за остальным?

— Аха, — я лениво протянула ладошку, как бы давая понять, что готова посмотреть на итоги работы судебных медиков.

Альпин вытащил из ящика стандартную оранжевую папку и вложил в мою кисть.

Позволив ледяному вести машину, поглядывая на меня поверх корсета, сама погрузилась в чтение.

Вскрытие ничего не проясняло. Вообще ничего! Но результаты ошеломляли. Ощущала себя так, будто придя на лекцию по электричеству, про суть явления не узнала ничего. Зато увидела кучу молний, плазменные сгустки, диковинных существ, живущих внутри них и прочую чертовщину. То есть поглазеть стоило, но к цели не приблизилась ни на миллиметр.

Вскрытие делал брат Беллера — Энгус. Когда наше подразделение только сформировали, встал вопрос — как оценивать прижизненное и посмертное состояние необычных подопечных. Сверху не спешили делиться с людьми тайнами собственной физиологии и психологии. Естественно, кое-какие факты бросили — точно кость собаке. Выручили все те же генты. Эти знают об остальных племенах все, ну или почти все. В общем, многие наши судмедэксперты их расы. Однако в спорных вопросах, касающихся гентов тоже, к ним присоединяются люди и волки. Обратни помогают не только как лаборанты, сверхнюх, особая чувствительность к разным веществам делают их незаменимыми при экспресс-тестах.

Вот почему Энгусу ассистировал Верн — вервульф из одной местной стаи. Между прочим, кандидат медицинских наук!

Посмертное исследование показало, что Праллар умер... от внутреннего кровотечения. Вернее умирал... В течение двух суток. Благодаря какому-то редчайшему гентскому эликсиру у принца случился микроинсульт. Энгус описал снадобье как очень сложный и уже почти не применяемый раствор. Прежде нравы его народа мало отличались от обычаев французского двора времен Медичи. Аристократы травили друг друга почему зря, убивая, вводя в кому, лишая разума, личности. Только в отличие от давно смешавшейся с другими расой лягушкоедов, применяли еще и магию. В древности эликсир, следы которого нашли в теле Праллара, использовали для лишения рассудка или частичного затирания памяти. Но при изготовлении зелья с ворожбой что-то напортачили, и оно вызвало у жертвы разрывы сосудов — в мозгу, в животе, в глазах. Благодаря некоторым компонентам отравы убитый не только ничего не почувствовал, но и ощущал себя будто сильно напился. Путанные мысли, галлюцинации — меньшее, что должен был испытывать Праллар.

Самое любопытное — гента вообще архи сложно убить. Если бы любой, ну очень мощный сверх, да хоть сам Моррох, долбанул его по голове, в лучшем случае вырубил бы на пару часов. У этой расы живучесть невероятная. Повреждения заживают мгновенно. Могут в этом с ледяными на скорость посоревноваться. Не будь в крови Праллара злополучного эликсира, инсульт исцелился бы без помощи медиков. Но благодаря особым ингредиентам и энергии раствора, регенерация почти остановилась, а кровь не сворачивалась. И вот этот счастливчик в завершении своих злоключений напоролся на кана, если верить обонянию Ледлеев — в лаборатории скажут точнее. Вероятно, людоед показался генту угрозой — кто знает, что творилось в его затуманенном сознании. Скорее всего, пострадавший напал на кана, а тот, защищаясь, сломал отравленному несколько ребер и костей, как следует, долбанув о дерево. Тут-то Праллара проняло. Кровоизлияние отключило мозг. Вероятно, людоед приписал заслугу себе и потому сбежал с места происшествия.

Короче, Праллара, похоже, убили сородичи, они же замели следы. И, наверняка, они же подкинули тело Ледлеям. Только вампиры имели доступ к гентским снадобьям. Точнее, время от времени выкупали их у хитрецов взамен на свою кровь и лимфу. Жидкости мертвых имеют особые свойства. Слухи, якобы они лечивают любые травмы, болезни, увечья — сильное преувеличение. Но кровь ледяных и впрямь может ускорить выздоровление, убивает бактерии. Генты делают из нее лекарства, превосходящие

ингредиенты по свойствам в десятки, а порой в сотни раз. Кстати, в эликсир для смертных служителей полиции сверхов, также добавляется кровь нежити.

В общем, ледяные вполне могли иметь у себя гентский эликсир. Доказать, что Праллар отравлен именно сородичами, а не Ледлеями, выторговавшими у мальчиков-одуванчиков древний яд, пока не представлялось возможным.

— Занимательно? — вторгся в мои размышления Альпин.

— А? — машина стояла возле нашего участка. Похоже, я настолько погрузилась в собственные думы, что не заметила прибытия.

— Да уж! — выпалила почти на эмоциях. — А где Этьен?

Полагала, напарник встретит нас у входа. Но рыжего вербера нигде не было видно.

— Я вызвал с выходного только вас, — кажется, зря я надела этот корсет. От возмущения такой вопиющей несправедливостью, грудь вздымалась как пенные волны и сверкающие глаза Альпина, вместе с вытянутыми клыками подтверждали это. Называется, отомстила. Терпи! Ненавижу корсеты!

Решительно выбравшись из машины, направилась прямо в пристройку здания участка. На самом деле, наш офис — просто мегакомплекс. Каких только служб там нет! Четерехэтажка, отделанная малахитом, когда-то стоила внушительной дыры в бюджете Аннариса. Надо ж было местечковым чинушам выпендриться. Другие участки возле столицы тоже инкрустированы: гематитом, лазуритом, горным хрусталем, еще какими-то минералами. Все не упомнишь.

Лаборатория, способная по наимельчайшим частицам вещества определить — что это такое и откуда взялось — занимает третий этаж офиса. Весь.

Стены из матового пластика, упрочненного титаном. Как? Генты, куда же без них. В научные аспекты вопроса не вдавалась — только голову забивать формулами, химией, физикой. Я их со школы ненавижу.

Минель Маккрес — глава экспертного подразделения, лейтенант полиции сверхов, уже ждала нас в «обсуждалке». Ну вот как ей удастся, днюя и ночуя на работе, выглядеть точно секунду назад выпорхнула из престижного салона красоты? Щеки румяные, цвет лица свежий, светло-карие глаза лучатся. Чуть пораньше сорока начала бы пить гентский эликсир, вообще было бы здорово!

Впрочем, и сейчас Минель — настоящая королева, ни больше, ни меньше. С ее то статью, походкой — грудью вперед, покачивая бедрами... На наших вечеринках глава экспертов всегда в центре мужского внимания. Трижды разведена, четверо детей, один не от мужей. Давно выросли. Только-только поступив на службу в полицию, незамужняя доктор медицины Маккрес носила первенца. Гентский эликсир остановил ее возраст, и Минель родила еще троих. Сейчас старшему больше тридцати, младший учится в Университете. Последнего супруга глава экспертов бросила лет десять назад. Как-то сказала мне: дескать, мужики достали, ушла «к работе».

Надеюсь, расследование достаточно важное, чтобы лично Маккрес руководила анализами. Тогда данные получим самые точные и детальные.

«Обсуждалка» меблирована стульями, кафедрой, четырьмя креслами и доской, на которой спецы чертят схемы, прикрепляют фотографии. В лаборатории — святая святых экспертного отдела — пускают лишь избранных. Мало ли! Все-таки — там куча дорогуших приборов, ежедневно проводятся сложнейшие тексты, хранятся ценные улики. Чтобы добраться в этот Форд Нокс попотеть придется даже какому-нибудь ледяному, хотя они, в

принципе, на это не способны. Для разминки надо сигнализацию обойти — мириады лучей вроде инфракрасных, только каких-то других, особых — снова генты постарались. Задень один и получишь четверной заряд: морских, серебряных и ядовитых пуль вдобавок к обычной дробе. На все расы управа. Говорят еще какие-то ловушки предусмотрены — но про них ни-ни... Если же какой-то ловкач из местных сверхов умудриться пролезть, только зря нервы и время потратит. Наслышана об особом языке, используемом сотрудниками для внутренних переговоров и отчетов. Говорят, на его изучение годы требуются и то не каждый осилит. Конечно, некоторым сверхам времени не занимать — вечные заразы, но пока, насколько знаю, ни один «посторонний» спецлингвистику не вызубрил.

— Ната привет! — Минель похлопала меня по плечу. — Опять внеочередное расследование?

По больному! Ну да ладно! Глава экспертов не думала поддеть. Вот так вот хочешь человеку посочувствовать от души и — на тебе — ненароком туда плюнешь.

— Да уж! — позволила я себе выговориться, бросив на Альпина многозначительный взгляд. — Надеюсь, отдохну. Вчера двойную оттрубила благодаря этому делу! А утром замечательный сюрприз — меня вызвали, не спросясь!

— Не думал, что это такая проблема, — пожал плечами Ледлей, в голосе сквозило искреннее удивление.

— Еще бы! Вампиры не понимают, что такое работать двойную смену и потом снова выйти! — Минель не церемонилась ни с кем. Будь то сын Морроха, гентский король или человеческий высший чинуша — всем резала правду-матку в лицо. — Девушке отоспаться бы, отдохнуть, а тут вы со своим срочным делом.

Не предполагала, что Альпина вообще как-то тронет выступление главы экспертов, но ледяной хмуро покачал головой.

— Это я и впрямь не подумал! Давно близко не общался со смертными! Моя ошибка. Учту.

Ух ты! Признал неправоту! Он не совсем безнадежен! Зря так злилась! Ну да ладно, болезный, отойдешь и от моего корсета. По крайней мере, еще не совсем потерял для нормального общения.

— Ладно, я тебе сделала укрепляющий чай, — кивнула мне Минель, — А то вон синяки под глазами. Да и бледная, как полотно. Требуй заслуженного отдыха! — глава экспертов окатила Альпина неодобрительным взглядом. Ледяной кивнул. — Ишь, ты! Не совсем совесть потерял, как некоторые клыкастые! — хмыкнула Маккрес. Эта женщина никогда за словом в карман не лезла! Закончив отчитывать Альпина, Минель резко посерьезнела. — Но сначала к делу. Вообще интересные результаты. Сама голову ломаю.

Маккрес кивнула нам на кресла напротив трибуны, привычно заняла лекторское место, спрятав округлые ладони в карманы голубоватого халатика, не скрывающего ни единой прелести фигуры.

Минель плотная, но все на месте — талия, крепкие бедра, грудь. Не столько полная, сколько дородная. Было раньше такое определение «кровь с молоком».

Глава экспертов нетерпеливо откинула за спину толстую темно-русую косу, по пояс. Между прочим, нынче жуткая редкость! Заправив за уши непокорные локоны, выбившиеся из прически, Маккрес выглядела серьезно, не взирая на курносый носик, придававший простым чертам лица задорное выражение.

— Как вы уже знаете, обувь гента предусмотрительно сняли — пытались замести следы.

По микрочастицам на сапогах, чаще всего принцы носят именно их, выяснить, где побывал пострадавший — раз плюнуть, — начала глава экспертов. — Но на одежде все-таки кое-что обнаружилось. Судя по пылице лилий, Праллар сначала изрядно погулял по гентским лесам, правда, конкретно в каком поселении, неизвестно.

— А что в других местах лилии не растут? — удивилась я.

Минель покачала головой — мол, эти невыспавшиеся такие нетерпеливые.

— Генты вывели особый сорт лилий. Почти не пахнут, цветы размером с обеденную тарелку. Больше у нас нигде не культивируются — рост поддерживается магией, ничего не попишешь. Вместо удобрений садовник каждый день дает растениям нужную энергию. Таким образом, Праллар изрядно погулял по угожьям гентов перед смертью. Пыльца была всюду — на теле, в носу, на клочках одежды.

— Дак, может, просто дома был, — предположила я.

— Не-а! — хихикнула Маккрес, — Возле дворца Неллеха лилии не растут. Да вообще около королевских замков нет их. Обычно цветы высаживают в оранжерейные угожья. Да, на царской земле. Но не рядом с замком. Далее, Неллех утверждает — сын пропал утром. Цветы же раскрываются после обеда. Получается, Праллар навещал клумбы уже после исчезновения... Как ни крути.

Минель при желании стала бы отличным детективом.

— Затем нелегкая занесла отравленного в лес, возле территории канов — их прежние охотничьи угожья, — продолжала Маккрес. — А вот как потом очутился у Ледлеев под окнами... Ума не приложу. Энгус кстати, с помощничком волком, заверяют, и просили передать вам, по большому секрету — тут не обошлось без гентской магии. Ибо одежда и тело погибшего очищалась с помощью особого энергококона.

О как! Это что-то вроде временной энергосверюшки, целиком и полностью преданной создателю. По его поручению штуковина одни вещества поглощает, другие оставляет. Генты мастаки на такие вещи!

— Вот и все, что удалось выяснить. Теперь дело за вами, — Минель без предупреждения вышла, но тотчас вернулась с темно-оранжевым стеклянным бутылечком.

— Держи, сама заваривала, — всучила мне сосуд. — До встречи, работы много. — стремительно покинула помещение.

Эх, Ната! Слушая отчет эксперта очередной уже раз пожалела, что нацепила туалет, достойный улицы красных фонарей. Альпин постоянно отвлекался, тупил и вообще выглядел рассеянным. Ну где его внимательность? Где талант читать по лицам, поражавшая вчера? Где аналитические способности, почти как у моего любимого Шерлока Холмса? Мужики! Неважно какой они расы, какими сверхвозможностями обладают, сколько оттрубили веков! Гормоны в голову — соображалка долой! Ната, зря ты с ним так!

Ладно, сама проанализирую.

Итак, траванули Праллара однозначно в родных пенатах. Но не во дворце и после неожиданного исчезновения.

Далее он, в полумертвом угаре добрался до леса канов. Убивать людоедам запретили, но бродить в зверином обличье в местах «былой славы» разрешили официально. Здесь полудохлый принц — к тому времени инсульт привел к необратимым разрушениям мозга — наткнулся на оборотня. Скорее всего, из стаи Тарелла. Чуть поодаль раскинулся людоедский квартал Медраса. Но те бегали в другом лесу, лишь изредка появляясь на бывшей территории соседнего племени.

Лично я не верю в такое совпадение как прогулка погибшего в угодьях собственной расы и гибель от ее же зелья. Тут белыми нитками шито! Но доказательства! Вот то, чего пока катастрофически не хватало. Данные вскрытия не снимали подозрения с Ледлеев. Да, кидали тень и на гентов. Но не более того. К тому же, любой суд будет ставить на весы два факта. Данные вскрытия, убедительно доказывающие, что Праллар, незадолго до испития эликсира гулял в генстких лесах и обнаружение его тела, прямо под окнами замка клана Морроха. Что перевесит? Неизвестно! Оба факта убийственные и очень весомые.

И генты и ледяные выглядели одинаково виновными. Людоедов же вообще могут выставить соучастниками. Куда качнутся весы Фемиды предсказать невозможно. Придется рыть носом землю, обеляя чертову семейку кровососов, а заодно проклятых голозадых канов. Вот такая у тебя Ната, задачка!

Понятное дело, семья Морроха влиятельная как никто в нашем мире. Но ссориться с гентами смертные власти не станут ни при каких обстоятельствах. Уж больно выгодно с ними сотрудничать. Да и воевать страшно. Ну вы понимаете! Заклятья, проклятья, магия энергий.

Выглядит она не так эффектно, как в древних фильмах ужасов — никаких огненных шаров, сияющих стрел, летающих швабр и прочей дребедени. Зато действует безотказно.

Говорят, когда сверхи с людьми только-только начинали переговоры о полной легализации и мирном сосуществовании, генты ясно показали — насколько круты. Просто стерли с лица Земли два Японских острова. Вот так вот! Были острова и нет их. Нет по сей день. Куда делись? Неизвестно. Никаких следов человеческие власти так и не обнаружили.

Подводные экспедиции камня на камне не нашли.

С таким не поспоришь. Не хотелось бы заставлять смертное правительство выбирать между ссорой с кланом древнейшей нежити, возглавляемым неандертальцем с невесть какими возможностями и гентами с их колдовскими примочками.

Выход один — распутать дело, предъявив железные улики и неопровержимые доказательства, чтобы убийце оставалось лишь покаяться, слезно моля о пощаде. Вот повезло то! И все это свалилось на мою голову! За что, спрашивается? За годы верной службы!

Разумеется, допросить гентов надо, даже очень. Но для начала стоит выяснить побольше. В итоге, как ни крути, все упирается в людоедов.

Но и тут не все гладко. О да, эксперты нашли вещества с шерсти человекокошки. А толку? Не будешь же проверять всех канов без исключения? Да и кто даст? Конечно, попытаюсь навести шорох, попугать, взять на понт... Но... шансы минимальны. Эти полузвери сообразительнее, чем кажутся. Тем более вожди. Тарелл, например. С виду — громила громилой. А поговоришь с ним... понимаешь — действительно, людоеды выбрали альфой не только сильнейшего, но и умнейшего.

К тому же, ну найду я кана, долбанувшего Праллара! И что дальше? Вряд ли он знает об истинной причине смерти принца и уж тем более о том — кто его опоил. Не думаю, что людоеды подкинули тело Ледлеям. Явно не их рук дело.

Больно удачно упал мертвый принц. Вряд ли кан способен «метать» трупы столь метко. Точно под окном и балконом шестого этажа замка. Будто Праллар свалился именно оттуда.

Хотя-я-я! Если людоеды не в курсе истинной причины смерти, это может сыграть на руку.

Выйдя из участка, я остановилась возле машины Альпина.

Ничего не попишешь — сегодня ледяной бесполезен. Серо-голубые глаза светятся, клыки саблями торчат из приоткрытого рта, взгляд блуждает по моему телу. Думаю, ему сейчас не до расследования. То же мне помощничек! Впрочем, сама кашу заварила. Значит, и расхлебаю сама.

Поправив ненавистный корсет, решительно шагнула к авто.

— Вези к территории Тарелла. Там схожу, поговорю, а ты жди в машине, — постаралась изъясняться как можно менее командным тоном. Мало ли! Древний! Да еще и озабоченный сейчас! Обидится, не дай бог! Мужики как дети! Что тридцати, что двухсот, что тысячелетние. Сколько Альпину не знала, да и не особо задумывалась.

— Идешь на допрос? — рассеянно уточнил вампир.

— Да, начну с канов. С ними проще, хоть какой-то рычаг давления. Почти уверена — в племени Тарелла кто-то замешан. Не знаем, какой гентский королек решил устранить Праллара. Всех десятерых не вызовешь. Значит, пока людоедов расшевелим. Авось чем помогут с перепугу-то.

Альпин сел за руль, и мы рванули в оговоренном направлении. Ну хотя бы канам плевать на мой корсет. Живоеды вообще голыми ходят, как только представится случай. Такая мелочь, как красивая полуобнаженная грудь их уж точно не смутит. Вперед, на мины.

23

Момент истины

(Огни)

Все еще немного в ступоре суматошно окатилась душем. Горячие струи заскользили по телу, прямо как... язык кана. Дрожь пронзила насквозь. Не пресловутые мурашки — вибрировала каждая клетка, запоздало отвечая на грезы о ласках Тарелла.

Прозрение свалилось точно снег на голову, абсолютно несвоевременное, а, главное, шокирующее. Я не знала, хочу ли смыть телесные воспоминания о прикосновениях людоеда, избавиться от ощущения опаляющей влаги на животе, или продлить их...

Ужас! О чем думаю? Нашла тоже время и место!

Огни, дорогая! Приди в себя! Ты в чужом пространстве не ради поисков личного счастья! Что такое радость сближения по сравнению с всепоглощающей пастью смерти? Что такое зыбкий шанс на отношения с мужчиной по сравнению с возможностью опять увидеть, обнять, прижаться к родному существу, подарившему мне жизнь?

Сколько было мужчин в твоей жизни, Огни? А мама одна... и сколько бы лет не миновало, слово «была» к ней по-прежнему нет сил применить.

Мысли о событии, приведшем меня в мир кана, отрезвили, сродни ушату студеной воды. Нет, пожалуй, даже ледяному граду, чувствительно молотящему по темечку. Сладкое томление, смущение, замешательство угасли быстрее костра под беспощадным цунами. Боль оглушила, заставив сжаться, бессмысленно кутаясь в огромное желтое махровое полотенце, сорванное с гвоздика в ванной...

Почему-то отчетливо вспомнилось мамино полупальто... на вешалке... спустя несколько дней после страшного события. Ложась в больницу в последний раз она попросила унести его домой ... Зачем? Точно что-то подозревала...

На горло будто удавку накинули, медленно стягивая и одергивая назад. Страдания

мириадами шербатых осколков вгрызлись в плоть. Мамино пальто, которое больше никто не наденет... Хранящее тепло любимого человека, платочек в кармане, несколько мелких червонцев... С подвернутыми рукавами, потому, что они казались маме слишком длинными, с крошечным пятнышком у ворота — как-то неудачно ела мороженое...

Капля сорвалась с ресницы. Непонимающе следя за тем, как она расплющивается на полу, обратила внимание на... три куса толстого кожаного ремня, недалеко от кровати. Ничего себе! Это ж какую надо иметь силищу, чтобы от одного рывка такой поясище разлетелся на ошметки?!

Глупо, но открытие мгновенно вернуло к действительности, не дав погрязнуть в пучине бесполезной депрессии.

Соберись, Огни! Там, снаружи, сверхи выясняют отношения! Сверхи, от которых зависит успех миссии, выживание на чужой планете! А ты тут квашня-квашней! Рыдать в подушку могла и дома! Это у тебя и там великолепно получалось!

Аккуратно повесив полотенце на спинку стула, поспешно надела свежую пару льняных вещей, таких же, как раньше.

Грудю бесформенных тряпиц, оставшихся от прежних рубашки и брюк, сгребла с пола, старательно запихав в квадратное мусорное ведро под ванной. Почему-то жгучий стыд мириадами булавок колот щеки при мысли о том, что ... это... кто-то увидит. Даже Индира.

Покопавшись в тумбочке, извлекла нечто вроде кушака, повязала на талии и вышла наружу.

Недалеке от коттеджа, подбоченившись, возвышался Тарелл. Напротив него, широко расставив ноги — Ал. Справа от обоих лениво облокотился о статую Беарн... Казалось, вербер просто ждал, когда эти двое выяснят отношения, не собираясь вмешиваться. Странно. Я полагала, что медведь первым кинется на людоеда, попытается отомстить за Стеллу...

Однако, Беарн либо очень хорошо себя контролировал, чего прежде за ним не замечала, либо... понимал Тарелла?

Боже... В этом мире столько вещей, не укладывающихся в голове... Неужели со временем есть шанс научиться эмоционально не отторгать творящееся, не поражаться до глубины души...

— Я забираю ее! — прервал ледяной мой измышления.

— Попробуй! — утробным рыком ответил альфа людоедов.

— Канское отродье! — выплюнул немертвый. — Огни — не твоя игрушка. Она моя невеста! Так что заткнись и отдай ее!

— Она не была твоей, значит, тебе не принадлежит! Пошел ты! — кан дополнил фразу очередным витиеватым ругательством.

Не успела глазом моргнуть, забияки бросились друг на друга.

Драка сразу привлекла внимание остальных людоедов. Еще недавно они сновали туда-сюда, занимались своими делами, абсолютно равнодушные к пререканиям Тарелла с ледяным. Теперь же многие остановились, сосредоточившись на поединке вожака с немертвым. Треск холстины — и уже не человек дерется с Алом, а гигантский черный кот... Нечто среднее между тигром и пантерой. Мощнее, крупнее второй, но гораздо изящней, гибче первого. Раньше не доводилось видеть Тарелла в звериной ипостаси. Красота, невероятная грация зверя сочетались с опасностью, фонившей от него за версту.

В памяти всплыл людоед, спугнутый Алом и Беарном при нашей первой встрече. Сказалось ли особое отношение, или еще что, но тот душегуб запомнился чересчур грубо

скроенным, нескладным — переразвитые плечи, тощие по сравнению с ними задние ноги, гипертрофированные челюсти. В Тарелле же все было гармоничным, ладным, совершенным. Каждый изгиб восхищал, околдовывал.

Челюсти кана сомкнулись на руке Ала, и тот отдернул ее с легким вскриком. Угольная кошка толкнула вампира лапами в торс, и, повалив, запрыгнула сверху, вжав в рыхлую землю. Вроде бы Тарелл одолел противника. Но ледяной одновременным толчком рук и ног сбросил с себя оборотня. Кан пролетел несколько метров, приземлившись точно на лапы. С рыком, от которого я вздрогнула, рванул на Ала. Шмякнувшись грудью, оба покатались по мягкой земле, превратившись в клубок тел.

Некоторое время не могла разобрать — кто кого бьет, не успевала поймать движения двух суперскоростных гладиаторов. Для меня они слились воедино — громоздский цветной многоугольник — живую картина Пикассо, увеличенную в разы. Но каны, похоже, отлично различали — что происходит, судя по возгласам: то восхищенным, подбадривающим, то беспокойным, встревоженным.

Близстоящие людоеды постоянно оборачивались ко мне, будто ожидая заметной реакции. Однако, никто не задал ни единого вопроса.

Я же впала в полупрострацию, затерялась в накативших эмоциях.

Дышать вспоминала лишь, когда голова начинала предательски кружиться, ватные ноги едва двигались, пульс скакал, как жеребец, обходящий других на скачках. От бесполезного натужного всматривания в переплетенные руки-ноги сражающихся веки жгло, затылок и шею тюкало.

Драчуны не думали останавливаться, расцеплять хватку. С трудом уловила руки Ала, вцепившиеся в мохнатую шею кана. Укол в сердце, дернувшиеся плечи — опять тело отвечало за меня. Если разум отказывался выбрать сторону, эмоции, инстинкты делали это за него.

Умудрившись заметить, как через несколько минут ладони вампира пропали с горла Тарелла, не сдержала вдоха облегчения. Победный рев людоедов вторил мне.

Альфа канов не должен пострадать — мысль отчаянно билась в голове, в унисон с торканьем под ключицей. Алу серьезных повреждений тоже не желала — ледяной выручил меня, взял под защиту без всяких условий.

Только бы оба остались целехоньки!

Не помню, сколько времени шла стычка. Ноги затекли от натуги, ужасно хотелось сесть прямо тут, на редкую траву. Тарелл же с ледяным прямо-таки склеились, черт их возьми, сравнив с землей уже не один квадратный метр и без того негустой зелени. Не выдержав, подошла к Беарну, невозмутимо следившему за бойней в прежней вальяжной позе. Он вообще шевелился? До ужаса хотелось залезть в голову медведя, а еще лучше в сердце. Почему он не жаждет мести за возлюбленную? Или рассчитывает, что друг как следует покалечит вождя канов? Пока в это не очень верилось — весы поединка качались, но куда чаще в пользу людоеда.

О чем только думаю? Сейчас не это главное!

— Может разнять их уже? — уточнила осторожно.

— Он тебя, правда, спас? — недоверчиво пробурчал вербер, кивая в направлении клубка тел.

— Да, если бы не Тарелл не знаю что было бы, — намеревалась говорить спокойно, безэмоционально, вышло же горячо и порывисто, — Гент отравил меня, собирался куда-то

забрать...

— Ал! — от грозного рыка медведя некоторые людоеды заметно напряглись, тревожный гул прошелся по толпе, — Тарелл спас Огни. Ей выбирать. Успокойтесь и ведите себя как цивилизова... как люди, короче.

Что? Надо было только рассказать про лесное приключение? Огни, да тебе учиться и учиться! Столько времени, затаив дыхание, не зная куда себя деть, ждать окончания поединка, когда можно было прекратить все давным-давно!

На реплику медведя, задиры чуть замедлились, но ни один даже головы не повернул в сторону Беарна.

Людоед с размаху ударил Ала по лицу когтистой лапой. Шея ледяного хрустнула, на щеке выступили четыре бордовых полосы. Он на несколько минут замер, словно робот, у которого внезапно сели батарейки. Переживания не сбили меня с ног лишь благодаря все тому же медведю — его полное равнодушие, ясно говорило — травмы друга не настолько страшны, как выглядят.

Тарелл отскочил, стремительно обернувшись громилой со сверкающими зрачками цвета воронова крыла.

Фильмы, романы внушали мне, насколько процесс болезненный, грязный, кровавый. Воображение рисовало ломающиеся кости, выкручивающиеся суставы, крики, стоны, ошметки плоти, шерсти, бог знает чего.

Ничего подобного! Процесс оказался завораживающим, чистым, своего рода волшебным. Морда, лапы, тело кана менялись одновременно, будто в компьютерной обработке, пока людоед не встал с земли абсолютно голым.

Нисколько не смущаясь этого обстоятельства, замер, с ухмылкой превосходства следя за восстановлением ледяного. Спустя несколько минут Ал «включился», чуть приподнявшись на одной руке, другой вправил себе шею. От хруста меня аж передернуло. Вампир осторожно качнул головой вправо, влево, вперед и медленно поднялся на ноги.

— Вообще я думал, мы обсудим гентскую проблему, а не гладиаторские бои учиним, — съязвил Беарн.

Неужели, кроме меня никого не смущает, что Тарелл совершенно обнажен?

— Сначала решим, с кем останется Огни, — выпалил кан, шагнув в мою сторону. Ал повторил его жест — и вот уже два исполина стоят передо мной, сзади Беарн. Сверхтиски, дергаться бесполезно.

Невероятные изумрудные глаза Ала и не менее удивительные густо-синие — Тарелла сверлили, не мигая. Ценой немалых усилий поборола стойкий порыв немедленно зажмуриться, беззвучное давление мешало связно мыслить.

— Я... не знаю, — выдавила из себя и сорвалась на истеричный вопль. — Слушайте, честно, я тут всего двое суток! Ничего не соображаю! Потеряла вещи, документы, ценности. Совершенно запуталась! То нападают, то спасают, то похищают! Может, наконец, кто-то даст мне хотя бы осмотреться? Сориентироваться? А?

— Тебе есть куда пойти? — непривычно тихо поинтересовался Тарелл.

— Нет! — взвилась я. — И объяснять почему не собираюсь! Не сейчас! Не здесь и не перед всем племенем!

Кан обернулся к любопытствующим сородичам, плотным кольцом обступившим нашу четверку. Беззвучно те бросились к оставленным делам.

— За мной, — глава людоедов развернулся к дому.

Дальше холла гостей не повел. Небрежным жестом указал на грубо сколоченный деревянный диван, продолжая возвышаться посреди комнаты. Беарн и Ал тоже не спешили дать ногам отдых. Я медленно обошла сверхов, расположившись в кресле с высоченной спинкой. Тарелл хмыкнул, ледяной покачал головой, на лице вербера ясно читалось одобрение, полуулыбка скривила жесткую линию губ. Мол, так им и по тому же месту.

Наконец, гости поселения все же опустились на диван. Хозяин жилища взял стул, разместившись между мною и друзьями-сверхами.

— Может, оденешься? — нахмурился Ал, глубокая морщина разделила гладкую, почти юношескую переносицу.

Кан ухмыльнулся.

— Смущает? — и закинул ногу на ногу.

— Просто так не ведут себя цивилизованные люди, — не без превосходства в голосе парировал вампир, притворно отряхивая угольные джинсы и серо-голубую футболку, изрядно помятые и раскрашенные буро-зелеными пятнами травяного сока.

Смех вожака людоедов разнесся по комнате:

— Я не человек и не цивилизованный! — похоже, он гордился этим.

Неужто Тарелл всерьез намерен вести беседу голым?

До сего момента почему-то была убеждена — глава поселения оденется, едва переступив порог дома. Считала, людоед красуется перед Алом, ведет себя вызывающе на зло сопернику. Нынче же отчетливо поняла — Тарелл с сородичами относятся к гардеробу совершенно иначе, нежели подобные мне или даже Камулу. Вещи разных фасонов, кроя, брендов для канов не более чем бесполезные, неудобные, сковывающие движения тряпицы. Им комфортно в неглиже, в отличие от обычного смертного, зажато тисками цивилизации и хорошего воспитания.

Стоило невольно понаблюдать за развалившимся на стуле Тареллом, нахлынуло дикое смущение, какого никогда не испытывала. Неуместные воспоминания атаковали с жуткой силой...

Холмики пресса людоеда рядом с моим лицом... терпкий запах, который так и подмывало опробовать снова... Опаляющие касания, знойный воздух, вырывающийся из груди, будто слепленной маститым скульптором... Кан точно уловил направление моих грез... Жадно заглотил воздух, заерзал на стуле, словно искал более удобное положение. Внутренние изменения тела людоеда выдавали его настроение с головой. К огромному удивлению, Тарелла этот момент абсолютно не стусевал. На несколько мгновений, он будто вообще забыл о гостях, предстоящем разговоре, неотрывно вперившись в меня стремительно чернеющими зрачками.

Боковым зрением отметила, как сжались кулаки Ала, нижняя челюсть предельно выпятилась. Беарн откинулся на спинку дивана, ни один мускул не дрогнул на его лице.

Информационное поле, столько времени скупердьяничавшее на необходимые пояснения, сжалилось. Вербер — бета стаи и посему отлично понимал, что вожак канов не мог отменить, смягчить наказание Стеллы. За пренебрежение обычаями предков, без веской на то причины, племя стало бы чем-то вроде кучки изгоев. Каждый людоед из уважаемых общин получил бы право избить, покалечить, изнасиловать, даже убить любого подданного Тарелла.

Не уверена, что права, но не потому ли он так быстро и легко отступился от требования выдать провинившуюся? Тогда, в доме Ала, заметно удивив Беарна. Или я уже ищу

оправдание монстру, которому внезапно начала симпатизировать? Необъяснимо, на уровне инстинктов, шестого чувства, непреодолимого разумом...

Тарелл не обращал внимания на реакцию ледяного, на присутствие медведя, весь сосредоточившись на мне... Дум-дум-дум... интересно какой у меня сейчас пульс? Сто тридцать? Сто сорок? Чувствовала себя одновременно скованной и расслабленной, оцепенев от невероятной связи между мной и малознакомым сверхом. Ал дернулся, набычившись, мгновенно переключив меня с почти физического ощущения близости альфы людоедов на неловкость ситуации.

— Тарелл, пожалуйста, оденься, а? — попросила каким-то чужим голосом.

Кан подался чуть вперед, не переставая гипнотизировать. Чудилось — еще мгновение и он спросит: «Разве тебе не нравится?»

— Пожалуйста... — взмолилась я.

— Ладно, — хозяин дома выдохнул так, что очутись рядом груды листов, они, наверняка, разлетелись бы по всей комнате. Махнув рукой, скрылся в коридоре. Спустя минуту вернулся в желтоватых холщевых штанах, разумеется, висящих мешком.

— Теперь можем говорить? — Тарелл испытующе уставился на меня, развел руками и проворно крутанулся на босых стопах, демонстрируясь.

Пришлось кивнуть.

Вернувшись на прежнее место, кан вновь развалился на стуле, сделав жест Беарну — дескать, начинай.

— Уж лучше я, — посерьезнел вербер. — Вы оба забываете, что мы имеем дело с гентами. Ал, как ни крути, их магия из нас четверых не действует только на меня и Тарелла. Огни вырубили в торговом центре, значит, подвластна штучкам мальчиков-одуванчиков и она. Отсюда вывод: либо Огни идет со мной, либо остается тут. Выбор за ней.

Тарелл с Алом, не сговариваясь, обернулись ко мне. Снова ощущала давление на расстоянии. Они не прикасались, не выкручивали руки, не приставляли нож к горлу или пистолет к виску, не требовали немедленного решения. Тем не менее, безумно хотелось спрятаться где-нибудь, зарыться под землю, только бы не отвечать.

— Слушайте, я, правда, не знаю куда податься, — пробормотала расстроено.

— Откуда-то бежишь, что-то ищешь? Зачем-то ведь пришла сюда! — напирал ледяной.

— Мы не спрашиваем, откуда ты, кто такая. Но здесь с какой целью? Просто найти себе место или есть иная причина? — поддержал друга Беарн.

Вроде бы ничего плохого не сделали, не сказали, но нарастало впечатление допроса в гестапо. Мучители не останавливаются, выхода нет, паника отнимает последнее самообладание. Непроизвольно втянула шею в плечи, обхватив себя руками, скрестила стопы в желании закрыться от посторонних увещаний.

— Чего ты хочешь, Огни? — странно, но последним вопросом Тарелл не добил, напротив, раскрепостил. Его низкий грудной голос, неожиданно открытое выражение лица, а главное тон, напоминающий урчание лающей кошки, прогнали страхи прочь. Сглотнула, успокаиваясь.

Пора принимать важное решение. Что делать? Довериться? Еще варианты? Как планирую убедить Морроха? Как вообще пробраться к нему? Эх, была не была! Черт с вами, господа сверхи! Желание по примеру Тарелла махнуть рукой вылилось в похлопывание ладонью по бедру, привлечшее всеобщее внимание.

— Я... — каждое слово давалось с трудом, язык не слушался, немел. — Понимаю,

звучит бредово, но я из параллельного мира, — замолкла, оценивая эффект.

Слушатели на минуту почти одинаково застыли. Я словно угодила на выставку восковых фигур, детально воспроизводящих знакомых персонажей. Неуютно, жутковато. Звенящая тишина не сулила ничего хорошего. Непроизвольно сведя колени вместе, руки прижав к телу, точно школьница на экзамене, всматривалась в лица нелюдей, от которых, волею судеб, зависело то, ради чего жила последние несколько лет.

— Я что-то такое подозревал, — первым нарушил молчание Тарелл, ободряюще подмигнув. Второй раз самая обычная фраза кана принесла облегчение, радость, заполнившие душу также быстро, как недавние тревога с беспокойством. Людоед подмигнул опять, едва заметно улыбнулся, — Раз пришла, стало быть, зачем-то... Просто так по мирам не скажут... Говори. Слово вождя канов — я тебе это достану.

Поразительно! Из уст Тарелла поспешное обещание не напоминало браваду. Я верила ему с первого слова, хотя людоед даже не представлял — во что ввязывается.

— Не спешишь? — вклинился Ал, сведя брови на переносице, — Может Огни вообще не нужна твоя помощь? Да и не настолько ты могуч, каким хочешь прослыть, — с каждым словом вампир все больше привставал с дивана, походя на охотника, увидевшего дичь и прицеливающегося в нее.

— В отличие от ледяных, я всегда отвечаю за свои слова! — жилы на шее главы поселения вздулись, щеки втянулись. Он начал подниматься со стула, чуть ссутулившись, явно готовясь к прыжку.

— А окончание истории Огни интересно только мне? — Беарн очень вовремя вмешался в беседу, грозящую перерасти во второй раунд боя Тарелл-Ал. В глаза бросились закатанные манжеты красно-синей клетчатой рубашки медведя, еще недавно застегнутые на три пуговицы каждая. Неужели готовился разнимать задир? Проследив направление моего взгляда, Беарн кивнул, то ли сподвигая безотлагательно продолжить рассказ, то ли отвечая на немой вопрос.

— Мне... нужен Моррох... вернее услуга от него... — воспользовавшись тем, что вновь стала эпицентром внимания, сообщила я.

Сверхи пораженно переглянулись. Ал с Тареллом ошеломленно плюхнулись на прежние места. Ручищи медведя упали на бедра, рельеф мышц которых отчетливо проступал даже сквозь плотные джинсы того же цвета, что и у друга.

— Чертов неандерталец? — изумленно пророкотал кан. — И что тебе от него нужно? Кровь? Кусок плоти? Часть тела? Быстро? Много?

Альфа людоедов привык действовать! Почему-то этот полужверь, жестокий, необузданный, садистски расправляющийся с провинившимися, все сильнее привлекал. Его прямой взгляд заставлял сердце трепетать, подобно крыльям бабочки, стремглав улетающей от сачка. Одновременно хотелось спрятаться и не отпускать пьянящий зрительный контакт.

Тарелл подался вперед, подперев голову рукой.

Рассказать остальное стоило огромного труда. Слова вертелись на языке, но на меня напал ступор. Чем больше цель путешествия оформлялась в фразы, тем менее реальной представлялась.

Стук в ушах зачастил, ощущение нехватки кислорода заставило приоткрыть рот, жадно глотая воздух, пропитанный пряным ароматом луговых цветов.

Последний раз чувствовала себя так на мамином обследовании, в ужасе ожидая результата, способного перевернуть жизнь с ног на голову.

— Огни, не бойся, говори, мы тебя слушаем, — старался приободрить Ал.

— Да что бы ни было, достанем, не дрейфь, — грубовато поддакнул Тарелл.

— И правда, Моррох, конечно не какой-нибудь обычный ледяной-столетка, но нас много, за Алом братья, за Тареллом целое племя, придумаем что-нибудь с помощью верберов, — добавил Беарн.

— Правда? — уточнила я, не веря собственному счастью. Тепло разлилось в груди, в животе точно что-то расцветало. Едва сдержала желание ребячески запрыгать от восторга. Неужели больше не одна с моим горем? Неужели помогут?

— Любой заказ, — уверенно кивнул кан. — Но части тела Морроха не будут слишком красиво выглядеть.

Его неказистый юмор помог окончательно сбросить сковывавшие опасения.

— Ух... Ладно. Моррох — единственный вампир в известной Вселенной, которому под силу оживить недавно почившего. Вернее, обратить.

— Ну? — подтолкнул Тарелл. — Кого он должен обратить? Как скоро? В какой клан сунуть?

— Понятно, — кивнул Ал, — Я знал, что умирающие и умершие необратимы.

— Неандерталец неандертальцем, а как скрывает возможности! — во все четыре клыка оскалился Беарн. — И?

Чуть ли не речитативом поведала все без утайки. Слова лились рекой, чудилось — малейшая пауза и не хватит духу завершить повествование.

О том, что мама умерла пять лет назад. Существа, вроде меня, способны путешествовать в прошлое, но очень экзотическим способом — уходя в параллельный мир и возвращаясь в свой, в желаемое время.

План был невероятным, безумным, но очень простым.

Откопать маму после похорон и, сделав вампиром, забрать в иную реальность. Разумеется, первое, что заинтересовало сверхов, почему бы не обратить ее раньше, пока на это еще способен иной древний. Хотя бы кто-то из сынов Морроха — с парой таковых Ал столетия назад завел приятельские отношения.

Пришлось поведать, что аджагары не позволят нарушить временную связь. События не должны меняться. Одно дело, допустим, мой уход из родного пространства вместе с мамой — человек может затеряться. Другое — воскрешение. По словам куратора, такое может повлечь искривление ткани Галактики. Перспектива осталась бы малозначащей страшилкой, если бы не сулила безвестную, скорую гибель государствам, народам, а возможно целым планетам. Аджагары уже сталкивались с похожим. Теперь где-то в другой Вселенной ширился «разлом», поглощающий все больше миров. Всего-навсего жители одной планеты сильно повредили свое информационное поле многолетней войной. Увы! Нет ничего разрушительней энергии ненависти, боли, страха, безысходности. Когда же ее годами излучают тысячи, сотни тысяч мыслящих существ, образуются сгустки, повреждающие информационную оболочку, порой вкупе с энергетической. Случается тоже, что происходит с человеком, если частично разрушить его ДНК — организм уничтожает себя сам.

Прародители старались эвакуировать жителей, но куда? В общем, мне разрешено только то, что разрешено. Смогу ли? Мои проблемы.

Завершив монолог, ожидала, что сверхи, привыкшие мыслить первобытными задачами племени, будут долго осмысливать, переваривать информацию, обсасывать детали.

Помню, как с остальными нишати несколько часов пыталась куратора, силясь вникнуть в

устройство мироздания, сложить в уме четкую картинку из десятков мозаичных обломков.

Однако вопросы пространственно-временного континуума, равно как и прочие задачи межпланетарного масштаба, собеседников не особенно занимали.

— Стало быть, нужно заставить Морроха обратить твою маму? Предварительно, я так понимаю, сгонять в тот мир и забрать из могилы ее тело. Верно? — Тарелл мастерски раскладывал все по полочкам.

Он и впрямь хороший вожак — умеет слышать главное, за считанные мгновения распланировать действия. Тонкости, не имеющие значения для исхода предприятия, оставляет за бортом. Вероятно, такой подход гораздо эффективней моей извечной привычки разбирать задумку по косточкам, стремясь разжевать малейший нюанс.

— Что-нибудь придумаем, — кивнул Ал.

— Ага, — согласился Беарн. — Теперь на счет гентских проблем...

Уже понадеялась, вопрос о моем проживании временно отложен, но Тарелл вернулся к нему:

— Так ты остаешься?

Деваться некуда. Здесь, как ни крути, я прослыла будущей альфа-самкой. Каждый встречный кан непременно склонял голову в знак подчинения.

Выходит, тут, по крайней мере, безопасно. Настолько, насколько вообще может быть безопасно в этом диковинном мире. Верберов знала плохо, сказать по правде, не знала совсем. Ни разу не заходила к ним в поселение. Как примут там незнакомку неведомого рода-племени?

Поразительно! Насколько же резко изменилось мое отношение к альфе людоедов!

Вчера трусила остаться с ним один на один. Сейчас присутствие Тарелла разве что немного смущало. Воспоминания о том, как он вылизывал меня — абсолютно всю — провоцировали острый приступ стыдливости. Наравне с привычкой кана разгуливать голышом. Огорошило прозрение — я безоговорочно ему доверяла. Больше, чем Алу и Беарну вместе взятым.

Главный людоед определенно не был пай-мальчиком. Убивал, охотился на смертных, изощренно наказывал подданных... Но его действия, запах, правдивость слов Индиры, лучше всяких рекомендаций говорили — Тарелл не причинит мне вреда. Даже взять силой себе не позволит. Откуда такая убежденность? Не знаю. То ли информационное поле щедро делилось сведениями, то ли наши ауры с вождем канов порой ненадолго смыкались пуповиной. Крепкую, постоянную я бы немедленно просекла, но кратковременную отловить подвластно только куда более тренированным нишати. Если так, придется констатировать — Тарелл достучался не только до моего слабого чутья...

Что ж, карты брошены, ставок больше нет!

— Остаюсь тут, если мне дадут нормальную одежду, — выдала серьезно, хотя последним замечанием пыталась разрядить обстановку.

Почти услышала, как Ал стиснул зубы, но противоречить не стал.

— Индира? — канам, наверное, и сотовые не нужны. Рык вождя оглушал, пронзал не хуже ультразвука, окружал. Сестра главы стаи явилась тотчас, даже не запыхавшись.

— У тебя два часа. Выбери Огни одежду, какую она хочет. Не понравится, поедешь еще раз.

Людоедка приблизилась в знакомой позе повиновения.

— Что хочешь?

Я оглядела сверхов. Неудобно обсуждать белье рядом с тремя громилами.

— Мы подождем, — пообещал Тарелл так, будто всеми тут повелевал. Задело подобное обращение друзей-сверхов или же нет, возражать кану на его территории никто не рискнул.

Выйдя в коридор, я шепотом — у оборотней и ледяных слух шикарный — перечислила Индире все, что нужно, не забыв про размеры.

— Хорошо, — кивнула людоедка.

Мы вернулись к мужчинам.

— Все поняла? — спросил Тарелл сестру.

— Да.

— Иди.

— Ой! — когда Индира почти скрылась из виду, вспомнила я.

— Стой! — рыкнул вожак канов.

Людоедка обернулась.

Я подроспела к ней и почти беззвучно попросила купить несколько бактерицидных пластырей. Мозоли окончательно добили — ныли, саднили, не позволяя ни на секунду забыть о себе. Индира кивнула опять и ретировалась.

Следующие полчаса мы обсуждали ситуацию с гентскими принцами, королями, дядями, тетями.

Тарелл жутко не хотел ставить члена племени под удар — лесной народ мог потребовать выдать его, а затем издеваться всеми возможными и невозможными способами. Но иного выхода не было. Только откровенность втянутых существ отводила подозрение от их народов в целом.

Пусть Уорл и Неллех разбираются между собой. Открытым оставался вопрос — где же тело Праллара. Об этом пока никто ничего не слышал. Если власти или полиция сверхов в курсе, то не подают вида. Оборотни с ледяным решили совместно назначить гентам randevu вечером, в нейтральном квартале, в глубокой убежденности, что там короли уж точно не начнут пользоваться магией. Слишком много свидетелей. Ближе к закату колдовство «мальчиков-одуванчиков» на вампиров действует очень слабо. На ночную же встречу с нежитью, по словам Ала, генты никогда не соглашались.

Когда диалог дошел до уточнения времени, в дом заглянул высокий кан. Превосходя ростом даже Беарна, он выглядел несколько сухощавым. Если это слово применимо к людоедам, которые все как один вправе похвастаться телами гладиаторов.

— Что? — спросил альфа.

— Полиция сверхов.

— Веди! — невозмутимо скомандовал Тарелл. — Если беспокоишься, иди в свою комнату, — предложил мне.

Отрицательно мотнула головой:

— Хочу послушать.

— Как хочешь, — пожал плечами людоед. — Веди, — бросил посыльному вторично.

Несколько минут ожидания и в дом зашла... Ната. Да уж! Не предполагала! Судьба буквально сталкивала нас нос к носу.

Теперь она была без напарника, раздражена и одета в прекрасный темно-синий кожаный корсет, подчеркивающий один из самых красивых бюстов, что я видела.

Черные кожаные брюки, как влитые сидели на мускулистых бедрах. Из-под шнуровки корсета выглядывала шелковая синяя блузка с пышными рукавами. Карие глаза с

зеленоватыми вкраплениями казались больше и глубже благодаря черно-изумрудной подводке. Розоватые румяна замечательно оттеняли загорелую кожу. Круглое личико в обрамлении темных завитков смотрелось замечательно. Век бы любовалась!

— Нравится корсет? — спросил Тарелл, заметив как разглядываю вновь прибывшую. — Сказать Индире купить?

Почему-то вдруг стало настолько приятно, что с трудом подавила неуместную улыбку, так и просившуюся на лицо. Кан не скользил по соблазнительной фигурке полицейской довольным взглядом, не задерживался на ее великолепной груди.

Поспешно замотала головой — предпочитаю удобство сексапильности.

Альфа людоедов придвинул стул поближе: дескать, я с тобой, не волнуйся.

— Чего надо? — отчеканил в сторону Наты.

— Я знаю, что один из канов твоего племени причастен к смерти Праллара, — без обиняков выпалила она, озираясь. Во взгляде так и читалось: снова здорово, знакомые все лица! Какой сюрприз!

— Докажи! — вожак канов медленно, с чувством потянулся.

— На одежде убитого нашли несколько веществ, — спокойно продолжила полицейская. — Одно из них определенно принадлежит кану в зверином обличье.

— А второе, готов поспорить, напоминает гентский эликсир?

Ната умело скрыла удивление. Впрочем, сверхи есть сверхи. Думаю, оборотни и ледяной поняли все по запаху. Мне подсказала аура полицейской, вспыхнувшая ярко-желтым. Внешне она оставалась абсолютно невозмутимой.

— Я не собираюсь разглашать служебную информацию, — парировала не дрогнувшим голосом.

— Я так понимаю, тело нашли? — вдруг подал голос Ал, — Могу узнать где?

— Эта информация также не подлежит разглашению, — отрезала Ната.

— У Ледлеев, — выпалил вдруг Тарелл.

— Точно-точно! — закивал Беарн, — Этот запах я ни с чем не спутаю. Госпоже служительнице закона надо было помыть голову.

— Причем, потщательней, — добавил Ал. — А то за версту ясно — вчера госпожа полицейская посетила Ледлеев. Только в их поместье растет эта травка.

Ната небрежно пожала плечами, хотя энергооболочка ее вторично почти ослепило меня.

— Ваши догадки меня не интересуют. Расследование ведется секретно, так что любые факты, его касающиеся, останутся тайной.

Молодец, девушка! Так отбиваться перед тремя громилами, чей нюх не хуже суперприборов любой самой великолепно оборудованной лаборатории! Я прямо залюбовалась.

— Так мне брать анализы у всех канов вашего племени или сократим процедуру? — уверенно обратилась гостя к Тареллу. Аура ее загорелась алым — цветом лжи, но миловидное личико отражало лишь умиротворение.

— Есть разрешение? — хозяин дома еще раз лениво потянулся, подмигнув мне.

— Я прошу добровольно помочь следствию. Но если понадобится разрешение, добуду! — резковато отбилась полицейская.

— Вот тогда и приходи, — такими угрозами Тарелла из себя не вывести. — И, пожалуйста, не забудь разрешение Совета вождей канов, подписанного пятью главными

альфами. Ты ведь помнишь — оно дается исключительно при наличии неопровержимых доказательств, что убийство совершено именно людоедом? Если же есть подозрение в замешанности иной расы, вам его не получить?

Несколько минут назад Тарелл производил впечатление грубого мужлана, не привыкшего к излишним рассуждениям. Теперь же бросалось в глаза, насколько великолепно он разбирается в нюансах местных законов, более того, умеет разговаривать с представителями власти на их языке.

Ната молчала, уставившись на кана так, словно могла проглотить его с потрохами, не поморщившись. Бордово-лиловые всполохи в ее ауре отражали ярость. Людоед ухмыльнулся.

— Надеюсь, получишь хотя бы четыре подписи Совета вождей, тогда и я подумаю.

«В Совете вождей Тарелл третий»- вспомнились слова Индиры. Хитрец!

— Слушайте, — предложила гостя, — Я знаю — не кан виновен в происшествии. По крайней мере, не он главный зачинщик. Кроме того, у меня лежит дело о нападении ваших на трассе. Парня растерзали, девушка выжила, обратилась в полицию. Толком ничего сказать не смогла. Но если копать глубже... гипноз, всякие иные штучки. С другой стороны, учитывая, что она не в силах описать внешность нападавших, лишь твердит о черных кошках, спустить все на тормозах — вопрос техники. Может это и вовсе были животные... Всем известно — поедание людей запрещено и карается строжайшим образом. Да и от канофобов у психологов в последнее время отбоя нет. Если сможете распутать этот клубок, найти тех, кто подкинул Ледяям тело, похлопочу о том, чтобы людоеда, причастного к гибели Праллара, отдали на суд вождю.

— Это другое дело, — кивнул глава поселения, — Мы подумаем, обсудим. Дай сутки.

Упоминание об охоте на человека не вызвало у Тарелла ни единой эмоции. Он не просто выглядел спокойным и даже ленивым, напоминая льва, оглядывающего добычу. Поле кана иллюстрировало полное безразличие к новости. Местная стая непричастна? Или... о втором варианте думать не хотелось.

Я не какая-нибудь девочка-одуванчик и отчетливо понимала, что сама природа вынудила ночных оборотней питаться человечиной. Они делали это не ради удовольствия, не ради гурманства, а из жизненной необходимости. Для канов поедание смертных не равноценно даже, скажем, рыбе или мясу на столе человека. Вегетарианцы не всегда хорошо заканчивали, но жили достаточно долго. Людоеды без естественной дичи умирали — быстро и мучительно. По сравнению с этим, даже постепенный паралич вампиров, обходящихся без крови несколько лет, ерунда. Ледяные просто лишались возможности двигаться, но не погибали.

Да, нынче существуют клоны и теоретически каны питаются ими. Но было бы глупо, если бы Тарелл рыдал над добычей, самой матушкой-природой определенной ему в жертву. Однако, то, сколь небрежно он отнесся завуалированным обвинениям Наты, заставило поежиться. На подсознательном уровне мысль, что на молодого парня охотились, точно на оленя, корбила.

Удивительные мы существа, люди. Убиваем ради мяса, шерсти, меха, кости, рогов, бивней, перечислять можно бесконечно. Да что там, даже ради простого азарта, чучела дома, красивой шкурки на полу... Но столкнувшись с хищником, для которого мы — естественная пища, осуждаем, словно за отвратительное кощунство. Пусть я не совсем человек, но чувствую в точности так же. Убеждена, многие согласились бы, назвали канов отродьем, потребовали истребить, стереть с лица планеты. Инстинкты заставили бы их, как

и меня, содрогаться от ужаса при мысли о ловле Тареллом смертного. Но в чем он виноват, если вдуматься, отбросив предрассудки? В том, что вселенная сотворила канов полужверями с конкретным рационом?

В мозгу все перепуталось, про чувства вообще не говорю.

— Не больше суток! — вернул меня с небес на землю оклик Наты. — Время не терпит.

— Да понял я, что Ледлеев прижали за яйца! — довольно ухмыльнулся Тарелл. — Завтра пришло гонца с ответом.

— Я так понимаю, беспроводной связью не пользуетесь? — уточнила заметно повеселевшая гостя. Она нравилась мне все больше и больше. Во время наезда амбалов, ни секунды не тушевалась, вела себя абсолютно буднично. Одна против троих, чьи уникальные способности давали неоспоримые преимущества. Теперь же, когда понимание достигнуто, позволила себе съязвить, выплеснув эмоции.

Тарелл без предупреждения отвернулся от полицейской, давая понять, что разговор исчерпан. Все-таки он хамоват. Даже со служителями закона. Зря. Девушка на работе.

— Я не поняла, Вальдор теперь не ходит без невесты? — вдруг Ната сосредоточилась на мне. Аура полицейской пропиталась оранжевым — цветом любопытства. Пора испытывать гордость за собственную расу. Девушка видела больше сверхов, чем листьев на деревьях, но меня сочла из ряда вон выходящей.

Однако, излишний интерес представителей властей — риск сломать планы.

Тарелл нахмурился, иссиня-черные локоны вздыбились. Впервые полицейской удалось вывести его из равновесия.

Ал едва заметно дернулся, губы сжались, желваки заходили с удвоенной силой.

— Ситуация изменилась, — произнес вампир неуверенно. — Огни решила подумать.

— В гостях у канов? — Ната подмигнула мне, хитро улыбнувшись, демонстрируя немного мелкие, но идеально ровные белоснежные зубы.

— Именно так! — встрял Тарелл. — Если это все, покиньте нашу территорию.

— Любопытно у вас тут, — хмыкнула полицейская, скрываясь за дверью. Последнее слово все-таки осталось за ней. Какая же девушка! Любо дорого посмотреть!

Из тех, что коня на скаку остановят, в горящую избу войдут.

24

Психолог для вождя

(Огни)

Ната исчезла за дверью, но сверхи хранили тишину еще несколько минут.

— Пусть уйдет с нашей территории, — ответил Тарелл на мой невысказанный вопрос. — Людей в полиции сверхов пичкают каким-то гентским пойлом. Точно о его действии неизвестно, поэтому обождем...

Вот оно что! Оборотни и ледяной не уверены — насколько хорошо слышит полицейская!

— По нашим данным, — непривычно тихо добавил Беарн, — Смертные, регулярно получающие гентский эликсир, живут дольше, немного сильнее, быстрее, выносливей и только... Но предосторожность никогда не вредила.

На несколько минут в комнате повисла тишина. Ал наблюдал за нами с Тареллом

остекленевшим взглядом, до чертиков напугавшим меня в грузовике медведя. Вербер заговорщически скалился.

— Завтра вечером всем подойдет? — альфа канов нарушил молчание так внезапно, что я аж вздрогнула. Людоед ободряюще кивнул, медведь подмигнул, ледяной тоже. Воцарившееся беззвучие напомнило, что надо как-то отреагировать на жесты поддержки. Не без усилия растянула губы в улыбке — безумно хотелось поскорее завершить разговор. Усталость налила мышцы свинцом, веки сами собой опускались — меня неумолимо клонило в сон.

— Встречаемся с Уорлом и Неллехом? — уточнил Ал.

Тарелл посмотрел на ледяного так, будто тот задал самый глупый вопрос на свете.

— Поговори с ними, — не реагируя на реплику вампира, бросил верберу. — Ты единственный, кому удалось еще не подраться с Уорлом, — людоед зло хихикнул.

— Ты хоть не сильно его? — плотоядно ухмыльнулся медведь.

— Помял, вырубил, — поморщился Тарелл. — Убил бы... — метнул в мою сторону быстрый взгляд. — Но это война. Всем бы досталось. Пришлось дипломатично долбануть башкой о камень, — темнеющие зрачки кана недобро сверкнули. — Еще отыграюсь. Позже.

Я и прежде не сомневалась, что альфа людоедов до крайности жесток. Оправданно, по необходимости, повинаясь дремучим законам, преступив которые отдашь на растерзание всю стаю, но беспощаден. На уровне разума, загадочной привязанности к малознакомому оборотню, я принимала его решения, действия, приказы. Только не эмоциями, усиленно отторгавшими эту часть будней канов.

Однако почему-то сейчас желание Тарелла добить Уорла не вызывало отчуждения. Подлец отравил меня, похитил! Я не совершила, не сказала ничего даже отдаленно невежливого! Пальцем не тронула! Но негодяй готов был прикончить меня! Вовсе не в борьбе за жизнь, свой народ, убеждения, в конце концов! Только лишь из личной выгоды и мести! Поделом мерзавцу!

Видимо, у меня на лице отразились почти все эмоции в отношении гентского монарха, потому что Тарелл снова ободряюще кивнул.

— Хорошо, свяжусь! — Беарн едва заметно скривился — очевидно, роль голубя мира в переговорах с Уорлом не пришлась ему по душе. — Но дай слово, что Стелла вольна, никакого преследования, никаких попыток завершить наказание.

— Твоя! Забирай! — отмахнулся Тарелл, будто от надоедливой почемушки-ребенка, по сто раз задающего один и тот же вопрос. — Но в племя не вернется! Либо бери к себе, либо пусть живет одиночкой. Понимаешь, что это значит? — на секунду показалось — в голосе кана прозвучало сочувствие.

Может, опять выдумываю? Стараюсь оправдать? Бесцеремонно разглядывая ауру людоеда, так и не смогла прояснить волнующий момент. Слишком она отличалась от человеческой, даже от верберовской. Необъяснимо, но факт. Обычно самая мощная эмоция окрашивает энергетику в конкретный, насыщенный цвет. Переливы других играют на самой границе, не смешиваясь с основной палитрой. Временами у Тарелла так и происходило. Но не теперь. Энергооболочка вождя стаи напоминала солнце с волнистыми лучиками. Исходя из ослепительно-бордового центра, они бликовали лимонно-зеленым. Три несовместимых оттенка: гнева, печали, надежды соседствовали друг с другом.

Кустистые брови медведя сошлись на переносице, ответ прозвучал резковато для гостя враждебного народа:

— Это уже моя проблема.

Я опасалась, что кан не останется в долгу, и очередная драка не за горами.

Но Тарелл притворился, будто ничего не заметил, оставив комментарии при себе. Только огромные ладони сжимались и разжимались, выдавая истинные эмоции владельца. Странно...

Беарн неестественно съежился, точно ожидал сокрушительного удара под дых, машинально готовясь к последствиям. Еще удивительней...

Я не так давно знаю вербера, однако успела заметить — когда его что-то всерьез задевало, медведь в мгновение ока превращался в громоздкого опасного хищника, одним видом наводящего панический страх. Нынче же все случилось с точностью до наоборот. Беарн вжался в сидение, походя на затравленное животное, угодившее в капкан, сломав все кости, какие можно и отчетливо осознавая — это конец.

Что творилось в голове вербера? Почему он так отреагировал на, казалось бы, великодушное согласие Тарелла отдать Стеллу?

Как назло информационное поле ничуть не прояснило ситуацию. Энергооболочка Беарна полыхнула темно-синим, возвещая о глубокой, затаенной боли, неразрешимой дилемме.

Ал угрюмо изучал свои черные туфли, похоже, дорогие и брендовые. Хозяин дома гипнотизировал меня, слегка приподняв брови. Верберу понадобилось несколько секунд, чтобы, как прежде, развалиться на диване.

— Встречаемся в «Льве»? — осторожно предложил Ал, косясь на друга.

— Самое оно, — одобрил Тарелл. — Там не прикопаются.

— Идет, — пробормотал Беарн.

Бросилась искать в информационном поле хоть что-то о «Льве», но кан опередил:

— Ресторан на нейтральной территории, на крыше четырнадцатэтажки. С видом на мегаполис... Там гигантская площадь, мест на триста. Всегда забито, вперемежку расы. Охрана почти как в президентском дворце. При входе обыскивают. Только что зубы медведям снимать не велят...

Беарн презрительно рыкнул в сторону Тарелла, не удостоив саркастическую ремарку и словом.

— Хорошее место, — поддакнула я.

— Аха, — довольно подхватил людоед. — Значит, свяжешься и пришлешь посла! Завтра утром жду уточнения времени, — удивительно мягко обратился Беарну.

— Да, — пробурчал вербер.

— Тогда больше никого не задерживаю! — мгновение — Тарелл встал, широким жестом указав гостям на дверь.

— Ты уверена? — Ал не двигался с места, ожидая моего ответа.

— Да, — выдохнула, под прицелом синих глаз кана.

Лучшего варианта все равно не предвиделось.

— До завтра, — в голосе ледяного слышалась досада. Он резко поднялся и вышел прочь вслед за боевым товарищем.

Мы с Тареллом остались наедине.

В мгновение ока в памяти всплыло, как он вылизывал меня — с ног до головы. Уставившись в пол, замерла, безуспешно сопротивляясь приступу неловкости, от которого кожа горела, дыхание участилось, а пульс бил все мыслимые рекорды.

В очередной раз ступни кана гибко перекатывались по полу, приближаясь. Не в силах вытолкнуть из горла воздух, оцепенело ждала, что же дальше.

— Спокойно, — урчащий тон людоеда поневоле расслаблял. — Не трону пока сама не захочешь. Не поняла еще?

Медленно подняв голову, следила, как глава племени берет стул и садится близко-близко.

— Тарелл, — первый раз вслух назвала его по имени. Вождь людоедов удивленно поднял брови. — А сколько пар может быть у оборотня? Ну, допустим, одна откажется...

Несколько минут кан молчал, глядя исподлобья, чуть прищурившись.

Шея заныла, тупая боль ударила в затылок, холод спустился вдоль спины к ногам, покрывшимся гусиной кожей. Икры ослабели. Казалось, поднимусь — ноги подкосятся, и я грохнусь на деревянный паркет.

От досады закусила губу. Черт дернул поинтересоваться тем, что меня не касалось! Идиотка! Так хорошо все складывалось! Сверху обещали помочь с мамой, понятное дело, сперва решив свою проблему в виде златокудрой занозы. Но меня понесло! А главное зачем? Это не мой мир, не моя история, не моя стая!

Вот как за несколько часов Тарелл умудрился залезть в голову, растревожить годами дремавшие чувства? Настолько, что забеспокоилась о его душевном состоянии, поисках спутницы!

Вчера ненавидела главного кана, боялась, тряслась, как осиновый лист при мысли о встрече. Нынче же уединилась с беспощадным зверем, интересовалась личным, возможно, слишком интимным. Весь ужас заключался в том, что фраза вырвалась естественно, без единого сомнения.

Тарелл медлил, подавшись вперед и парализуя немигающими на редкость ясными глазами цвета очень темного сапфира. Немая сцена начинала действовать на нервы. Сердце то замирало, то припускало, кровь гудела в ушах.

Не выдержав затянувшейся паузы, промямлила:

— Ладно, пойду в свою комнату. Зря спросила, забудь о...

Не успела закончить, Тарелл вскочил и, схватив за руку, выдернул из кресла, заставив впечататься в свой каменный торс.

Миг — и опасения, нервозность, переживания как рукой сняло.

Восхитительный жар накрыл тело, впитываясь все глубже. Ступни, нос, кончики пальцев согревались...

— Нравится? Приятно? Хорошо? — допытывался кан.

Проклятье! Догадался!

— Не трудно понять, — шепот в самое ухо, касание мочки горячими губами, опаляющий пар, сбивчиво рвущийся изо рта людоеда, — Ты наслаждалась, я учуял...

Тарелл провел руками по спине, массируя, разгоняя тепло.

— Смекнул еще, когда тебя отравил Уорл, — добавил сипло. — Обычно от этого яда приходят в себя гораздо быстрее. Ты слишком холодная. Не беда, — стиснул, шумно глотнув воздух. — Если я рядом.

Первый восторг наполнения силой, энергией, жизнью, миновал.

Я затихла в железных объятиях кана. Чего он теперь хочет? Из хватки не вырваться, в доме только мы. Другие людоеды не осмелятся ломиться к вожаку, даже если сорву голос, вопя о помощи...

— Опять! — совсем хрипло рывкнул Тарелл, легонько встряхнув, — Хватит уже трусить! Просто хотел проверить догадку. Не более!

Изменения тела кана легко ощущались сквозь тонкую ткань холщевых брюк. Но на сей раз, он не пытался раздеть, вылизать, ласкать. На секунду прижавшись так, что ощущала каждую выпуклость, каждую впадинку, отставил, сложив руки за спиной и огорошил:

— Ладно, что там у тебя с ногами?

Ну, вот как догадался?

— Да ты на них ежеминутно отвлекалась во время разговора с этими недоносками... и полицейской, — отчеканил Тарелл, — То рукой потянешься, то переставишь.

— Все хорошо, — попыталась отбиться я.

— Аха! — не успела парировать, кан закинул на плечо, направившись в выделенные мне апартаменты.

Легко бросив на кровать, не давая опомниться, поймал обе ноги. Держа их одной рукой, второй ловко расшнуровал кеды, но снял на редкость бережно, почти не причинив дополнительных мучений.

Дотошно разглядел лопнувшие мозоли, вертя стопами в разные стороны.

— Ничего говоришь? — процедил недовольно, — Заключим сделку! Я расскажу про пары оборотней, всех, и канов, в том числе. А ты не будешь больше скрывать ничего, связанного со здоровьем. Согласна?

Не в состоянии противиться напору Тарелла, сдалась на милость победителя:

— Согласна.

— Отлично, — людоед присел на корточки и ... поднеся ко рту мои ступни начал... неспешно облизывать их. То одну, то другую.

Кровь бросилась в лицо — давно я так не тушевалась. Неловким представлялось даже думать о вытворяемом каном. Дойдя до мозоли, он ненадолго задержался на ней языком. Больно! Рефлекторно попыталась отдернуть ноги, но не тут то было. Железная хватка альфы не давала ни шанса. Тарелл занялся второй мозолью, третьей...

Сжавшись в комок от нестерпимого жжения, напрягла икры так, что их свело судорогой. Зажмурившись, едва сдерживала всхлипывания и стоны.

Но тут... саднящие ранки успокоились, как по мановению волшебной палочки, натянутые подобно тетиве лука мышцы расслабились. Вздох облегчения подавить не удалось, кан еле заметно улыбнулся, но не остановился.

Через какое-то время прямо почувствовала, что мозоли затягиваются, рубцуются. Лучшие регенерирующие лекарства моего мира не действовали настолько быстро.

Людоед осторожно положил мои ноги на постель, опустившись следом:

— Индиру попросила купить носки?

— Да, — подтвердила, с трудом ворочая языком. Вообразить не могла мужчину, способного лизать мои ноги. Пусть даже недавно вымытые!

— Тебе нужна и обувь другая, — покачал головой кан. — Тут у нас один умелец кожаные чулки с твердой подошвой шьет. Скажу ему.

— Спасибо, — безумно хотела дотронуться до Тарелла, погладить в благодарность, но не решалась. Вождь усмехнулся, взял мою руку и положил на свое массивное бедро. — Я не кусаюсь, — голос его опять напоминал урчание. — Так вот у волков, медведей и канов только одна пара. Но можно завести женщину для потомства. Рыжие меняют самок.

— То есть Стелла — пара Беарна?

— Да. А ты моя, — поднимаясь, пробормотал под нос Тарелл, — Скажу, чтобы Омелий сделал тебе костюмы для стоп. Передохни. У тебя был трудный день. Еще лучше поспи.

Потянулся к дверной ручке, когда я окликнула:

— Тарелл?

Людоед остановился, обернувшись.

— Спасибо за все. Я думала вы совсем дикие, — выпалила в какой-то нервной лихорадке. Однако не успела пожалеть о последней фразе, глава поселения хмыкнул:

— Тебе надо с братом моим поговорить! Тот грезит ввести законы, как у огненных, новые, гуманные. Думает не вижу... не понимаю... — махнул рукой, — Выручил Стеллу, сидит у себя, не выходит... Считает узнаю — накажу... Надо бы! А-а-а, — еще раз рубанул ладонью по воздуху. — Смысл? Зачем сучка так подставилась? Сбежала бы к своему медведю в другой день, не преступив законы предков. Дак нет же! Зудело! — Тарелл фыркнул. Неужто истязание Стеллы, и впрямь не доставляло ему особого удовольствия? Получается, я не ошиблась! Сердце восторженно затрепетало, улыбка сама собой просилась на губы, — Пусть снюхаются... — продолжал меж тем людоед, — Родит ему верберов для пополнения вражеской орды, — беззлобно усмехнулся. — Ген передается от самца. Значит, дидятко получится большое и клыкастое... — на несколько секунд застыл, пожал плечами: — Мы избегали полного истребления благодаря тем законам! Не понимаете! Существование племени зависело от каждой, каждой самки! Любое послабление, неповиновение могло стоить в бою жизни! Сражались с людоедами других земель, верберами. Эти жрали нас на обед, ужин и завтрак! Как деликатес!

Зачем он все это говорил? Не знаю. Складывалось впечатление, что хозяин жилища делился накипевшим. Тем, что не высказывал никому, никогда, ни разу в жизни. Сочувствие накрыло вместе с осознанием.

Вождь, куда деваться! Разве могут быть у него слабости? Выдать их — безвозвратно уронить авторитет, завоеванный кровью.

Вот почему так необходима альфа-самка! Хотя кто-то сумел бы понять главного кана, услышать, помочь разрешить дилемму между древними обычаями, когда-то помогавшими племени не сгинуть и новыми, гуманными течениями.

— Ладно, — Тарелл качнул головой, уголки губ приподнялись, — Тет поймет, потом... Или его мечта сбудется...

— А это возможно? — сама не понимала — с чего вдруг озаботилась чужими трудностями, своих не доставало что ли?

— Все возможно, — поспешно ответил кан. — Жрать клонов, не загонять двуногую дичь... Ослабить наказания, по примеру смертных. Нужна причина, — и выскочил из комнаты.

25

Пещерный вампир

(Ната)

Прохлада легла на землю, сменяя удушливость знойного воздуха и облегчая дыхание. Мягкая почва под ногами пружинила — дорогу к пограничной территории между поселениями двусущих покрывала только редкая пожухлая травка.

Вечер окрасил поселок и лес канов в цвет индиго. Гирлянды оранжевых лампочек, так любимых оборотнями, освещающие кварталы людоедов, верберов, волков и даже лис, погасли, как всегда после часа ночи.

Двусущие предпочитали гулять в зверином обличье под светом Луны.

Символично, если вспомнить древние мифы, якобы именно она провоцирует обращение. Нынче каждый младенец в курсе — все это не более, чем суеверие. Времена, когда сверхов окружал ореол загадочности, мистики, тайны миновали, унеся с собой нечто бесценное... Романтику волшебства соприкосновения с неведомым... Ощущение, что совсем близко сказочный мир удивительных созданий...

Мне повезло ребенком застать несколько лет, когда люди встречались с другими расами редко и только по желанию последних. Разумеется, порой, все заканчивалось плачевно для нашего вида. Если же нет, человек долго и бережно хранил воспоминания о диковинном randevu, рассказывая друзьям, родственникам, сослуживцам. Те внимали, открыв рот, завидовали белой завистью, передавали историю близким, частенько сдабривая новыми, фантастическими деталями...

Сколько было одержимых мечтой наткнуться в лесу на королевство гентов, или на оборотней, бегающих животными! Да хоть на тех же ледяных... Риск скоропостижной гибели с лихвой искупал детский восторг ожидания чуда...

Боже! Как давно это было и сколь банально закончилось!

Не многие нынче осознают иронию судьбы... Мы живем среди чудовищ из фэнтези, но воспринимаем их обыденно, просто...

За размышлениями чуть не впечаталась лбом в камень — один из разделяющих поселения людоедов и верберов. Часть псевдозабора, выстроенного враждующими расами. Каждая глыба двух-четырёхметровой высоты, не меньше трех метров в обхвате — коллеги замеряли.

Историческое обустройство пограничной зоны даже по новостям транслировали. Один булыжник тащат три-четыре медведя, другой — столько же канов и так до края обеих территорий. Эдакая показуха — поглядите на что мы способны! Людям подъемные краны требуются, гентам — магия, а мы по-простому, одной физикой берем. Признаюсь, впечатляло, особенно то, что двусущие не пыхтели, не тужились, несли спокойно, с улыбками на лицах... Ясное дело — старались на камеру... Но человеческие грузчики даже для платного видео подобного не сдюжат.

Едва избежав лобового удара, мысленно усмехнулась над собой.

Вот так замечтаешься о колдовстве, и — бац — прорубаешь «третий глаз» в черепе... Тоже очень символично. Обогнув монумент мощи живоедов, направилась к машине Альпина, стоявшей неподалеку.

— Ладно, болезный, к гентам завтра, подготовиться надо, и тебе успокоиться, — не удержалась от язвительного замечания, устало погружаясь в мягкое кожаное сиденье, рядом с водительским.

Секунда — даже вскрикнуть не успела — стальными руками ледяной вжал в сидение, губами накрыл мои, руками заскользил по телу, жадно ощупывая каждый миллиметр. Впился пиявкой, будто хотел душу высосать. Вот уж истинный сын своей расы! Вампирюга по всем статьям!

Э-э-э! Господин Ледлей! Полегче! Нет, выяснилось, я совсем не против — ласки напомнили, как соскучилась без мужчины, страсть немертвого теплом отзывалась внутри.

Забытый огненный пульсар в животе обдавал жаром до испарины. Но не без единого же слова! Ишь, шустрый какой! Думаешь если из влиятельнейшей династии нежити, все дозволено? Наложил лапищи, раскатал губы... на моем рте и девушка на все согласна? Сейчас! После дождичка в четверг, как писала моя любимая романистка.

Незаметный тычок в болевую точку на шее — Альпин дернулся, будто его высоковольтным проводом шандарахнули. Всегда срабатывает на немертвых! Странно, но факт — у людей одни болевые точки, у ледяных — другие. Нервные центры у них смещены что ли... В любом случае, наше дело маленькое — при необходимости нажать куда следует и наблюдать брейк в стиле «я встал в воду, куда упал кабель электропередач».

Ненадолго Ледлей завис надо мной, абсолютно неподвижно, как умеют только его сородичи. Медленно отодвинулся — глаза сродни двум факелам, рот пунцовый, клыки выскочили, длиннющие-предлиннющие. Облизав губы и сглотнув, хрипло выдавил:

— Прошу прощения, раньше такого не случалось.

— Да тебе лет-то сколько? — откровенно усомнилась я, беззлобно хихикнув. — Прямо ни одна женщина не соблазняла? И во времена, когда дамы корсеты с декольте ежедневно носили, без белья щеголяли, не пережил?

Альпин тряхнул головой:

— Правда, не случалось. Между нами странное притяжение... вернее у меня к вам. И да, нормально с женщинами уже не помню когда общался. Заранее на все готовых приводил отец... — ледяной замолчал, поерзал на сидении.

— Я сейчас чего-то не поняла... — растерянность заставила пытливо исследовать черты Ледлея. Аккуратные чувственные губы, подбородок с едва заметной ямочкой, длинные пушистые ресницы — любая милашка обзавидует, резко очерченные скулы. Но самое удивительное — серо-голубые глаза — живые, яркие, совсем не похожие на «стеклянные» вампирские. Крепкая грудь просвечивает сквозь тонкую рубашку, брюки не слишком обтягивающие, но все, что надо подчеркивают очень даже... Любой заметит — ноги у Альпина прямые, атлетические.

И такой красавчик годами женщин не охмурял? Верится с трудом.

— Прятался я, — Ледлей на несколько минут задумался, выждав паузу, уставился изучающе: — Ты ведь никому не скажешь?

Прямо как маленький! Ну, поклянусь и что? Хотя... Ледяной читал по лицам. Уставился, не мигая, и повторил, будто мантру:

— Так не скажешь?

— Нет, значком клянусь, — ни с того ни с сего проснулась честность, подогреваемая любопытством. Первая вопила — доверие не предаю, второе подзуживало — надо вызнаться, тут явно скрыта тайна.

Ледлей кивнул:

— Вижу, что не скажешь. Моррох прятал меня в келье, в горах, почти тысячу лет.

— Тысячу лет жил отшельником? — выпалила, не скрывая изумления. Ничего себе новости! Что же такое из ряда вон выходящее сподвигло могущественного, шикарного, бессмертного мужика замуровать себя в каменном гробу?

Альпин усмехнулся:

— Отец перестраховывался. Люди прослышали: дескать, моя кровь воскресила умершего. Из-за оползня сильно пострадали две девочки — совсем крохи, 8 и 7 лет... Я вовсе не такой уж и добрый, бескорыстный, но трагедия резанула по живому. Очень давно

потерял младшего брата... Ну и прямо в морге... вытащил малышек с того света. Сделал бы проще — на месте, но, увы, о бедствии узнал по телевизору. Шуму поднялось! Жуть, да и только! Создатель затер память, кому сумел, записи уничтожил, но молва есть молва. Легенды, мифы, сказки как тараканы расползлись, не истребишь. Былины сродни воде — в одном месте путь закроешь, протечет в другом. Пришлось затаиться.

— Чего-чего? — в голове вертелся смерч мыслей. От неожиданного открытия оцепенела, язык отнялся, даже язвительность как отрезало. Ледяные воскрешают почивших? Не думала, что после увиденного за десятилетия работы в полиции сверхов, они умудрятся поразить до глубины души. А каны, часом, по воде не ходят? В космос без кораблей не летают?

— Да не обольщайся, — Ледлей привычно следил за мыслями собеседницы по лицу, — Такие свойства только у нас с отцом. Могу вернуть ушедшего часы назад, создатель — даже дни. Но для этого придется отдать почти всю свою кровь. Смертельно больных обратить тоже только нам под силу.

Ах вот оно что! Поэтому законопроект, предложенный Камулами, так и не приняли! Ал и семья в курсе? Неужто, нет? Да-а-а! Корсет страшная сила! Знала бы, только его на расследования надевала!

— Никто не в курсе, — ответил на незаданный вопрос Альпин. — Ты первая смертная за последнее тысячелетие, кому раскрыл секрет. Теперь веришь в особое притяжение?

Вот черт! Пронзительный взгляд будоражил и возбуждал, четкая линия губ заставляла сглатывать... История с воскрешенными девочками трогала, как ничто другое уже многие годы...

— Почему же сейчас...

— Я читаю по лицам, анализирую факты лучше любого смертного или свержа, — не дав закончить, пояснил ледяной. — Про Шерлока Холмса читала, фильмы видела? Перед тобой прообраз.

Черт побери! Соблазнительный прообраз, будь он неладен. Любимый герой.

Миг — и Альпин языком щекочет, гладит щеки, небо... Ртом втягивает мой, перекрыв кислород, но это уже неважно. Еще мгновение — сажает на себя, откидывает передние кресла вниз, и мы падаем, не прерывая поцелуя.

Холодное дыхание ледяного жжет, руки блуждают по телу, избавляя от одежды так быстро, что даже вскрикнуть не успеваю. Разорвав рубашку, немертвый сдергивает брюки, не давая выдохнуть, штурмует, подобно крепости. Прохлада внутри сменяется пылом, горячие волны расползаются по груди и ногам. Ахнув, инстинктивно подаюсь вперед. Сипло рыча, Альпин врывается в меня, раз за разом настолько быстро, что не в состоянии двигаться в унисон, обмякаю, тону в новых ощущениях. Жестковато, но не болезненно. Лихорадочное, рваное пыхтение на шее, ключице, подбородке воспаляет. Мышцы ниже пупка сводит почти до судороги и резко отпускает. Ахаю еще раз! Никогда так не делала! Да какая к черту разница? Кусаю вампира за ухо, в ответ рык, от которого мурашки сладко пощипывают кожу, трепещу от каждого удара о крепкий пресс Альпина. Ледлей теряет контроль. Хватает, остервенело насаживает, поднимает, снова насаживает. В животе взрывается что-то, ударяя по нервам разрядами тока, заставляя дрожать от удовольствия, нетерпения. На мгновение чудится — потеряешь это чувство и жить не стоит! Внутри разливается нега, приятная слабость, еще удар, еще спазм и нежное посасывание. Альпин издает громкий утробный рык, прохладная влага снаружи и внутри рождает новую армию мурашек, прежде незнакомое

чувство, близкое к ознобу, но очень приятное. Меня встряхивает — раз, два, три, четыре... Выпускаю воздух изо рта, наслаждаясь танцем мышц, продолжающих сокращаться до неведомого раньше предела и отпускать, погружая в эйфорию. Неспешно поднимаю глаза на Ледлея.

В его зрачках плещется море, губы ярче рубинов, мускулы натянуты струнами, бугрятся.

С новым рыком Альпин штурмует меня повторно... Очередной раз ахаю от напора. Тело ждет продолжения, хочет... Сознание плывет, туманится, сердце выпрыгивает из груди, легкие работают не хуже насосов. Подобно птице несусь, пересекаю небесную высь, расправляю плечи, внимаю каждой клеточке, наполненной наслаждением, желанием. Члены деревенеют почти до боли и разнеживаются до немыслимого кайфа. Еще и еще. Подаюсь вперед, толкаюсь, навстречу вампиру. Характерный рык Ледлея звенит в каждом клочке плоти, трепещущей в ответ. Новый взрыв опустошает, ошарашивает, накатывает удовольствия щекочат, обжигают. Прохладу влаги на ногах не чувствую, только ползущие по коже ручейки.

Альпин останавливается, аккуратно уложив меня на одно из кресел. Гипнотизирует, молчит, сопит. Несколько минут безмолвных гляделок под свист невесты откуда заблудшего в пограничные земли ветра, и Ледлей рвет дорожку рубашку окончательно, протянув мне половину.

— Держи, — хриплый шепот ласкает слух.

Как во сне дрожащими руками вытираю бедра, живот, озираясь в поисках одежды. Брюки повисли на ремне безопасности, корсет — на заднем сиденье, блузка тоже. Белье подо мной, сапоги около переключателя скоростей. Достав предметы гардероба неспешно облачаюсь. Расслабленность, полное умиротворение дают о себе знать. Плевать, что взял в машине, как последнюю школьницу, это было обалденно.

Плевать, что одноразовый секс никогда не прельщал, оно того стоило.

Нащупав кнопку, поднимаю спинку кресла, замечая, что Ледлей застегнул штаны.

— Поеду как стриптизер, — усмехается Альпин, поворачивает мою голову, держа пальцами за щеки. До чего дошла! Даже не сопротивляюсь! — Моей будешь?

Ощущение, словно утопаю в зыбучем песке. Предложение шокирует. Несколько мгновений перебираю в памяти далекие годы, когда ледяной имел официально узаконенное право не жениться, а просто объявить женщину своей. Вроде живой собственности, движимого имущества...

Между вампиром и «ходячим приобретением» завязывались странные отношения. Он получал все: любовницу, домохозяйку, при желании, послушную спутницу, нос не высовывающую из дому без разрешения, а то и без сопровождения «владельца» или его «представителя». Она же готовилась в любую минуту оказаться на улице, если надоест, подвернется «вариант» привлекательней, моложе, талантливей.

Практику отменили бог знает когда, но слышал ли об этом Ледлей, проторчавший в гроте сотни лет?

Хотя мне-то что за дело? Как вообще он осмелился сделать Нате Велес такое предложение?

— Это как, любопытно понять? — возвращается ирония, пальцы сами собой тянутся к самым чувствительным болевым точкам мерзавца. Сейчас я ему покажу «будешь моей»... Пожалеет что родился на свет... и обратился.

— Нареченной, подругой, невестой, как сейчас у вас принято говорить? — не замечая

моих поползновений безмятежно растолковывает Альпин...

Руки застывают на полпути, точно у персонажа кино, поставленного на паузу, дабы зритель сходил за поп-корном.

— В смысле? — никак не вникну, что имеется ввиду — любить друг друга, встречаться, ходить на свидания? Не серьезные же отношения после первого секса...

— Черт! Отвык от людского мира, в обычаях современных не разбираюсь, — растерянно пожимает плечами Ледлей.

— А ты без обычаев поясни — чего хочешь! — нервный смешок рвется наружу.

— Хм... Ты меня притягиваешь. До одури, — спокойно разжевывает Альпин, — Вчера только и думал — как найти повод и вытащить без напарника. Извини, моя инициатива.

Да ладно, месье была приятна и сладка. Забыли.

— Проехали, — улыбаюсь обнадеживающе. — Для древнего существа ты слишком поспешен, — с сомнением качаю головой, — Физика еще не все.

— Знаю, — соглашается, не отрывая взгляда, — Поэтому предлагаю быть моей ... подругой. Пообщаемся месяца три-четыре и будем решать дальше.

— Решать что? — вспыхиваю я. В конце-то концов, он может говорить человеческим языком?

— Как что? Жениться или разбежаться, — новое пожатие плечами, — Пока только и думаю когда увидимся снова.

— Дикий ты, Ледлей, — начинаю хихикать, под стать полоумной, не в силах остановиться. Все-таки интуиция не подвела — он парень неплохой, даром что вампирюга из склепа. Детишек с риском для нежизни реанимирует — ведь найдут, всю кровушку выпустят, серьезным намерениям не чужд ... К тому же, любовник, откровенно говоря — отменный.

Ледяной ухмыляется:

— Пещерный человек, что с меня взять.

— Пещерный вампир! — поправляю не без удовлетворения.

— Ну да, ну да, — не менее радостно соглашается Альпин.

— Не расскажу вашу тайну, — обещаю зачем-то.

— Верю.

— А ты, правда, Шерлок Холмс? — любопытствую, пока спутник заводит мотор.

— Может, поговорим в ресторане? — предлагает, широко улыбаясь, — Обещаю рассказать побольше о любимом тобой персонаже.

Шельмец! И это понял!

— Поедешь без рубашки? Не боишься, что впрямь примут за стриптизера?

— Куплю по дороге, — у древних немертвых всегда готов ответ. Да и многие из них в средствах не нуждаются — за столетия капитал сколотить не трудно... Слышала, многие за счет одной торговли антиквариатом миллиарды заработали.

Проще пареной репы! Недорого скупаешь интересные вещи, хранишь где-нибудь лет эдак 300–500, а затем продаешь за баснословные деньги.

Вытащила из сумочки на поясе мобильник. Два часа ночи. Нет, пора в кровать. Предложение соблазнительное, приятное, лестное, чего греха таить, но выспаться не помешает. Завтра новый день расследования. Генты, будь они прокляты! С лесными чудиками надо ухо держать востро, а организм в полной боевой готовности.

— Ладно, отвезу домой, — после вздоха, резюмировал мои наблюдения Альпин. Клад, а

не мужчина! Даже говорить ничего не надо! Только подумала — он уже в курсе. Нам бы такого в отделение!

— Поэтому Моррох меня и послал, — добавил ледяной, — Уверен, что докопаюсь до сути дела. Хотя сегодня от меня было мало толку.

— Я заметила, — злой сарказм все-таки прорвался наружу.

— Завтра наверстаем, — уверенно кивнул Альпин, — Только оденься поостроже, грудь прикрой.

— Ладно-ладно, — согласилась я.

Надо же дать немертвому проявить дедуктивные способности! Тем более, нам они ой как пригодятся!

— И завтра поедешь со мной в ресторан! — в голосе Ледлея мелькнули приказные нотки, почему-то сейчас не вызвавшие ни малейшего раздражения.

— Поеду, — развалилась в кресле, откинув голову на спинку.

— Отдыхай, разбужу, как доберемся, — шепнул Альпин.

Машина сорвалась с места, миг набрав запрещенную смертным водителям скорость.

Прикрыла глаза и меня с распростертыми объятиями встретил Морфей.

24

В любом обличье

(Огни)

Оставшись одна, легла, не раздеваясь, с наслаждением закутавшись в колючее шерстяное одеяло.

«Тошная» подушка, которой едва хватало, чтобы положить голову, жесткий матрас представлялись верхом комфорта.

Устроившись посередине двуспальной, не меньше кровати, почему-то ощутила себя бесконечно свободной, как выпущенная из лука стрела.

Последние солнечные лучи пробивались между резными деревянными ставнями, золотым песком оседая на грубоотканом сероватом постельном белье.

Ароматы поселения людоедов разнежили. Обоняние, раздраженное мастер-классом Тарелла, здорово улучшилось. Скорее всего, аура настроилась на его преумножение. Есть у нас такое. Хотя как подобное случается, без понятия. Не скажу, что сравнилась чутьем с оборотнями, но запахи усилились в разы.

С улицы доносились легкие нотки травяной свежести, шафрановый прикроватный коврик фонил шерстью. Натуральный? Вот это да! Из коридора тянулся аромат спелых манго, апельсинов и груш. Похоже, каны любят фрукты, как и я. Резкие порывы ветра заставляли скрепленные магнитами ставни еле слышно поскрипывать, впуская в комнату запах углей. Где-то недавно жгли костер. Людоеды все еще готовят на открытом огне? Сто двадцать первое ошеломляющее открытие.

Закрыла глаза, впустила в себя кислород, и погрузилась в Царство Грез.

Непривычно. Дома и ночью-то без конца ворочалась, чуть ли не каждый час вставала, бессмысленно ходила по квартире, не в силах успокоиться. Здесь же сморило быстро, глубоким сном с яркими грезами.

Пробудилась под вечер. Сквозняк приносил прохладу, фиолетовые сумерки наполнили

комнату полутьмой. Изучив гирлянды лампочек у потолка, вместо привычной люстры или светильника, решила обойтись пока без них.

Умывшись поразительно освежающей водой, осторожно проскользнула по коридору и ... наткнулась на черную кошку. Тарелл. Как узнала — понятия не имею.

К вождю вхожи Индира, его брат... Однако, сомнений не было!

Темно-синие глаза кошки мерцают, коричневый нос пробует мой запах. Зверь уткнулся мордой в волосы, провел щекой по лицу, будто приветствуя. Остолбенела. Непонятные ощущения захватили резко, не дав выдохнуть.

Мягкая шерсть, приятно щекочущая кожу, знойное дыхание, жар знакомого тела и... язык, шелком скользнувший по уху.

Ур-р-р... Почти также он урчал когда...

Повинуясь непонятному порыву, поднесла руку к голове оборотня и погладила. Кот прикрыл веки, заурчав громче, протяжней.

В мозгу всплыл момент, когда аурой перевоплощалась в аджагара. Началось шутки ради, с баловства вместе с сородичами...

Представила, как лицо вытягивается, челюсти изменяются, на голове вырастают рога, руки и ноги обретают мощь. Ногти удлиняются, заостряются, из копчика выдвигается сильный хвост, сзади — гигантские перепончатые крылья, просвечивающие на солнце.

Друзья-полукровки лишь намеревались проследить — насколько сильно изменится рисунок моего биополя... Но...

В какую-то минуту испытала невесомость... даже немного оторвалась от земли...

Охваченная удивительными впечатлениями, распрямилась, вытянув длинную шею... Взмах около лопаток... еще и еще. Побежала, чувствуя, что босоножки едва касаются травы. Вперед! Не оглядываясь! До боли в груди заглатывая ветер свободы, бьющий в лицо, развевающий... длинные усы, поддерживающий, благодаря парусам за спиной, созданным матерью-природой...

Что есть мочи рванула навстречу воле... Безграничной, как полет, легкой, как перышко.

Разгонялась все больше, оставляя позади суету прохожих, снующих по дневному городу, подобно муравьям, лишь изредка подставляя лица щедрому летнему светилу.

Люди не замечали меня — накрывшись энергией аджагара, мы перемещаемся в ином пространстве. Сама до конца не понимаю этого момента. Точно мы существуем в другом измерении, видя, слыша творящееся на Родине, но не соприкасаясь с ним.

Святейшество пояснял, что восьмимерные создатели одарили некоторых из нас пятимерной аурой, в противовес четырехмерной планете, где я родилась.

Именно благодаря такому биополю умудряемся перемещаться по мирам, наблюдать энергии, получать информацию из космического источника.

Осторожно водя кистью по макушке Тарелла, опускаясь на мускулистую шею, вдруг отчетливо вспомнила свой невероятный полет. На грани реальности. Подаривший независимость, когда чудилось — весь мир на ладони, только протяни руку — и он твой, единолично и безраздельно!

Поймав мое настроение, кот опустился на пол, подставляя спину. Сесть? Остановилась в нерешительности, глядя как перекатываются под лоснящейся шерстью волны мускулов. Кан повел головой, будто спрашивая:

— Ну и что медлишь?

И правда, почему? Хоть ненадолго забыть о тоске, разрушающей душу изнутри,

ежеминутно режущей на куски, сжимающей ребра невидимыми тисками, камнем лежащей на сердце. Отрешиться от забот и просто жить... Разве я не заслужила хотя бы крошечную передышку?

Осторожно забралась на спину зверю, обхватив шею руками.

Тарелл поднялся очень плавно и вдруг прыгнул. Еще раз, еще и еще!

Вот мы уже несемся по поселку, навстречу лилово-сиреневому костру, плавно затухающему у горизонта. Сложно описать впечатления. Движение на грани парения и бега, очередное испытание невесомостью. Секунда — и окружающий пейзаж далеко позади, а впереди — притихшая перед закатом опушка леса, с густой челкой древесных ветвей. Сказка и только.

Не останавливаясь, мохнатый скакун врывается в чащу...

Запахи... запахи... запахи. Они повсюду. Казалось, еще недавно была слепой, но счастливо прозрела и, раскрыв рот, любуюсь радугой.

Кора деревьев источает терпкие нотки, цветы — пряные, сладкие, трава кружит голову ментоловым привкусом. Тарелл двигается так, что ни одна ветка не задевает меня. Ловко, быстро, грациозно. Черный кот прекрасен. Да, машина для убийств, возможно, равная людей на куски... Бр-р-р... Не хочу и думать о таком. Но великолепие, в сочетании со скоростью, изяществом восхитительны. Прижимаюсь к зверю, заработав новое довольное урчание.

Впереди разинул пасть внушительный овраг, оскалившись трухлявыми пнями. Не замедляясь, кан прыгает... Каменею, сильнее прильнув к горячему телу, натянувшись, словно тетива лука. Мы перемахиваем глубокую земляную бездну и, не дрогнув, приземляемся на краю.

Еще недавно хранила уверенность, что на кошке жутко неудобно — шерсть скользкая, при малейшем шаге тело ходит ходуном... Где уж тут усидеть?!

Однако, подшерсток людоеда полностью сводит на нет гладкость длинного ворса. То ли Тарелл нарочно контролирует позу, то ли секрет в его человеческой половине, но спина кана почти статична во время бега.

Каталась на лошади, в детстве. Но это совершенно иное — не качает, не трясет. Каждое движение стремительное, но мягкое... Будто мы совершенно обтекаемы. Каждое приземление почти неощутимо — ни толчка, ни рывка.

Ветер осатанело свистит в ушах, когда зверь отрывается от земли, на секунду сверху обрушивается воздушный душ, когда стальные лапы вновь смыкаются с твердой почвой.

Пышущий огнем кот подо мной... Только прижмись — и получишь необходимое как кислород тепло. Увы! Нам, полурептилиям, ничего не остается, кроме как уповать на жар млекопитающих. Так здорово наполняться им, пропитываться, опять и опять потирать ладошки, наслаждаясь новой температурой.

Скачок, еще скачок. Движение захватывало. Взлет, посадка, непроглядные веера кустов расступаются, признавая нашу победу... Дух захватывает от открывшегося великолепия.

Перед нами водопад, впадающий в небольшое озерцо. Отвесная горная гряда, где-то мучнисто-белая, где-то — оранжевая, посеребренная пылью лунного сияния, мерцает, точно ограненный алмаз чистой воды. Пять хребтов этой породы — эдакий зачарованный дворец хозяйки Медной горы.

Так вот какое сокровище надежно скрывал от назойливых глаз дремучий лес, вершинами деревьев пронзающий угольное небо!

Хрустальная влага со звоном падает вниз, сливаясь с неглубоким прозрачным водоемом.

Не тормозя, кан с разбегу ухает в пенистый поток. Прохладная вода заставляет ежиться, покрыться мурашками. Вот придурок! Я же не оборотень! Замерзну, как нечего делать! Чтс там замерзну — обледенею! Не успела додумать сочные ругательства, как очутилась в горячих руках... Тарелла. Уже в человеческом обличье.

— Говорил же, со мной не застудишься, — выпалил он в мое возмущенное лицо. Схватил и окунулся. Ледяной душ, опаляющий огонь тела кана — немыслимый контраст. Прижав меня к груди Тарелл вынырнул, мгновенно прогрев до кончиков пальцев.

Не говоря ни слова, разорвал на мне мокрую одежду, отшвырнув прочь. Было жутко неловко ощущать себя в объятиях нагого мужчины в костюме Евы. Дико хотелось прикрыться. Увы, нечем. Спрятала глаза. Людоед усмехнулся.

— Сложно с тобой. Запахи не особо чувствуешь, настроения не понимаешь, — пробурчал задумчиво. — Попробуй! — резко притянул к груди. Забыв о неловкости ситуации, втянула ноздрями воздух. Слабый аромат, сходный с запахом прогретой солнцем хвои ударил в голову. Эйфория, безраздельное счастье оглушили. Запоздало пришла информация. Феромоны Тарелла позволили мне испытать его эмоции. Неистребимый восторг, первобытный, почти животный, помог расслабиться, забыть о собственной неприкрытости.

Впервые в жизни взгляд приковали губы мужчины. Жесткие, рельефные, манящие звериной чувственностью, налившиеся кровью, резко контрастирующие с загорелой как у индейца кожей. Не заметила, когда Тарелл успел выйти на берег.

Резкое, прерывистое дыхание кана вновь оседало на коже ласкающим паром. Грудь спутника ходила ходуном, ноздри раздувались, волосы распушились, и не только на голове. Каны не очень волосаты — это вам не верберы с густой порослью на шее и даже спине, странно напоминающей лошадиную гриву, спускающуюся по линии позвоночника. Увидела, когда Беарн наклонился над раненой Стеллой. Редкий пушок, почему-то очень светлый, на груди и руках Тарелла вздыбился. Потемневшая радужка почти слилась с расширившимися зрачками. Впервые за наше знакомство воочию увидела, как эти угольные точки преобразуются в большие круги, напоминая о волнах, расходящихся от брошенного в воду камня. В следующий миг темно-синее кольцо вокруг резко чернеет.

Аромат людоеда магическим образом изменил Вселенную эмигрантки из иного пространства. Весь мир сосредоточился на алевшем, чуть припухшем рте малознакомого оборотня, в чем-то монстра, если задуматься. На гипнотических глазах, излучавших нескрываемое восхищение, жажду.

— Как ты узнала меня во втором обличье? — голос Тарелла вибрировал, тембр чем-то напоминал мяуканье дикой кошки из сериала BBC. — Не по запаху же.

Мотнула головой, глупая усмешка сама просилась на губы:

— Нет, конечно. Я едва его чувствую.

— Ну и? Это могла быть Индира, Старк...

Вот и я так думала...

— Не знаю. Просто увидела и поняла, — мямлю нерешительно.

— Тогда почему сомневаешься? — Тарелл прищурился.

— В чем?

— В том, что твоя судьба со мной.

— Все быстро, непонятно, у меня свои цели... Не знаю, — замаялась, потерявшись в объятиях кана. Завороженная близостью загадочного оборотня, сочетавшего в себе

пленительную неподдельную мужественность и способность к бережному отношению... Не думала, что так бывает. Людоед бесстыдно гладил мое тело, разгоняя кровь. Ненасытным, алчным ртом сначала буквально проглотил мой. Тарелл не столько целовал, сколько, всасывал. Его язык, поразительно нежный, гладкий для такого массивного существа, ласкал, возбуждал... Никогда подобного не испытывала. Было в нашем единении что-то кошмарно-правильное, точно я и кан родились, дабы принадлежать друг к другу, а все остальные — лишь ступеньки на пути к этому.

Тарелл разорвал поцелуй, продолжив облизывать щеки, шею, грудь. Совершенно пьяная от его феромонов, позволила изучать себя, пробуя на вкус каждую капельку пота, каждый миллиметр кожи.

Впервые пережила естественность того, что мужчина дотрагивался всюду, вторгался в святая святых. Без усилий, людоед очистил меня от налета цивилизации, въевшегося в плоть, сроднившегося с ней, подобно татуировке. Извлек из глубин подсознания, крови древнее начало, отчасти дикое, но куда более настоящее, чем все культурные наслоения.

Впечатления совсем не напоминали испытанное в предыдущий раз. Не предполагала, что знойные руки Тарелла — скользящие, мнущие, еще бог знает что делающие, абсолютно преобразят меня.

Ощущение крыльев за спиной — настоящих, тяжелых и легких одновременно, такое реальное в мгновения обращения аурой, ни с того, ни с сего вернулось. Запахи просачивались в нос, заиграв новыми оттенками. Свежесть травы раскололась на солоноватую и с кислинкой. Вода источала тончайший аромат, описать который затрудняюсь. Сродни нотке кокосового молока с чуть различимой яблочной сладостью.

Густая, непроглядная синева ночного леса расступилась, демонстрируя лимонную листву, окаймлявшую удаленную малахитовую зелень деревьев и кустарников. Аквамариновый мох пушился на гальке, мраморной россыпью украсившей берега.

Бирюзовая влага к центру озера отливала васильковым.

Звон капель, ударяющихся о водную гладь походил на органную симфонию, перебиваемую басистым окликом какой-то птицы и мелодичной трелью другой.

Мир вокруг расцветал, как по мановению волшебной палочки сияя все новыми гранями.

Зной прибывал, пульсировал, стремглав разбегаясь по ногам, рукам, переполняя, будоража, вдохновляя, но тут же собрался у пупка.

В какой-то момент четко осознала — отпусти меня кан — зависну над землей. Однако через секунду в голове сработал переключатель.

Тарелл... рядом, пожалуй, слишком... Мы почти сплелись в одно целое. Людоед без капли стеснения исследует меня, не упуская ни одного изгиба, ни одной выпуклости...

Нет! Я не готова! Не сейчас! Стоило дернуться, отстраниться, кан остановился. Пар вырывался из его рта, гематитовые зрачки лихорадочно блестели, ноздри вздрагивали, точно крылья стрекозы. Каждый мускул налился, затвердел сродни металлу, из плавильной печи опущенному в студеную воду. На вдохе грудь увеличивалась вдвое, малейший выдох окутывал лицо призрачным туманом.

— Не сейчас, — голос дрожал — чужой, высокий.

— Ясно, — Тарелл быстро поставил меня на ноги и... сиганул в озеро.

Растерянность сменилась пустотой, словно лишилась чего-то важного, необходимого, как воздух. Холодные сумерки навалились на плечи, острым чувством одиночества вонзившись в грудь. Сердце екнуло. Ну, где же он?

Несколько минут даже пузыри не нарушали целостности зеркального центра водоема.

Паника сумасшедшим дятлом долбила по барабанным перепонкам. Господи! Тарелл пропал, сгинул... оставил...

Темная масса ночного леса, едва обрисованная рассеянным светом Луны, стала мрачной, неприветливой. Сучья будто тянули корявые пальцы, стремясь расцарапать незваную нарушительницу спокойствия. Крики птиц и зверей взмывали в мглу предупреждающими выстрелами.

Я принялась лихорадочно озираться, вздрагивая от малейшего шороха.

Но тут из воды выпрыгнул людоед, черным котом приземлившись на берег. Вот это да! Обратился в прыжке!

Присел. Я послушно взобралась на спину, и зверь рванул в чащу, неожиданно радушно выставившую навстречу ладошки веток. Тарелл катал меня кругами, выскакивая на земляничные поляны, до головокружения пахнущие спелыми ягодами. Перемахивая через поваленные деревья, взбираясь на холмы, от которых стрелами устремлялись ввысь хвойные деревья.

В голове крутился вопрос кана. Как я его узнала? По ауре? Да нет, я не читала ее в тот момент. Тогда как же? Забыв о собственной неадекватности, согретая огнем людоеда, раскрепостилась.

Наконец, мы в несколько прыжков достигли границы поселения. Обернувшись, заметила мириады светлячков, неведомыми науке созвездиями зависшие на опушке.

На территории людоедов почти ослепла, инстинктивно прижавшись к мохнатому скакуну — тепло кана успокаивало. Быстро, не меняя темпа, людоед заскочил в дом.

Холл, коридор, моя комната.

Только слезла со спины черного кота, он превратился в мужчину.

Поспешно нацепив очередной мешковатый костюм, плюхнулась на кровать. Тарелл стоял во всей красе. Грудь вздымалась, иссиня-черные локоны взъерошились, губы алели, совсем как у озера. Не заметить причину этого было сложно, как ни старалась смотреть повыше.

— Думаю Индира уже купила тебе одежду, — как ни в чем ни бывало, выдал кан. — Могу разбудить и прислать сейчас. Или утром?

— Утром, — одними губами прошелестела я.

— Спи, — людоед развернулся и ушел, не сделав ни единой попытки приблизиться.

...

На границе дремы и глубокого сна в голове прорезался голос Святейшества.

Хотела возмутиться, но не дали. Гуманоид так затараторил, что только и оставалось слушать. Часть слов пропадали, терялись, другие разобрала с огромным трудом. Мыслесвязь напоминала плохой приемник, то издающий фразы, то шипящий, сродни напуганной кобре.

— Слишком много магии... связь очень плохая. Молчи... ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш... ... щить может только тот, кто связан с тобой энергетической пуповиной. Если в этом мире родное существо не найдешь, маму не переправишь. Моррох... ш-ш-ш-ш.

Убили все племя неандертальцев. Последнее на Земле. Создатели перестарались — аура первых нишати оказалась чересчур мощной. Не только лечила, омолаживала, но и меняла весь организм ... копьем проткнул сердце насквозь, но энергооболочка удержала в живых, переродило... ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш... первый вампир на Земле. Когда обратился Моррох, появились мертвые в нескольких других мирах. Я говорил про этот эффект — если

событие радикально влияет на ход истории в одном пространстве, в той же Вселенной на части планет случается подобное.

Ш-ш-ш-ш-ш... Прародитель всей нежити.

(Жуткий сон в гостях у Ала тут же всплывает в памяти. Моррох... я видела его историю. Но тогда, выходит, мы как-то связаны?)

Ш-ш-ш-ш... Той же ночь истребил племя карманьонцев, каждому всадив в грудь копьё. Не щадил ни женщин, ни стариков, ни детей, ни новорожденных. В живых осталось лишь несколько семей, в разгар кровопролития умудрившихся спрятаться в горах. Тогда Моррох и ощутил жажду крови. Долго скитался, прятался, но потомки истребленного народа отыскивали, вырвали сердце, вскрыли вены, слили кровь. Замуровали в малоизвестном лабиринте гротов...

Ш-Ш-ш-ш-ш... Позже там прятался его первый вампирский сын — Альпин.

Ходили слухи, что достаточно одной капли крови Морроха и мертвец встанет из могилы. Преувеличение, конечно, но основа для мифов была.

Моррох ожил спустя несколько столетий — и, правда, восстановился благодаря остаткам собственной крови. Она — сама жизнь, способна возродить тело, погибшее несколько дней назад, сама знаешь уже. Ш-ш-ш-ш-ш-ш...

Появились современные люди, питался ими, случайно обратил нескольких и так сколотил клан. Моррох полунишати-полувампир, его дети, кроме Альпина — простые немертвые, хотя и древние. ...Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш. Держи свя-я-язь! Влей энер... ш-ш-ш-ш.

Как обычно! Куратор не меняется, вечно он так — самое главное напоследок. Вдохнула, переправляя в телепатический канал частичку своей ауры. Сперва показалось — натолкнулась на преграду — осязаемую, колеблющуюся, но прочную. Она напоминала полиэтилен — гнулась, вздрагивала, шла волнами, даже тянулась, но не рвалась. Нажала повторно, ощущая как силы покидают. Накопленная энергия уходила, придется еще месяц ждать, прежде чем смогу воспользоваться порталом снова. Проклятье! Чего раскисла? Пока еще с Моррохом улажу и улажу ли вообще. Святейшество явно припас козырь в рукаве. Нужно срочно достучаться. В азарте надавила что есть мочи... препятствие немного поддалось — грань медленно, но верно истончалась. Еще, еще, еще. В мозгу разнесся оглушительный треск, будто лопнула холстина, энергия потоком рванула дальше. Столкновение аур заставило отшатнуться и меня, и куратора, в ушах нарастал стук, каждый удар отдавался дергающейся болью в центре лба.

На долю секунды увидела... наставника во всей красе.

Почему-то абсолютно не сомневалась, что образ, возникший перед мысленным взором — настоящий Святейшество.

Хотела бы встретиться с ним лично... Облик куратора поражал воображение, хотя за пару дней в новом мире насмотрелась на самые изумительные расы.

Глаза древнего существа, очень глубоко посаженные, с угольно-черными зрачками контрастировали с юношеским лицом, без единой морщинки, кожей, белой-белой, как будто даже прозрачной. То ли от перехлеста энергооболочек, то ли еще от чего, длинные белые пряди волос, хаотично перемешивающиеся с угольными, развевались, падая на мощную шею и богатырские плечи. Святейшество напоминал буйвола — массивного, тяжелого, но не грузного. Я отчетливо понимала — он намного выше и крупнее даже верберов.

Новый порыв ветра-энергии распахнул длинный кожаный плащ, светло-кирпичного оттенка, полы которого украшала бахрама, скорее похожая на лохмотья. Между полами

мелькнул угольный шелковый жилет, на клепках-многоугольниках, широкие атласные брюки в тон, высоченные бежевые сапоги.

Картинка мигнула и пропала, мучения же, заглушенные то ли переключением внимания на куратора, то ли, в самом деле, ненадолго затертые, вернулись с удвоенной силой.

Вдоль спины понеслась дрожь, захватывая все больше и больше мышц. Добралась до шеи — голова непроизвольно подалась вперед, я сглотнула комок в горле, с трудом проталкивая. Тычок в копчик, пальцы обожгло, ступни точно молнией пронзило. Когда же прекратится эта пытка?

Приподнялась в кровати, пошатываясь на неверных руках.

Коктейль наших со Святейшеством энергий облегчил состояние. В черепе еще звенело, подобно колоколу, в который недавно били.

— Моррох твой брат! У вас общий отец — Великий Аллен, вождь аджагар, — долетело сквозь пространство и время. — И не забудь! Маму поможет донести сквозь портал лишь тот, кто очень тобой дорожит и не безразличен тебе. Я рассказывал! Только взаимные чувства — мощная дружеская привязанность, любовь, кровные узы порождают энергетическую пуповину между аурами. Она — единственный канат, на котором можно протащить через Галактики существо, не умеющее путешествовать самостоятельно! В противном случае, потеряешь спутника, и где он окажется, даже я затрудняюсь сказать. Осторожней! Не ошибись в выборе! Иначе сгубишь помощника, растратишь силы, безуспешно стремясь протащить его. Потеряешь много энергии — сама можешь угодить невесть куда. Только с пуповиной вы будете как одно целое в портале и доберетесь с меньшей потерей мощи, чем во время путешествия в одиночку. Найдешь правильного спутника — на обратную дорогу, не медля ни часа, ауры хватит с лихвой. Ваша связь будет питать, а не истощать. Не прогадай! Не спеши с решением!

Громкие реплики колотили по нервам, отдаваясь жужжанием, гулким перезвоном в ушах. Куратор расстарался, тоже дал мыслесвязи побольше мощи. Рывок и ...тишина.

В полном изнеможении откинулась на подушки. От слабости мышцы тряслись — как бывает, если сильно перенапрячься. Тело окоченело, скрючилось, неумолимо замерзая. Свернувшись в клубочек, тряслась крупной дрожью под тонким покрывалом при двадцати пяти с лишним градусов по Цельсию. В машине Ала видела термометр.

В комнату заскочил Тарелл.

— Что? — вопрос замер на губах. Прыжок — и кан рядом, ложится сверху, делясь своим зноем, растирая руками. Я практически слышу удары его мощного сердца — ритм ускоряется, мускулы наливаются силой, пар с напором вырывается из легких.

Темно-синие зрачки сверлят, оценивая каждую черточку на лице, быстро чернеют.

Смыкаю веки, не в силах выдержать этот взгляд, отдаюсь чужому жару. Озноб отступает. Каждое прикосновение Тарелла гонит тепло внутрь замерзшей плоти. «Оттаиваю» забавно — кусками, то тут, то там члены наполняются живительным огнем. «Трясучка» прекращается, кончики пальцев враз прогреваются, вздох наслаждения вырывается из горла.

Открываю глаза. Медленно кан откатывается вбок, по обычаю, гипнотизируя.

Тончайшие холщевые брюки почти не оставляют места для фантазии. Надел для меня? Знаю ведь, какой заядлый нудист.

— Лучше? — непривычно высокий оклик-урчание радует слух.

— Спасибо, — губы расплываются в улыбке.

— Зови если что, — требует людоед, — Моя спальня через коридор. Услышу даже шепот.

Медленно втягивает ноздрями воздух — проверяет, как пахну.

— Теперь в порядке, — кивает довольно. — Расскажешь в чем дело?

Мотаю головой: — Давай позже, нет сил, правда.

— Как скажешь, — прячет глаза — недоверие заметно обижает его.

— Ладно, — расслабленно закидываю руки за голову, — Ко мне пробивался куратор...

Ну тот, кто обучает таких как я быть нишати.

— Из вашего мира? — живо интересуется Тарелл.

— Нет. Из другого, своего. Я там не была. Никогда его не видела. Связь высосала много энергии — и у него и у меня.

— Что-то важное? — кан схватывает на лету.

— Про Морроха, выяснилось — он такой же, как мы. Вернее был почти таким же, похожим, пока не стал...

— Живоедом?

— Да.

— И чем это поможет? Думаешь, у неандертальца осталась хоть толика сентиментальности?

— Пока не знаю, но раз куратор так старался донести, значит важно, — ужасно не хотелось говорить, что Моррох мой брат. Чудовище, дикая смесь рас, убившее невесть сколько живых существ... Язык не поворачивался сказать о родстве. Точно кровавый след, оставленный древнейшим ледяным в истории, пятнал и меня тоже. Звучит нелепо, но факт. Даже не представляла, что отношусь к Морроху с таким предубеждением. Раньше казалось, эмоции по его поводу вполне себе нейтральные... Как же плохо ты изучила, Огни!

— Ладно, отдыхай. А то, может, поешь? — грудной бас Тарелла вывел из размышлений.

— Спасибо, посплю лучше. А ты знаешь его первого сына — Альпина?

— Первый раз слышу, — пожимает плечами альфа, — Видел Эресса — вроде он второй в клане Ледлеев, если верить заявлениям самого Морроха и смишников, — и тут же переключился, — Утром будет сюрприз, — губы растягиваются в довольной улыбке. Улыбке? Точно. Раньше только уголки губ приподнимались, сейчас улыбка освещала лицо, глаза блестели как отсветы солнца в неподвижной воде.

— Спасибо, — повторила медленно. Хочется еще как-то отблагодарить. Протянула руку, неловко, осторожно погладила рельефное плечо, грудь, остановилась на секунду, ощутив толчок гигантского сердца.

Сладкий запах, напоминающий карамельный атаковал ноздри, на языке чувствовался отчетливый привкус шоколада. Эндорфины Тарелла — я начала гораздо острее воспринимать его аромат. Кан замер, следя за моей ладошкой. Подарил еще одну улыбку, удовлетворенную, кошачью.

— Любой каприз, — произнес серьезно, твердо. — Спи.

Легкий жест — и он на ногах возле кровати, прыжок — кан у двери.

— Зови, — кивнул нарочито плавно.

Старалась акцентироваться на лице Тарелла, но вид его возбужденного тела все-таки заставил любоваться ковром на полу.

— Все в порядке? — ухмыльнулся кан, будто бы невзначай чуть двинув бедрами.

— Н-нормально, — пробурчала нерешительно...

Живая разменная монета

(Огни)

Черный полутигр-полупантера — красивый, сильный возвышается напротив. Синие глаза гипнотизируют, впрочем, как всегда, крепкие лапы переминаются на свежей траве. Где мы? В лесу?

Вокруг буйство природы. Ярко-бирюзовые осколки неба виднеются сквозь раскидистые кроны деревьев, водопад хрустальным веером обрушивается в лазурную гладь озера.

Густая, сочная трава щекочет икры.

Не узнаю место. Чем-то похоже на то, куда Тарелл привозил на ночной прогулке. Но не оно.

Птицы тщательно выводят трели чистыми голосами, перемежающимися с шепотом листвы, шуршанием зверьков в траве. Глухо бубнят пернатые с низким тембром. Пряно-сахарные запахи разбавляются кисловато-терпкими.

Вождь людоедов подходит, трется о щеку, лижет лицо. Знакомый огонь остается на коже, впитывается, рвется глубже, наполняя, согревая, рождая ощущение полета.

Что со мной?

Медленно опускаюсь на колени, выгибаюсь дугой, подобно кошке, неожиданно для себя самой проявляя немыслимую пластичность. Я далеко не коряга, но сейчас тело новое, потрясающе грациозное, налитое силой, изяществом.

Золотисто-матовый свет поднимается вокруг. Машинально шагаю к воде — обычное отражение окутывают очертания животного, поразительно схожего с каном. Только глаза цвета зрелого янтаря и сверкающие перепончатые крылья за спиной напоминают об аджагарах.

Ах, нет! Еще диадема рогов, выступающих из густой шерсти, вплоть до идеально очерченных ушей.

Ничего не понимаю. Но впечатление правильности, необходимости, восторга случившегося наполняет. Члены поют, радость, вроде бы покинувшая навсегда, выгнанная страданиями, льется через край. Как же хорошо!

Точно я опять ребенок, не ведающий жестокости потерь, неотвратимости ударов судьбы, открывающий для себя восхитительный мир вокруг, приветливый, ласковый, добрый.

Крылья сами собой расправляются, унося ввысь.

Не успеваю посмотреть вниз, Тарелл прыжком настигает в воздухе. Снова та самая улыбка довольного кота, заснувшего у камина, мерцающие зрачки цвета новорожденных сумерек.

Мы несемся вперед, не касаясь земли. Новый взмах моих крыльев, скачок людоеда, еще взмах, еще скачок. Опаляющее тепло спутника пронзает на расстоянии, даря легкость, гибкость, энергию.

Сердце восторженно колотится, уголки губ сами приподнимаются, воля дурманит. Кислород прочищает голову, неутомимость позволяет наслаждаться каждым рывком.

Чудится — могу бежать до края Галактики, без усталости, без печали...

— Огни? — далекий призыв вырывает из неги. Будто нож входит меж ребер, поворачивается, ввинчивается. Кажется — тепло уходит куда-то сквозь рану, слабость камнем тянет вниз. В груди взрывается каскад боли, неумолимыми щупальцами дергая за каждый нерв.

Падаю, падаю, падаю...

Свист ветра в ушах переходит в гул, вибрацию, порождающую жуткую мигрень.

— Огни! — высокий, звонкий возглас ударяет в мозг. Съежившись от нахлынувших мук, лбом едва не врезаюсь в громадный камень.

Но что-то горячее, знакомое, упругое в последнее мгновение втискивается между мной и валуном. Распластываюсь на Тарелле, смягчившем удар. Перекатываюсь, еле-еле встав на трясущиеся, неверные лапы, то и дело норовящие подогнуться.

— Мама... — соленая роса капает с подбородка, поливая буйно разросшийся подорожник, — Мама, — воздух осколками стекла режет грудь.

Мягкие нотки тихого голоса, немного грустные... Тающие в воздухе слова...

Слезы комом встают в горле, плечи каменеют, сердце замирает, холод обдает с ног до головы.

Мама... Два слога, в которых вложено так много невыразимо дорогого, бесценного, навеки утерянного... Четыре буквы, всегда обозначавшие весь мир, схлопнувшийся однажды до крохотной точки, кровоточащей под ключицей.

— У нас нет выхода, — бархатистый, грудной голос альфы канов осип. — Ненавижу себя и его за это! Но твои слезы выжигают нутро хуже ревности, злости... Придумаем как быть... Только не плачь... Это единственное, чего не вынесу. Думаешь, речь только о ревности, собственничестве? Да, я собственник, каких свет не видывал! Да, одна мысль об этом заставляет желать рвать его на куски, ждать, когда заживет и драть заново, шкрябая когтями о проклятые неистребимые кости! Но, клянусь, проблема сложнее! Это может убить тебя! Уничтожить в самом начале или после... Тогда... Придется на коленях умолять его оторвать мне башку! А ведь у проклятушного выродка сочувствия ни на грош...

Мы разговариваем в животном обличье, и это не смущает. Шевелятся ли губы Тарелла? Не уловила.

Кан прерывается на полуслове, задирая голову.

Свинцовые тучи заволокли небо, нависли, изменив мир до неузнаваемости.

Птицы тревожно окликали друг друга, точно предупреждая о чем-то, загудел ветер, перелистывая ветки. Аромат свежести боролся с запахом опасности, адреналина, прозрачная влага, дугой летящая с отвесной скалы, посерела, замутилась, потускнела. Не успела и глазом моргнуть, сверху обрушились студеные капли дождя.

Вода полилась отовсюду — наступала, пленила, обездвижила, впитывалась в плоть, обжигая стужей.

Нежданно-негаданно под ногами разверзлась воронка. Меня закрутило до тошноты, спазмами подкатывающей к горлу, ломоты в висках, перед глазами все плясало с невероятной скоростью, усиливая рвотные позывы. Торопливо зажмурилась что есть сил, едва удержавшись от желания поискать Тарелла.

Странно, но дыхание не затруднилось. Я абсолютно точно опустилась на дно какого-то водоема. Запахи пропали, на перепонки давило со всех сторон, веки чуть открывались. Вокруг мельтешили мелкие рыбешки всех цветов радуги, пестрые и одноцветные, огибая

незваную гостью, изредка задевая плавниками или хвостами.

Резкий рывок вверх заставил опять что есть сил зажмуриться. Альфа канов зубами вытащил меня на берег. Однако, выныривая, отчетливо услышала:

— Либо как они, либо как мы. Ты не сможешь обращаться в разных существ, подобное не для полукровок. Один облик, одна сущность ауры на всю жизнь.

— Я что? — озиралась, краем глаза заметив взволнованное лицо Тарелла. Он уже человек?

— Аджагара в силах ненадолго принимать любую форму, — звук обрушился сверху, придавив к земле, руки вцепились в свежую траву, аромат мятного сока ударил в нос. Я тоже снова в человеческом теле?

— Не понимаю... — выдавила из саднящего горла, спешно откашливаясь.

— Нишати — своего рода оборотни, — методично цедил неведомый собеседник, — Сотканый из биополя образ осязаем, хотя и слегка прозрачен. Тебе подобные вольны выбрать звериную сущность. Любую. Но одну и на всю жизнь. Черты прародителей останутся — крылья, чтобы летать между Вселенными, рога, чтобы соединяться с энергооболочкой, видеть его, вытягивать факты, золото покровы для исцеления. Но в теле неясца попасть в миры творцов невозможно...

Голос стих, ливень, полосовавший, барабанивший по телу так, что, казалось, вся покроюсь синяками, резко закончился. Бесшабашные лучи прорезали знакомый лес канов, лентами ложась меж деревьев.

Видение и явь перемешались настолько, что лишь пробудившись, отличила первое от второго.

...

Нити знойных полуденных лучей, пробивались сквозь закрытое окно, оставляя на лице ненавязчивое тепло.

Открыв глаза, внимательно огляделась.

Сперва не поняла, где нахожусь — события развивались так стремительно, что психика не успевала подстроиться. Бежевые окрашенные стены и паркет-елочка на полу. Вместо привычных занавесок или жалюзи ставни из ярко-желтого дерева с крупным узором, вроде множества косичек.

Потянулась к защелке. Она на удивление легко поддалась, издав негромкий металлический звон.

Первое, что бросилось в глаза за окном — статуи гигантских кошек, охраняющие двери — я насчитала шесть.

Сладко потянулась, задев что-то на краю постели. Что такое?

Перекатившись на бок, пораженно уставилась на аккуратную стопку одежды. Заказ Индире! Привычка канов бесцеремонно вламываться в любое время суток, голая ты или одетая, спишь или бодрствуешь, моешься или вытираешься, уже не шокировала.

Наконец-то вещи по фигуре и размеру! Мешковатые балахоны, спортивные костюмы «на большого Ивана» изрядно поднадоели. Все-таки женщина и в Африке женщина. Недавно была убеждена — страдания давным-давно уничтожили стремление прихорошиться, модничать, флиртовать, нравиться. Полагала, все это ушло за границы моей Вселенной, наполненной глухим боем сердца, опустошающим пламенем вины, заставляющих корчиться от почти физической боли, одиночества, от которого хотелось быть на луну.

Я словно оживала, неторопливо, мучительно и сладостно. Подобно розовому кусту,

поверженного заморозками, невниманием садовника, который получив удобрения, живительную влагу, обласканный нежным весенним солнцем, вопреки ненастьям воспрял, ринулся в рост.

Тарелл дал толчок к воскрешению? Ничего себе! Альфа людоедов последний, кого представляла в роли врачевателя душевных ран... Скорее уж наоборот...

Взгляд уперся в венчавшие аккуратный штабель одежды брюки морковного цвета и топик из диковинной ткани. Тончайшей, невесомой, однако совершенно непрозрачной. Гладкая, нежная, ласкающая, она одним касанием доставляла больше удовольствия, нежели поглаживание шелка. Приподняв вещи, обнаружила под ними... шафрановые сапожки из мягкой кожи, больше похожие на чулки с жесткой подошвой.

Жажда поскорее примерить обновки заставила стремглав броситься в ванную и поспешно совершить утренний моцион.

Не зря — кофточка и брюки отлично сели, точно шились специально на меня. Костюм подчеркивал талию, стройность ног, но не облегал полностью. Сапожки покорили. Удобные, легкие, еле ощутимые. С наслаждением прошла взад-вперед. Прежде не встречала подобной обуви. А жаль! Сколько мозолей можно было бы избежать!

Тарелл прав — его подданный умелец, каких поискать.

Вздвогнув от резко приблизившихся к дому шума, галдежа, высунулась в окно.

Толпа людоедов окружила главу поселения и... мерзавца-гента, похитившего меня. Почему он тут? Догадки судорожно заметались в голове, спровоцировав приступ паники. На шею будто удавку накинули, жадно глотая воздух, постаралась успокоиться... Вдох-выдох... Вдох-выдох... Вдох-выдох...

Немного получше, но зашкаливающий пульс и внутреннее дребезжание, отдающееся слабостью в каждой мышце, сподвигали поскорее выяснить — что происходит.

Вчера сверхи договорились связаться с Уорлом и Неллехом. Но сделать это должен был Беарн. Тогда что тут забыл проклятый король?

Настенные часы сообщали, что мои внутренние не ошиблись при пробуждении — без двадцати час. Вербер планировал еще утром заняться «гентским вопросом». К данному моменту все рассчитывали узнать время и место встречи, на случай, если лесные монархи заартачатся, настояв на своих.

В какой-то лихорадочной суматохе выскочила наружу. Толпа канов немедля расступилась — Индира была права — во мне узнавали потенциальную пару вождя и относились соответственно.

— А вот и она! — прыснул Уорл.

Тарелл заметно напрягся, иссиня-черная грива вздыбилась — явный признак возбуждения, насколько успела понять. Одним шагом альфа закрыл меня широкой спиной.

— Ты бы хоть принарядился при даме! — хмыкнул гент, кивая на лимонные льняные брюки главного людоеда. Как всегда мешковатые, полупрозрачные, явно демонстрирующие отсутствие у владельца нижнего белья, еле державшиеся чуть выше лобка.

— Пошел ты! — выплюнул Тарелл. Он не очень-то церемонился. Так незваному гостю и надо! Поймала себя на странном восхищении альфой людоедов, смешанным с радостью от небрежного, даже хамского обращения с ненавистным Уорлом.

— Хм... А вы забавно смотрите рядом, — гент расстегнул рукава свободной шелковой рубахи изумрудного оттенка, оправил ремень из крокодиловой кожи на темно-зеленых брюках из той же ткани. — Слушай! Тебе все это ни к чему! Подумай сам! Случись война,

разве канам не проще уйти в сторону, дав нам разобраться между собой. Мне требуется всего-навсего свидетель преступления выродка Неллеха, лучше два. Тогда брошу перчатку, и ни один из других государей пикнуть не решится. А Ледлеи... да черт с ними! Не верю, что ты заботаешься о проклятой семейке живоедов!

Это слово не приходило ко мне даже через информационную оболочку, но за последние сутки успело порядком надоесть. Было в нем что-то принижающее... отвратительное...

— Пошел ты! — повторил Тарелл. — Сам не уйдешь, покажу дорогу! Еще раз по башке получить хочешь? Без сотрясения мозга совсем не работают?

— Да мне нужно-то грамм двести ее крови, чуток энергии. Целехонькой верну, королевское слово, даже под залог собственной жизни. Я только утром, очухавшись понял, почему так быстро восстановился! Частицу ее ауры хлебнул, пока тащил! Не знаю что она такое, но явно в родне с аджагарами! Тебе, людоеду невдомек, что существует такая раса! Никто не знает про могущественнейших сверхов!

Испугаться не успела, вождь канов загоготал так, что вздрогнула. Тотчас большая горячая ладонь прикоснулась к бедру, успокаивающе поглаживая.

— Она моя! Пока не отвергла предложение стать альфа-самкой, эта женщина принадлежит мне! — прорычал Тарелл. — И ты, гентское отродье, пальцем ее не тронешь! Иначе я у тебя самого откачаю все, что можно и все, что нельзя! Уразумел? Или помочь кулаком по темечку?

Уорл звонко хихикнул еще раз.

— Ты всерьез надеешься, что она станет парой коту? Господи! У канов слабоумие, как минимум! Она же родич аджагар! Хотя куда тебе знать...

— Заткнись! — легким движением руки, вождь людоедов схватил гента за шею — тот захрипел, кашляя, натружено дыша. — Моя или нет, я не дам тебе ни капли ее крови, ни грамма ее энергии! Уяснил? — последнюю фразу глава поселения чеканил по слогам, делая ударение на каждом.

— Могучий Тарелл, третий среди вождей ночных живоедов пал жертвой чар прелестницы! Как это бана... — Уорл беззвучно открывал рот, как мим из плохого кино, судорожно пытаюсь сделать вдох... Из его горла уже не вырывался даже скрипучий шепот.

— Твое мнение, гентское отродье меня интересует в последнюю очередь. После мнения сурков, крыс, тараканов, блох! — сзади было отчетливо видно, как натянулись скулы и шея вожака людоедов. — Пошел вон! На встречу, назначенную Беарном, явлюсь! Но обсуждать будем только наше дело! Ваши идиотские придворные интриги... А сейчас прочь с моей территории! Или пожалеешь! Уверен, ты отлично осведомлен, что здесь я волен тебя пришибить за вторжение без приглашения и буйное поведение! А я тебя не звал!

Тарелл швырнул Уорла через головы сородичей. Нежеланный гость пролетел над толпой, рухнув на землю, как мешок с картошкой. Вот что значит гент! Человек бы половину костей переломал, а то и шею свернул. Лесной монарх медленно поднялся, отряхивая дорогую одежду, одновременно быстро пятясь назад. Выглядел он почти невредимым, разве что мелкие синяки остались.

— Мое предложение в силе! — крикнул, отбежав подальше.

Альфа смачно плюнул на землю и повернулся ко мне.

— Позавтракала? — вопрос, совершенно не вяжущийся с происходившем минуту назад, застал врасплох. Взгляд Тарелла неспешно скользнул по мне, уголки губ приподнялись, синие зрачки довольно просияли:

— Тебе идет, — мурлыкающие нотки в голосе вождя замечательно иллюстрировали изменение его эмоций. — Хотя я и не поклонник тряпок на теле. Но выглядишь... хм... отлично...

Не могла удержаться от ошарашенного наблюдения за уносящим ноги Уорлом.

В мозгу, точно штормовые волны о прибрежные камни, бились отчаянные мысли. Откуда он узнал обо мне? Неужели это настолько очевидно? Кто еще в курсе? Собирается ли гент обнародовать открытие? Страшно представить, как все его сородичи ринутся забирать у меня кровь, энергию и еще бог знает что... Господи! Я влипла... Как никогда еще на чужой планете! Под силу ли знакомым-сверхам защитить меня от искателей «сокровищ аджагар»? Если и так, вдруг «мальчики одуванчики» озвучат свои открытия правительству?

Бежать домой? Но даже если откажусь от плана — цели всей моей жизни, сил на переход не хватит... Что же делать?

— Не бойся, — жаркие руки альфы легли на талию, Тарелл притянул к себе, а у меня не хватало сил противиться. Удивительно! Присутствие доброй половины людоедов, по крайней мере, мужчин, нимало не смущало главу стаи. — Никто тебя не тронет. Ни здесь, ни где бы то ни было в нашем мире. — обещание прозвучало настолько буднично, спокойно, просто, словно речь шла о куске хлеба или прогулке по лесу.

— Он хотел мою кровь и энергию? — вопрос рвался сам, тревога бетонной плитой навалилась на грудь. Рванный бой сердца отдавался в висках, голова опустела, ноги подкашивались от ужаса...

— Да, — равнодушно подтвердил Тарелл, — И ты слышала ответ. Забей! Генты редкие мрази! Используют кровь и разные другие части сверхов для своих магических фокусов, эликсиров, заклятий. Пока я жив, тебе нечего бояться. В племени достаточно воинов и неслабых самок, чтобы ни одно гентское войско не сунулось. Они могут зачаровать ледяных днем, смертных, других оборотней, только не нас. А мроркские кинжалы — большая редкость. Говорят, отлить их можно только в момент смерти одного из благородных гентов. Конечно, если Уорл или кто другой из его братии попытается еще раз до тебя добраться, такого оружия сразу станет гораздо больше. Но не настолько, чтобы проклятые лесные дряни укокошили целое поселение канов. Не говоря уже о том, что, если потребуется, я вправе призвать другие стаи для подмоги. Хоть всех бойцов канов. Вторжение на мою территорию, угрозы — достаточное основание.

Пока Тарелл объяснял, раскрывая новые грани жизни своей расы, меня и впрямь наполняла уверенность в завтрашнем дне.

Все в нем умиротворяло — глубокий, утробный голос, мощные ладони на моем поясе, лицо, на котором не было ни грамма сомнений, убаюкивающий жар, дарящий все новые и новые прежде недоступные ощущения, силу.

Инстинктивно чувствовала себя в безопасности, рядом с малознакомым оборотнем, чьи предки, а возможно и он сам, рвали людей на части, поедая их плоть и внутренности. По неведомой причине, я доверяла Тареллу безоговорочно, ни секунды не усомнившись.

— Ну, ты успокоилась? — вожак канов пытливо всмотрелся в лицо.

— Вполне, — подкрепила слова кивком.

— Тогда пошли есть. У тебя глюкоза в крови понизилась... — людоед развернул меня к своему коттеджу. Группа канов мгновенно раздвоилась, уступая дорогу.

— Тарелл? — будь голос побасистей, решила бы, что кто-то записал альфу людоедов и разыгрывает меня. Интонация, выговор, тембр — все напоминало главу поселения.

Тарелл, не оглядываясь, ступил на порог дома, ведя меня следом. Он, что решил проигнорировать зов? У самых дверей спутник остановился, крутанувшись в своей манере, увлекая меня за собой.

Ничего себе! С трудом сдержав изумленный возглас, приоткрыв рот, изучала людоеда, переминавшегося с ноги на ногу у ступеней здания.

Не знай я, что у Тарелла есть брат, поняла бы сейчас. Тет представлял собой чуть уменьшенную, сглаженную, если можно так выразиться, копию старшего родственника. Разрез глаз немного менее миндалевидный, волосы чуть менее волнистые, линия рта аккуратней, нежнее, лоб еле уловимо ниже, атлетическая фигура слегка изящней.

Следующие несколько минут я участвовала в немой сцене. Хозяин дома не спешил начать диалог, его младший родственник заметно нервничал, но не проронил ни слова. Тербил завязки голубоватых холщевых штанов, забавно хмурился, походя на мальчишку, получившего ремня за проделки соседского хулигана. То и дело шагал на месте, будто пытался вмять в почву хилые остатки травы.

— Слушаю, — Тарелл сильнее обхватил мою талию, — Только побыстрее, я должен накормить свою гостью.

Тет помедлил, тяжело вздохнул и сдался:

— Это я передал Стеллу Беарну. О положенном наказании знаю, приму от тебя с благодарностью, — губы парня трогательно поджались, чуть заметно вздрогнули. Он медленно опустился на колени, подставив шею.

Тарелл громко выпустил воздух из груди, неожиданно развернул нас еще раз, подтолкнув меня внутрь здания.

— Закрой дверь, — тоном, не терпящим возражений, скомандовал альфа канов входящему брату. Тот повиновался.

Информационное поле засыпало фактами. Если двери жилища вождя плотно захлопнуты, никто не вправе его побеспокоить, даже не приглашенные родственники или другие альфы. Если хоть капельку приоткрыты — заглядывай, по необходимости, кто хочет.

Тарелл жестом указал Тету на кресло, вчера облюбованное мной для общения со сверхами. Пришлось сесть на диван. Альфа тотчас опустился рядом, касаясь моей ноги своею. Отодвинуться не было ни малейшего желания — от зноя кана, близости радость теплом разливалась внутри.

— В курсе, — проронил людоед, выдержав еще одну паузу, — Легенда такова. Тебя, а затем меня шантажировал Беарн, грозя рассказать властям про Чарса и его идиотское лесное злоключение. В обмен на сохранность тайны, мы отдали Стеллу. Я поручил это тебе, как своему доверенному лицу и бете. Но полиция докопалась до сути без чужой помощи, так что глупец еще под ударом. Велес клянется предоставить мне судить Чарса, если каны помогут с расследованием убийства Праллара. Будем надеяться, вопрос разрешится ко всеобщему удовольствию. Я пока не дал ответа, чтобы не выказать заинтересованность, попутно выбив сутки для беседы с гентами.

Когда Тарелл начал, брови Тета взлетели к вискам, смурное лицо прояснилось, на долю секунды улыбка приоткрыла ровный прикус.

Только речь зашла о встрече с Уорлом, с каждым словом брат вождя все больше хмурился.

— Я с тобой! — воскликнул горячо, едва последняя фраза слетела с уст Тарелла.

— Нет! — отрезал альфа канов, — Ты охраняешь Огни, — кивнул в мою сторону, —

Отвечаешь за нее головой! Пожар, потоп, ураган, нашествие гентов — твоя задача, чтобы к моему возвращению Огни была цела и невредима. Ясно?

— Но...

— Я спросил — тебе ясно? — под нажимом главного людоеда я сдалась бы давно. Однако Тет, похоже, куда более закаленный в спорах с Тареллом, уже было открыл рот для возражений.

— Прекрати истерику! — осадил его старший родственник, — Я возьму Нарра, Айрра и Крекатта... Беарн с Алом тоже в деле и наверняка притащат свои команды поддержки.

Судя по сжатым кулакам Тета, втянутым щекам и стиснутым до хруста челюстям, грядущее предприятие крайне опасно.

Прежде думала — речь об обычных переговорах «на высшем уровне», чего-то типа Саммита нечисти... Значит, Тарелл сильно рискует?

Меня обдало холодом, казалось, иглы вонзились в позвоночник, сердце замерло, изредка ударяя по вискам. Судорожно вцепившись ладонью в колено альфы канов, встретила с взглядом чистых-чистых синих зрачков.

— Ты... это очень опасно? — еле выдавила из себя...

Мысль о потере Тарелла приводила в неопиcуемый ужас. Вот уж не ожидала! Огни, да ты симпатизируешь ему гораздо сильнее, чем предполагала!

— Хм, — вожак людоедов потерся щекой о мою, негромко урча, зарылся лицом в волосы, смакуя их запах так шумно, что смущение обожгло кожу. — Приятно, что волнуешься за меня, — шепнул, ни грамма не тушуясь великолепного слуха брата.

Не смея произнести ни звука, прикрыла глаза, уронив голову на богатырскую грудь Тарелла.

Этот мужчина... никто для меня, по сути, недавний знакомец, как выяснилось, безумно важен, нужен... Дорог?

— Да ничего со мной не случится! — хозяин жилища провел ладонью по моим волосам, еще раз и еще. — Вернусь, чтобы снова почувствовать твое беспокойство, равнодушие. Еще вчера у меня не было особой надежды, что ответишь на... чувства... Думал — решишь свои задачи и пошлешь на все четыре стороны... А сейчас... Как можно после этого бездарно сгинуть? И думать забудь.

Отвечаешь за нее головой! — без перехода обратился Тарелл к брату, — За каждый волосок, каждую царапину, каждую каплю крови спрошу вдесятеро. Понял?

— Конечно, — с готовностью поддакнул Тет.

— Иди уже, спаситель верберолобок, — хихикнул вожак. Ручка двери щелкнула: один раз, два...

Все еще не в силах распахнуть веки, прижималась к Тареллу, бережно поглаживающему по голове.

Сколько мы так просидели не знаю. По членам разливался блаженный жар, прильнув к крепкому телу людоеда, впервые за последние годы ощутила ... счастье. Мурашки, стремящиеся пощекотать затылок и поясницу, мотыльков, беспшабно порхающих в животе, детский восторг, звенящий внутри.

Могла ли я вообразить, что снова испытаю подобное... Такое привычное, мелодичное урчание вибрировало в каждой клетке, перебивая мощный, быстрый пульс, громыхающий в ухе...

Сбивчивое пыхтение, напряжение тела, местами практически окаменевшего, выдавало

настроение кана. Но на сей раз он не предпринимал ничего, выходящего за рамки родственной ласки.

Благодарность за то, что позволил наслаждаться ею, не смешивая с плотским вожделением, преумножала упоение моментом.

— Ладно, Индира накормит тебя, пойду собираться на встречу, — людоед решительно поднялся, ободряюще улыбаясь, — Иначе с таким-то настроем только и смогу, что спеть оду Уорлу... Да мурлыкать ему диферамбы! Сейчас даже проклятые лесные мстители выглядят привлекательней...

— Удачи, — слова давались титаническими усилиями.

— Я же сказал — не переживай! И не бери пример с моего слюнявого братика! Ничего со мной не случится! Слово вождя канов! — подмигнув мне как-то по-особенному, хитровато, лукаво, Тарелл мгновенно скрылся в коридоре, противоположном ведущему в мою комнату.

27

Сверхдрака

(Ната)

Я невольно любовалась ведущим машину Альпином, лавировавшим в транспортном потоке, как рыба в воде. Не нарушая правил, с разрешенной для ледяных скоростью, мы с легкостью обгоняли одно авто за другим.

Этьен напряженно застыл на заднем сидении, непроизвольно двигая руками, в такт поворотам руля. Реакция Ледлея потрясала. Мне не раз приходилось сталкиваться с вампирской быстротой, но такого никак не ожидала. Все-таки старейшая нежить на то и старейшая.

Беспрерывно передававшиеся новости с поля боя, еще недавно бывшего залом ресторана «Лев» провоцировали общую нервозность. Мятые рукава желтой блузы, уже раз десять засученные и снова опущенные мною, влажные темно-синие джинсы, о которые я беспрестанно вытирала ладони, тому подтверждение. Не скажу, что впервые столкнулась с масштабной дракой сверхов среди мирного населения, со всеми вытекающими последствиями... Однако, признаюсь честно — еще ни разу не доводилось участвовать в сражении против гентов. Ната Велес не боится пуль, когтей, клыков, гипноза, суперсилы, звериной мощи. Годы службы в родном участке стоили мне сотен шрамов на самых неожиданных частях тела, пятнадцати сквозных ран, шести переломов, не считая мелких травм, вроде ушибов, растяжений, разрывов связок, гематом, наконец. Но иметь дело с грубой силой, или даже с заморочками ледяных, типа внушения, совсем не то же самое, что с магией гентских королей.

Да, я боялась ее. Страшилась зелий, способных лишить разума, обездвижить, замедлить процессы в теле, заставить испытывать дикую боль или же невиданную эйфорию, подчинить и еще бог знает что еще... Этьен казался спокойным как скала. Вот за что искренне люблю напарника. Ни разу за десятки лет совместной службы вербер не проявил ни страха, ни даже малейшего опасения. Его убежденность в победе лишь оттого, что мы «правы» и охраняем добропорядочных граждан, вселяла спокойствие, придавала сил в самые отчаянные минуты. Должно быть, именно о таких вот хороших парнях снимают кино и пишут романы. На

бледном лице Альпина не отражалось ни единой эмоции. Ледяной, что с него взять? Это их всегдашняя фишка — абсолютная бесстрастность в любой ситуации.

Ветер из приоткрытого окна развеивал широкую угольную рубашку Ледлея, заправленную в такого же цвета кожаные брюки. Я начала привыкать к его вычурной манере одеваться, в стиле пиратов средних веков или французских аристократов времен Людовика 13. Похоже, Альпину просто нравился такой стиль, и он не считал нужным следовать переменам человеческой моды, чересчур молниеносным для существа, оттрубившего тысячи лет.

— На данный момент больше тридцати пострадавших, двенадцать тяжело раненых, — сводки, которыми щедро сыпали МЧэсовцы через связь, не радовали. Скрип отвлек меня от грустных мыслей. Ледяной так сжал руль, что резина заскрежетала под стальными пальцами. Неужели ему не все равно? Подобная мысль не приходила мне в голову. Убеждение, что вампиры равнодушны к чужим судьбам, исключая ближайших родственников из клана, еще ни разу не подводило.

— Не люблю бессмысленные травмы и гибель, — прокомментировал выражение моего лица Альпин, — Это... хм... неправильно.

Стройные ряды четырнадцатизэтажек в развлекательном мегакомплексе издавала походили на лес с картины техносюрреалиста. Внизу глубокого стального оттенка, сверху — гламурно-розового, здания напоминали угловатые цветы с еще не распустившимися бутонами.

Место происхождения легко угадывалось по скопищу нелюдей и смертных, окруживших один из небоскребов. Толпа бесновалась. С два десятка девиц вампироманского вида — в черных кожаных юбках, брюках и топиках, больше походящих на бюстгалтеры энергично прыгали, остервенело визжа и потрясая прелестями: Камулы лучше всех! Давай Ал, давай Виргор, давай Рейн!

Мда... Все хуже и хуже. К другу Беарна присоединились братья — и в человеческой ипостаси и в вампирской. Виргор — старшенький Камул по всем статьям. Рейн, если память не изменяет, погодка Ала — единственный рыжий в семье, вернее золотисто-русый, с рыжинкой. Остальные пепельные блондины, типажа Виргора. Один друг медведя похож на альбиноса.

В стороне от любительниц клыкастых горланили байкеры из фанатеющих по канам, что сразу угадывалось по татуировкам, рисункам на шлемах, даже вышивках на кожаных жилетках и куртках. Пантеротигры скакали, бегали, выглядывали из каждого сантиметра ткани, включая вороты и манжеты, красовались на каждом открытом участке кожи, не добравшись только до лица.

Эти подбадривали кумиров нечленораздельным гоготом, рыком и еще бог знает какими непередаваемыми звуками.

Общество любителей верберов, в самом центре разномастной орды зевак, выделялось клетчатými рубахами со значками в виде гризли на карманах. Их гомон прекрасно вливался в невнятные крики мотоциклистов. Даром что банды друг друга на дух не переваривают! Одень одинаково — и сами фанаты своих от чужих не отличат. Забавная была бы картинка, если забыть о происходящем на крыше небоскреба.

Хотя крупнокалиберные мужчины поддерживали оборотней во все луженые глотки, их ор легко перекрывало верещание толпы вампироманок, стремительно переходящее в ультразвук.

Случайные прохожие, увлеченные невиданным зрелищем, старались держаться от обожателей свехов на приличном расстоянии.

Еще дальше на крышах трех гигантских сине-зеленых микроавтобусов расположились... самые ненавистные мне поклонники. Эти не рвали связки, не прыгали и не потрясали металлом, бицепсами, кулаками. Разодетые в пух и прах по последней моде, в лучшие ткани, с до тошноты уложенными волосами они время от времени синхронно поднимали громкоговорители, вещая: Генты всех уроют! Генты круты, а остальные — отстой!

Ну очень содержательная речь, а главное какая изысканная... Лесные короли бы скривились раз двести.

Свист падающего тела, второго, третьего ознаменовали наше приближение ко входу в небоскреб.

Альпин лихо крутанул руль, и труп рухнул в миллиметрах от нас, распластавшись на гладкой мостовой в неестественной позе. Бордовая лужа вокруг головы погибшего медленно растекалась, словно лучи пуская ручейки в стыки сизых плит. Понятное дело, мы с Этьеном такого повидали немало, с нашим-то контингентом... Но всякий раз, столкнувшись с бездарно утерянной жизнью, я чувствовала, как внутри что-то умирает. Блюмц, блюмц, плюх, бух, бах... Ничто не сравнится со звуком ударяющейся о камень плоти. Ледлей проделал несколько невероятных виражей, благодаря чему на нас не только не упал ни один пострадавший, но и ротозеи расступились, давая машине припарковаться.

Казалось, сейчас мы протараним прозрачную вертушку, по которой бесшабашно летали тонко прорисованные лимонные бабочки с пурпурным узором на крыльях. Однако, авто затормозило точно перед дверями в здание.

Я рванула было наружу, но стальная рука Альпина пригвоздила к месту. Не успела возмутиться, как машина сдала назад, а прямо перед ней приземлился очередной уже погибший. Становилось ясно, что полицейские сводки ну очень преуменьшены.

— С... пасибо, — нерешительно буркнула я.

— Всегда, — кивнул Ледлей, отворив дверцу за меня.

Выскочив наружу, Этьен первым делом монотонно отчеканил в громкоговоритель: «Немедленно разойдитесь! Через десять минут прибудет подкрепление! Оставшихся на месте арестуют, как соучастников, без права на объяснения и адвоката».

Фанаты противно загудели, вампироманки оглушительно завизжали, но толпа начала медленно редеть.

Охранников возле дверей не обнаружилось — скорее всего, они в гуще битвы, только вот за кого дерутся?

Внезапно стремительно рассасывающаяся орда глазеющих застыла, точно роботы, у которых кончились аккумуляторы. Взгляды устремились вверх, а следом пронесся почти благоговейный шепот, достойный явления бога: «Мо-о-ор-р-рох...»

Вот уж не думала, что ненавистный многим неандерталец может снискать такое благоговение, тем более среди любителей канов, медведей, чьи племена исконно не в ладах с ледяными. Камулы и Беарновское поселение — исключение из правил.

Мне не раз случалось наблюдать появление главы клана Ледлеев на публике. Окружающие глазели с любопытством, обсуждали, что древнейший вампир и впрямь не слишком похож на человека. Болтали — какой у него приплюснутый череп, словно природа стремилась не столько к овалу, сколько к квадрату, большие, широкие стопы, шевелюра растет практически от бровей. Но главное — взгляд, не стеклянный, как у большинства

нежити, а пронзительно-обжигающий, не взирая на очень светло-серые зрачки, выделяющиеся от белков только узкой каймой алюминиевого оттенка.

Однако, сегодня даже гентоманы оцепенело уставились наверх, шелестя одними губами: «Мо-о-о-о-р-рох».

Кажется, весь мир сошел с ума!

Я намеревалась зайти в небоскреб вслед за Альпиным, когда Этьен дернул за руку, да так, что едва не вывихнул плечо. На эмоциях оборотни порой забывают о хрупкости людей. Сколько бы вы не работали со сверхами, подобных okazji не избежать. Оглянувшись на напарника, едва не ошалела. Рот приоткрыт, рыжие космы вздыбились, серо-голубые глаза расширились. Да что все с ума посходили что ли?

Вместо ответа на невысказанный вопрос, медведь ладонью поднял мой подбородок и...

Черт! Живешь себе в мире сверхов, полагая, якобы почти все о нем знаешь. Десятилетиями изучаешь нелюдей и вдруг наблюдаешь такое...

Чувствуя себя щенком, впервые увидевшим снег, погрузившим лапу в неведомую субстанцию — прохладную, влажную, пушистую, неотрывно следила за явлением в небе. Именно явлением, иначе и не назовешь.

...

Главный Ледлей мчался над гротескным небоскребный лесом. Никогда не слышала, чтобы ледяные летали, хотя многие писатели и сценаристы приписывали им подобное свойство. Но дело не в этом.

Морроха окружало нечто вроде золотисто-бронзового кокона, очерченного настолько резко, что форма его прекрасно вырисовывалась на фоне бирюзового неба. Длинная шея, блестящая чешуя, когтистые лапы, мощный хвост, гигантские крылья, переливающиеся на солнце как мыльные пузыри.

Поза неандертальца чем-то напомнила мне мифологического ящера из фантастического кино. Руки и ноги чуть согнуты, расслаблены, спина предельно выпрямлена, прозрачный хвост кажется продолжением тела.

— Да вы идете? — Альпин привел меня в чувство, эффект усилил очередной покойник, шмякнувшийся в полуметре с распластанными руками, будто пытался подражать Морроху. Отскочила подальше, но ало-бордовые брызги отпечатались на моих бежевых джинсах... Ну вот, снова Марго будет их отбеливать и штаны станут на тон светлее. Автоматически поддернув рукава белой трикотажной рубашки, подняла глаза на второго Ледлея. Тот высунулся из-за двери здания, непонимающе вперившись в нас с Этьеном. Я только и смогла ткнуть пальцем вверх.

— Хм... Вы еще не видели, как летает отец? — безмятежно отмахнулся Альпин, без единого намека на удивление. — Красиво, эффектно, но получается само собой. Он и сам не понимает, как выходит.

— А другие вампиры? — медленно процедил Этьен. Открывшиеся возможности мертвых определенно не радовали вербера.

— Никто другой. Может это потому, что Моррох вообще не человек? — брит слабо пожал плечами.

— Теперь уже сомневаюсь, что он нормальный ледяной, — покачал головой напарник, сняв фразу у меня буквально с языка.

— Кто его знает, — опять пожал плечами Альпин, — Он первый, я вам потом расскажу, как отец стал мертвым. Весьма странная, загадочная история, должен отметить. Навевает

на мысли, что в его генах намешано что-то еще... Но сейчас не время и не место.

Хорошо напомнил!

Взяв себя в руки, шагнула к вертушке, спиной чувствуя напарника, мгновенно подстроившегося прикрывать меня. Когда работаешь вместе так долго, слова и жесты излишни.

Пестрый холл с колоннами был декорирован на манер средневекового замка — фрески с сюжетами древнегреческой мифологии украшали все, что можно и что нельзя. Даже по полу ползали гидры, бегали герои в набедренных повязках и с характерными профилями, выходила из пены бесстыдно голая и бессовестно красивая Афродита... Здесь проводились выставки-продажи украшений из полудрагоценных камней. Сама не бывала ни разу, но Марго завсегдатай — часто отоваривается бусинками, камушками для кожаных украшений.

На наше счастье, нынче помещение пустовало. В противном случае пришлось бы продираться к лифту сквозь толпу покупателей, вихляя между рядами переносных лавчонок.

Подумалось: «Зачем Моррох-то пожаловал?» С чего вдруг драка сверхов привлекла внимание самого могущественного ледяного планеты?

— Отец что-то говорил про гента, обещавшего уладить дело Праллара с выгодой для Ледлеев, — пояснил Альпин, успевший долететь до стеклянного цилиндрического лифта на другом конце зала.

Минуточку! Что-то я торможу! Новости-то не из приятных, а я о Марго, развалах минералов и прочей ерунде! Значит, Моррох с гентами договорятся, найдут крайнего, а мы его подставляем? Этого еще не хватало! За всю свою доблестную службу никогда не фабриковала улики и дела! А я-то почти поверила, что из брита может получиться нормальный ухажер... Боже! О чем только думаю!

— Да не собираемся мы сторговываться с гентами, — заходя в лифт вслед за Этьеном, закатывающим рукава желтой клетчатой рубашки, уверил Альпин. — Отец хочет докопаться до истины, вот и все. Сообразить какое место во этой гнилой истории занимает тот самый лесной королишка, раз уж самолично на нас вышел. Сама знаешь, генты и ледяные друг друга не жалуют.

Конечно! Скажи еще Моррох, как добропорядочный гражданин стремится помочь раскрыть преступление!

Секунда — и брит притянул меня к себе, совершенно не обращая внимание на напарника, принявшего неприлично хихикать. Голубые глаза со стальными крапинками буравили:

— Ната, — Альпин провел рукой по моей щеке. Сколько ни силилась оставаться равнодушной, приятное тепло поплыло по мышцам, захотелось большего. Бр-р-р! В конце-то концов, Ната! Теперь Ледлей тебя из строя выводит? — Я не князь и не граф, — произнес меж тем нарушитель моего спокойствия, — Родился в доисторическом племени, но как мужчина, рассчитывающий на серьезные отношения с тобой, никогда не позволил бы себе обман.

Черт их разберет, сильный пол, а особенно вампиров. Звучало более чем убедительно, но не привыкла я верить на слово. Рука Альпина на талии, медленно и, надо признать, умело поглаживающая, его потрясающие зрачки, каким романистки пишут восторженные дифирамбы... Ощущение, что ноги вот-вот оторвутся от пола... Чертовы сочинительницы розового чтива, впечатления соблазненных женщин описывают сладко, конфетно до тошноты, но довольно-таки похоже на правду. Я уже почти забыла — куда и зачем едем.

Отрезвил привычный шум драки сверхов, с применением подручных предметов, клыков, когтей, ворвавшийся в открывшиеся двери лифта...

По опыту знаю, в таких случаях кричать: «Полиция, разойдись!» — бесполезно. Ни один уважающий себя нелюдь не послушается. По закону наказать можно только зачинщиков драки, определить которых труда не составит — ресторан напичкан камерами, как зимний улей медом. Виновники должны были очень отчаяться, чтобы затеять подобное, а значит — на них призывы успокоиться не подействуют. На остальных же у нас и вовсе не было никаких рычагов давления.

Несколько лет назад Маггерон — мэр Аннариса предлагал принять закон, по которому привлекались к ответственности все сверхи, причинившие людям телесные повреждения. Разумеется, в разной степени. Инициаторов свары предлагалось карать сурово, прочих же — слабее.

Не трудно догадаться, что проект не прошел даже предварительное чтение. Слишком уж политиканы трусят перед нелюдями. Плюс к тому, многие по тем или иным причинам представляют их интересы. У кого-то совместный бизнес, у кого-то личные отношения, кто-то вообще получает от гентов, ледяных или другой расы зелья или кровь для поправки здоровья.

В итоге, мучаются все — полиция сверхов, подвергаясь смертельной опасности, не имея почти никакого давления на задир, мирные граждане, владельцы заведений, превращенных в гладиаторскую арену.

Добро пожаловать в гостеприимный Аннарис!

Что ж! Будем действовать по обстановке.

Грядущее участие в месилове гентов заставляло желудок съеживаться, но Ната Велес еще никогда не пасовала в боевых условиях. Вперед! Хотя этот мысленный возглас несколько опоздал, потому, что первым в гущу событий, а вернее в зал ресторана, откуда доносились характерные звуки, рванул Альпин. Поймав себя на странном беспокойстве за судьбу брита, постаралась бежать в ногу с Этьеном, машинально коснувшись пистолета за поясом. Стрельба на поражение нам категорически запрещена. Убей хоть одного нелюдя — в лучшем случае, тебя вышвырнут со службы с такой характеристикой, что даже мусор сортировать не возьмут. В худшем, если пострадала шишка покрупнее, причем, совершенно неважно — кто первый на кого напал, а кто защищался — гуманная казнь. Привяжут к стальному столу-каталке — ну чтобы уж сразу и для поездки в морг подготовить, и введут очередное достижение гентской науки — усыпляющее зелье. Говорят после него глюки невероятные, и пока у тебя в голове крутятся фантастические фильмы, медленно останавливается дыхание. Учитывая, что в течение часа человека можно спасти, а сверха в течение нескольких часов, заключенные, отбывающие пожизненный срок на себе этот чудо-яд опробовали. Заверяли, будто действительно ничего не чувствуешь, пока вдруг не падаешь в черноту.

Шум и гам драки снова вернули мне ощущение реальности. Ната! Да ты совсем квалификацию теряешь! Который раз вырубаетесь на месте происшествия! Надо срочно что-то с этим делать!

Перед «боем» мои эмоции отключались сами. Точно робот рванула в трехметровые, судя по плану здания, двери ресторана. Подобного я и впрямь не видела.

Четыре громадных ночных кана, три массивных медведя и тройка вампиров с Виргором во главе бились примерно с тремя десятками гентов — у меня глаз на диспозицию

наметанный, налету подсчитываю. Незадачливые посетители, которых угораздило прийти в ресторан одновременно с враждующими сверхами, были повсюду. Кто-то ползал по полу, кто-то прятался за портьерами, кто-то забрался за барную стойку, слева от входа. Шестеро раненых охранников, все в крови до такой степени, что я не поняла — кто пострадал серьезно, а кто легко, пытались оттащить из центра зала людей, съездившихся на деревянном паркете, почти не дыша. Мда, красота.

Повсюду валялись перевернутые столы, стулья, подносы, щедро сдобренные осколками стекла, фарфора, остатками еды, лужами соков, коктейлей, вин, вперемежку с кровью естественно. В общем, шабаш, да и только, как говаривал Бренд, когда возглавлял «боевые выезды».

Одного котяру узнала сразу — Тарелла. Знаменитого альфу ни с кем не спутаешь — размеры, широченная грудь, какой ни один другой знакомый людоед не похвастается выдавали его в зверином обличье.

Новоявленный соратник Беарна с Алом катался среди обломков мебели, намертво сцепившись с двумя знатными гентами. Уорлом Ясноликим, собственной персоной и его кузенном — Коэгардом Трехглавым. Говорят, последний мог задурить голову противнику, заставив поверить, что не один, а целых трое. Лесные монархи из всех сил пытались всадить в кана ножи из мроркского металла, но не тут то было. Невероятных размеров зверь уворачивался настолько ловко, насколько умеют только людоеды. Каны унаследовали лучшее от пантер и тигров. Независимо от ипостаси — человеческой или животной, все как один двигались бесшумно, юрко, но уж если били, крошились черепа крепче, чем у знаменитых государей.

На оскаленных верберах гроздьями висело где-то по шесть гентов, из всех сил тужившихся пробить толстенную медвежью шкуру длинными клинками. К гадалке не ходи — оружие обработано бельесом — ядом, синтезированным волшебным народцем для живоедов. Убить не убивает, но частично парализует. Ран на сородичах Этьена заметно не было, но достаточно одной царапины, чтобы отравы начала действовать.

Моррох опустился на крышу-ресторан как раз в тот момент, когда Камулов ослепили еще одним проклятым колдовским снадобьем. Спина к спине, ледяные отбивались от пятерки противников, вооруженных чем-то наподобие пик. Слабость у гентов к подобному оружию. Ледяные орудовали толстыми металлическими трубами, явно оторванными где-то в зале. Скорость у звонкоголосых магов чуть ниже вампирской, но вслепую Камулы уже пропустили несколько ударов. С руки Ала свисал кусок мышцы, из дыры на штанине синих трико Виргора обильно сочилась бурая струя, Рейн одной рукой сжимал разорванную артерию на шее, другой защищался. Сквозь пальцы младшего Камула сочились бордовые ручейки. Генты смыкали кольцо, нанося удар за ударом. Отбивая два, третий ледяные почти всегда пропускали, трясая головой, в тщетной попытке восстановить зрение.

Уорл звонко вскрикнул — краем глаза увидела, как Тарелл недюжинными челюстями сломал королю кисть. Опасный кинжал выпал из раздробленных пальцев, но гент тут же перехватил его здоровой рукой.

Один из медведей начал заваливаться на бок — отравы делала свое дело. Самый внушительный, темный вербер обернулся в его сторону и, не взирая на болтающихся на нем врагов, двинулся подсобить. Беарн. Этого медведя, как и Тарелла я узнала бы в любом обличье.

— Мы поможем пострадавшим, — бросил Этьен то, что сама хотела сообщить Альпину,

уже оценившему ситуацию и ринувшемуся в драку.

Ледлей обернулся, подмигнув:

— А мы с отцом объясним гентам — как нехорошо нападать на вампиров!

Начав пробираться мимо верберов, облепленных гентами, все же не могла не заметить триумфального подкрепления нежити в лице Морроха с Альпиным.

Неандерталец прыгнул на противников Камулов, едва его ноги коснулись крыши. Фантомный дракон вокруг него тут же исчез, не преминув сложить ослепительно сверкнувшие крылья. Не сподобившись вооружиться хотя бы чем-то, голыми руками, за шкурки Моррох оттащил троих гентов. Те ошалело, словно заведенные тыкали древнейшего ледяного пиками, но противник и бровью не повел. В ход пошли склянки с зельями. Вокруг неандертальца поднялся туман неприятного грязно-болотного цвета, едкие запахи зашекотали ноздри. Даже Этьен расчихался, как ни старался прикрыть рот и нос рукавом.

Последним взглядом, прежде чем начать оттаскивать к выходу двух посетителей с разбитыми головами и слабо прощупывающимся пульсом, отметила, что Альпин присоединился к отцу. Треть помещения заволокло дымкой, сквозь которую с трудом проглядывались силуэты дерущихся.

Еле-еле успев выдернуть своих пострадавших с места падения двух гентов, сброшенных Беарном и резво вскочивших на ноги, продолжила спасательную операцию. Этьен подхватил на руки трех женщин. У одной из ноги торчал осколок кости, вторая держалась за рассеченную рану на лбу, из которой обильно сочилась кровь, третья висела плетью, из разодранного плеча торчали куски дерева.

Дышать становилось все труднее. Чертовы снадобья делали свое дело со всеми, кроме тех, против кого применялись. Несколько ползших к выходу людей грохнулись в обморок, будто тюки соломы. Вслед за ними, сползли по стене охранники. Я надеялась, что гентского отвара в крови хватит, чтобы, не потеряв сознание, вывести наружу хотя бы часть жертв.

Обогнув двух канов, поваливших четырех противников ничком, полосовавшими острыми, как бритва когтями передних лап по рукам, пока оружие не выпало из ослабевших ладоней, увидела свет в конце туннеля.

Болотный туман опустился ниже и теперь стелился по полу, так что ориентироваться стало легче. Рванув подальше от людоедов с их жертвами, не заметила, как зацепилась за столешницу, рухнув на колени. Не обращая внимания на заработанные ссадины с гематомами, подтянула своих раненых поближе, чувствуя себя медсестрой во время отечественной войны.

Убедившись, что с ними все в порядке, дернулась вперед, но тут нечто очень тяжелое рухнуло на одного из подопечных и... мою лодыжку. Острая боль впилась в ногу, несколько раз уколов бедро. Обернувшись, увидела, что одурманенный вербер все-таки свалился, и генты, выпучив глаза, самозабвенно тыкали в него ножами. Беарн не успел... Рык, от которого заложило уши, свидетельствовал о том, что медведь сожалеет и оставшейся лесной братии несдобровать.

Попытка высвободиться заставила сморщиться — от боли потемнело в глазах. Держись, Ната! Нас ждут великие дела! Или как минимум суд над теми сверхами, что начали потасовку среди мирного населения! Даже если переломаю ноги, на костылях, в каталке допоздну посмотреть на их лица в клетках для обвиняемых! Положение казалось абсолютно безвыходным. Медведь бухнулся на нас спиной, а сдвинуть тушу весом не меньше пятисот килограмм мне не под силу. В отчаянии дернулась, фантазируя на тему зверушки, попавшей

в капкан и отгрызающей себе ногу.

Ругательство сорвалось с языка, следом за отчаянным криком:

— Этье-е-е-ен!

И мысленным дополнением: «Альпи-и-и-ин!»

28

(Тетис)

После драки машут протоколами

Огни... Поначалу Тет недоумевал — почему эту тихоню, стесняющуюся естественного проявления любви и страсти вожака, каким гордилась бы любая самка, так называли.

Она напоминала птенца, выпавшего из гнезда, родителей которого убили беспощадные охотники. Каждую минуту казалось, Огни ждала нового удара судьбы. Не рассчитывала на хорошее, а инстинктивно настраивалась на худшее.

Когда Тарелл ушел, оставив брата «дежурить возле гостыи», Тет из кожи вон лез, чтобы приободрить ее.

Почему? Он и сам до конца не понимал.

Странные, новые эмоции к альфе, к его возможной женщине бурлили в крови, выходя наружу усиленными попытками отвлечь Огни от переживаний, заставить поверить в Тарелла. Тем более, с ним лучшие охотники, последние кандидаты на роль беты. Взять хотя бы Крекатта, проигравшего главе поселения за несколько минут до отвоевания должности. Каштановогривый воин сразу выделявшийся среди остальных ночных канов — брюнетов и очень темных шотенов — почти не уступал вожаку в силе, ловкости. В зверином обличье отличавшийся рыжеватым подшерстком, на пару с Тареллом как-то раз завалил двух медведей из племени, обитавшего неподалеку от беарновского.

Айрра слишком тяжел и грузен для большой выносливости, но если окажешься между его челюстями, или под массивным телом, пиши пропало. Только альфа выбрался, побив гиганта скорее выносливостью, нежели мощью.

Нарр же, напротив, представлялся эдаким неиссякаемым аккумулятором. Вечным двигателем, как выражаются люди. Юркий, гибкий, шустрый, неутомимый... Тарелл взял его только слегка превосходящей мощью.

В стае не афишировалось, но эти трое все еще натаскивались на роль беты, ведь каждому не хватило совсем чуть-чуть.

Тет подробно рассказал Огни об этом, но она не особенно успокоилась.

Едва прикоснувшись к еде, принесенной Индирой, девушка мерила шагами холл дома Тарелла, замирая от малейшего шороха, доносящегося снаружи.

—Сегодня, впервые, Тет задумался — так ли доверчив брат к его лжи, «выручавшей Стеллу», спасавшей дичь, загоняемую вместе с альфой.

Шоком, хотя и приятным, стало для брата вождя открытие, что глава прекрасно осведомлен о подруге Беарна... В голове вихрем закружились мысли... О чем еще знал Тарелл, но не озвучивал, не подавал виду?

Получается, он не так привязан к обычаям предков, как представлялось Тету? Возможно ли, что временный бета стаи даже не догадывался о творившемся в душе брата? Неужели, мировоззрение альфы не столь далеко от мировоззрения Тета?

Мир перевернулся с ног на голову!

Бедный Тарелл! Переживать и не иметь ни единого шанса поделиться хоть с кем-то! Ведь это слабость! За такое совет вождей может вызвать на поединок, лишит места и списать племя в качестве плебеев низшего сорта.

Легко отрицать, противиться древним законом, не отвечая за сотни жизней за спиной!

Тета подташнивало от собственной недалёковидности, глупости, толстокожести, отсутствия проницательности. Теперь, как никогда прежде, он хотел остаться плечом к плечу с Тареллом. Но начал понимать, что облегчить душу альфа сможет только одному существу, единственному, с которым не побоится выглядеть слабым, ранимым... Это существо, чью жизнь глава поселения велел охранять как зеницу ока, сейчас металось из угла в угол, точно бабочка в сачке.

Влетевший в комнату запыхавшийся Мерес, выкрикнул:

— Сведения из полиции сверхов!

По-хорошему стоило отчитать сородича за вторжение на территорию вожака без разрешения и стука. Но Мерес недавно прошел посвящение в мужчины, и от волнения, похоже, забыл все правила. Дети, подростки не допускались в жилище альфы, так что перешагнувший этот рубеж кан впервые столкнулся с подобной ситуацией.

— Что? — не выдержал Тет, наблюдая за вестником, нервно переминавшимся с ноги на ногу.

Огни застыла посреди холла, внимательно изучая вновь прибывшего.

— Патрульные из полиции сверхов... Только сказали, чтобы бета срочно явился в седьмой участок. По поводу происшествия во «Льве»... Машина готова.

— Ступай, дальше я сам, — голос брата вожака предательски дрогнул.

Почему нет вестей от Тарелла? О Тарелле? Он погиб? Неужели? Дыхание выплескивалось из легких горячими струями, мышцы окаменели, сердце остервенело било по ребрам... Не может этого быть! Тарелл не мог вот так вот умереть!

— Приди в себя, Тет! — непонимающе вперившись в ту, что встряхнула его за плечи, брат вождя схлестнулся взглядом с золотисто-кариыми глазами... Огни? Затюканная, похожая на куклу со сломанным механизмом внутри? Теперь имя оправдывало ее.

Лицо пылает, от тела исходит неведомая энергия. Ни грамма сомнения, ни мгновения психоза.

— Сам подумай, — звонкий голос той, которую поклялся оберегать даже ценой жизни, пропитался уверенностью, сочувствием, — Если бы Тарелл погиб, неужели нам бы не сообщили? Полиция первым делом говорит такие новости, вызывает на опознание, разве не так?

Она мыслила здраво, логично, в ситуации, абсолютно выбившей Тета из колеи.

— Поедешь со мной? — до безумия хотелось ее присутствия, дарящего утешение, какого никак не ожидал.

— Конечно, поеду. Я ведь почти альфа-самка, — последнее слово прозвучало не очень уверенно. Но даже шанс заполучить в качестве пары вождю такую женщину, радовал как никогда.

Легко привыкнуть к хладнокровности людоедок. Однако, такой мобилизацией в критической ситуации, мало кто из них мог похвастаться.

Выскочив из коттеджа, Тет ожидал увидеть один из микроавтобусов племени. Каны не любили маленькие машины. Вдруг придется обратиться внутри? Подхватить сородичей из других стай? Или соплеменников, срочно нуждавшихся в переброске на другую территорию.

Да и вообще, узкие пространства угнетали народ Тета. Даже он сам, пару раз по необходимости ездивший в такси для оборотней — средних размеров — почти скатился до приступа клаустрофобии.

Но возле порога стоял огромный полицейский джип, рядом с которым мелькал Мерес, нарезающий круги вокруг двух старших братьев.

Глава семьи, прославленный воин, уважаемый Тареллом — Баррет и его сын — Маклой ожидали временного бета куда более невозмутимо.

— Полицейская машина подъехала, когда мы хотели подать нашу, — пояснил Баррет. — Нужна помощь?

Барабанные перепонки с трудом выносили долбящий по вискам пульс, ноги и руки немели, но Тет распрямил спину, лопатки свел вместе до боли, заставив себя держаться бесстрастно.

— Со мной Огни, — кивнул в направлении спутницы.

— Хорошо, если что, жду распоряжений, — Баррет потряс сотовым. Мобильниками каны почти не пользовались, но на случай крайних обстоятельств, каждый обзавелся последними техновинками.

Тет уверенно сел на заднее сидение авто, Огни последовала его примеру. Сильный волчий запах ударил в нос. Поборов желание чихнуть, так и щекочущее изнутри, помощник главы непроизвольно потер ноздри пальцами.

Слабый дух медведей, канов, ледяных, гентов не шел ни в какое сравнение с удушливым мускусным — вервульфов с рыжими.

Даже надушенные в пух и прах знатные «мальчики-одуванчики» не были таким испытанием чутью, как эти два вида аромо-оборотней.

Тот час к ним развернулись двое «полисверхов» — так сокращенно называли стражей порядка, регулирующих отношения людей и других рас.

— Лейтенант Сарев. Вы Тет и Огни? — уточнил коренастый, широкоплечий для человека европеец, зачем-то откидывая упавшую на лоб густую, темную челку.

— Верно, — подтвердил брат альфы.

— Хорошо. Кстати, я сержант Эрлиф, — подал голос высокий, жилистый, нескладно-худощавый темно-пепельный блондин то ли скандинавского, то ли фино-угорского происхождения. Источник насыщенного аромата, рождающего дикое желание поморщиться.

— Прежде, чем тронемся, хочу знать — как Тарелл и вообще что произошло, — поймав одобряющий взгляд Огни, твердо произнес Тет.

— Тарелл и трое других канов задержаны для дачи показаний.

Тет не сдержал рвущийся из груди воздух. Брат жив и здоров, раз не в больнице, а в участке. Остальное уладить не сложно. Тарелл и его вынужденные партнеры — Ал с Беарном мордобития не планировали, напротив, рассчитывали избежать его, выбрав очень людное, напичканное камерами слежения место встречи.

Но в каком отчаянии один из гентов, если решил избавиться от свидетелей подобным образом, рискуя сесть в тюрьму, как зачинщик свары в заведении, где полно малозащищенных смертных, мирных оборотней, ледяных.

— В таком случае, зачем мы вам нужны?

Поразительно! Огни, еще недавно совершенно запутавшаяся в собственных эмоциях, смекнула быстрее, нежели бета.

— Для заверения показаний, — охотно пояснил волк, — Выдвигаемые обвинения

затрагивают верхушку гентских государств. Сложившиеся обстоятельства требуют того, чтобы показания каждого участника инцидента заверял кто-то из его ближайшего окружения. Нечто вроде поручительства, что это существо — то, за кого себя выдает, подтверждение личности.

— Ваших суперсекретных досье на каждого сверха не достаточно? — облегчение Тета выплеснулось наружу язвительностью.

Вервульф и бровью не повел:

— Как я сказал, процедура требует засвидетельствования личности. Так прописано в законах. Правило не имеет отношение к досье, хранящемся у нас.

— Прежде, чем подписать, что бы то ни было, мы требуем независимого юриста, — поддержала брата вождя Огни.

— Я вызову адвоката племени, он сейчас как раз в городе, — губы Тета невольно дрогнули в улыбке. С такой женщиной не пропадешь! А сам-то растяпа! Как не допер? Первое, что нужно было сделать — звонок адвокату, а не слюнями заходиться!

Если эта женщина еще будет сомневаться на счет Тарелла, надо сделать все возможное и невозможное, чтобы ее убедить. Огни рождена для роли альфа-самки, а глава еще никогда не выглядел таким счастливым, вдохновленным, уверенным.

Тет набрал телефон Фрасса — не только лучшего юриста стаи, но и одного из первых адвокатов страны. Не чурались нанимать кана даже генты, когда случалась безвыходная ситуация.

Полицейская машина сорвалась с места. Салев вел, Эрлиф напряженно следил за Тетом, подробно объясняющем юристу в мобильник, что стряслось, куда прибыть.

Фрасс включился в происходящее сразу — не даром Тарелл поручал ему самые сложные дела своей и других стай.

— Еду, — взял под козырек, хотя, судя по замечаниям, стуку судейского молотка, звонок сорвал его с процесса.

Фрасс уладит, на то он и Фрасс. Еще подростком, примерно ровесником Тарелла, он выходил сухим из воды в любых кризисах.

Даже когда не смог пройти посвящение, откопал где-то в рукописях доисторического Совета племен, якобы мальчик, ко Дню Убитого Медведя победивший вербера в драке и зачавший ребенка, не обязан спариваться с пантерой.

Увы! Предки забыли уточнить, что забеременеть должна людоедка, хотя все знали, что именно это имелось ввиду, а под фразой «одолеть медведя» подразумевалась гибель естественного врага. Хитрец не растерялся — привел смертную, клявшуюся, будто понесла от него, но ребенок не выжил, стало быть, тест на отцовство невозможен.

Следом появился парнишка из племени Беарна, уверявший, что Фрасс повалил его, обездвижив и хорошенько отмутозив. Историю подтверждал соплеменник поверженного, будто бы случайно услышавший шум драки, прибежавший на помощь, но явившийся к шапочному разбору. Парнишки-верберы с пеной у рта утверждали — если бы не прохожий собрат, конец бы противнику будущего грозы прокуроров.

Самые древние людоеды клялись, что никогда на их памяти, памяти их дедов и прадедов, обряд посвящения не отменяли.

Отключив мобильник, Тет постарался скрыть удовлетворение. Ему не впервой приходилось наблюдать, как служители порядка, нечасто работавшие с канами, ошибались на их счет, полагая людоедов недалекими дикарями. Не мудрено — обычаи расы

располагали к таким выводам. Народ Тета не стремился изменить предрассудки — чем проще ты кажешься, тем легче обвести вокруг пальца окружающих.

Метнул взгляд на Огни. Спокойна, рассудительна, собрана. На лице женщины не промелькнуло ни сомнения, ни страха.

На долю секунды она будто бы отключилась — невидящий взгляд уперся в одну точку, руки чуть подались вперед, плечи оторвались от сидения машины. Тет готов был поклясться, что вокруг спутницы мелькнул ореол золотистого ящера — дракона, как описывали их мифы, аджагара, как звали их все, кроме людей. Видение было молниеносным, как проблеск солнца меж свинцовых туч, отвоевавших небо для грозы.

Красивым и... необыкновенным. Тет — кан, оборотень, по сути своей мифологическое существо, повидавший немало себе подобных и прочих удивительных тварей ощущал себя так, словно угодил в детскую сказку, феерию потрясающих, волшебных событий.

Видение пропало, оставив в душе Тета впечатление детского восторга, от которого захотелось вскочить, заорать во всю луженую глотку и сплясать один из диких танцев предков.

Огни повернулась к нему и очень уверенно заявила:

— С Тареллом все в порядке. И... Тет. Я буду с ним... если... мои проблемы позволяют.

Проблемы? Надо срочно решать ее проблемы! Тет еще никогда не чувствовал столь острую нехватку информации... казавшейся жизненно-важной.

— Тарелл о них знает? — схватился за догадку, как за спасительную соломинку.

— Да, — голос Огни звучал тише и чуть печальней.

Отлично! Тарелл не может не решить проблемы такой женщины, впервые столь глубоко задевшей за живое. Единственно возможной пары.

Больше книг на сайте - Knigolub.net